

СРЕТОУЧ

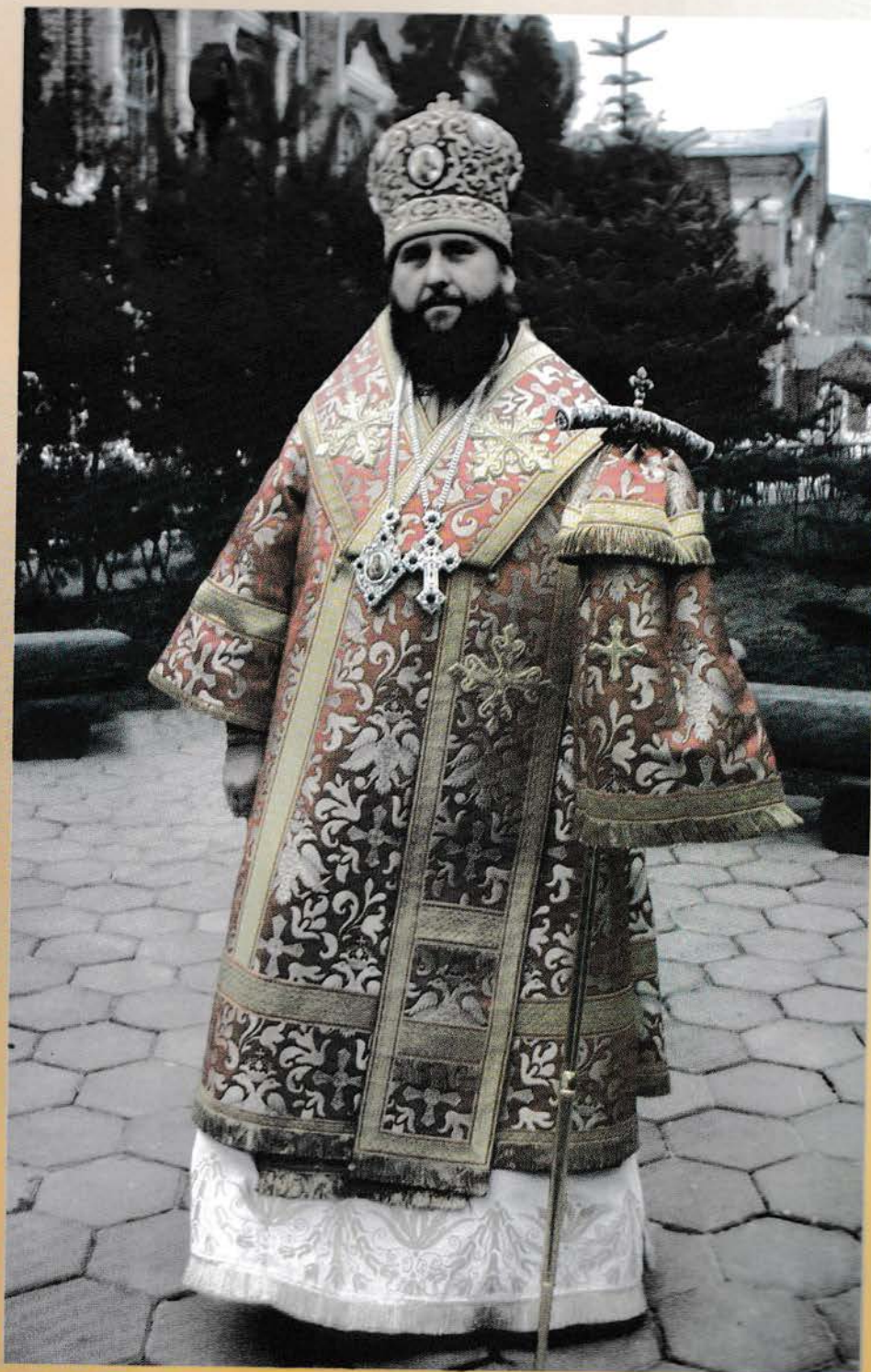

АЛЬМАНАХ

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ

Архиепископа Костромского и Галичского **АЛЕКСАНДРА**,
попечителя Костромского церковно-исторического общества

+ Александр

ПОСВЯЩАЕТСЯ 50-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
АРХИЕПИСКОПА КОСТРОМСКОГО И ГАЛИЧСКОГО АЛЕКСАНДРА

СРЕТОЧЬ

АЛЬМАНАХ

№ 1   2007

Кострома
2007

СВЕТЛОЧЬ

АЛЬМАНАХ

Главный редактор протоиерей Дмитрий Сазонов

Редакционная коллегия:

А. М. Белов, доктор исторических наук;
архимандрит Геннадий (Гоголев), кандидат богословия;

И. А. Едошина, доктор культурологии

Учредитель:

Костромское церковно-историческое общество

ПРЕДИСЛОВИЕ

Слава Богу, настало время «собирать камни» (Еккл. 3, 5), лихо разбросанные в нашей Отчизне людьми, желавшими построить «новый мир» на обломках старого. Слава Богу, время разрушений проходит, уступая времени созидания. В связи с наступлением «весны духовной» восстанавливается историческая память народа, его самосознание.

21 августа 2005 г. указом Высокопреосвященнейшего Александра, Архиепископа Костромского и Галичского за № 5571/2628-к, состоялось фактическое возрождение действовавшего в 1912–1919 гг. Костромского церковно-исторического общества, имевшего целью «изучение

церковно-религиозной жизни Костромской епархии в ее прошлом и настоящем, обследование, охранение и собирание памятников местной церковной древности и истории» (Устав Общества 1911 г.). Современное возрожденное Общество, являясь восприемником дореволюционного, имеет сходные цели, одной из которых является публикация материалов церковно-археологического и исторического характера. Продолжая традиции Общества, мы представляем вниманию читателей обзор и отчет деятельности Общества за 2006 г., а также ряд материалов церковно-исторического, экзегетического и культурологического характера. В первом выпуске альманаха Костромского церковно-исторического общества «Светочъ» представлены как авторы, уже известные современной костромской научно-исторической общественности своими работами, – архиепископ Костромской и Галичский Александр (Могилев), ректор Костромской духовной семинарии архимандрит Геннадий (Гоголев), профессор КГУ И. А. Едошина, краеведы П. П. Резепин, Л. И. Сизинцева, И. Х. Тлиф, так и авторы, до последнего дня известные лишь узкому кругу исследователей – игумен Ферапонт (Кашин), протоиерей И. Сазонов, иерей В. Бурдин. О последних двух мы вспоминаем, к сожалению, посмертно. Под названием «Светочъ» уже выходил в 1996 г. к дням славянской письменности церковно-исторический альманах,

ПРЕДИСЛОВИЕ

и Общество решило продолжить его традиции, присвоив название «Светочъ» (с любезного согласия на то редактора альманаха – Н. В. Муренина) альманаху Костромского церковно-исторического общества. Работая над первым выпуском альманаха, хочется выразить надежду, что продолженное нами доброе дело «наших отцов» соберет еще много сторонников сохранения исторического наследия наших предков и отзовется возрождением духовной красоты нашего Отечества и края.

Костромское церковно-историческое общество благодарит за помощь в издании альманаха генерального директора ОАО «СК Блок» Р. О. Лебедева и генерального директора ОАО «Кострома Лада Сервис» И. А. Торопцева.

От лица членов Общества выражаю благодарность всем, кто трудился над выпуском альманаха «Светочъ», в том числе редакционно-издательскому отделу КГУ им. Н. А. Некрасова во главе с Л. Г. Чекмаревой.

Протоиерей Дмитрий Сазонов,
председатель Костромского
церковно-исторического общества

Р Я Э Д С Л I

ВОЗРОЖДЕНИЕ КОСТРОМСКОГО ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

По благословению Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Александра, Архиепископа Костромского и Галичского, согласно его резолюции от 21 августа 2005 г. за № 559/2628-к, произошло возрождение Костромского церковно-исторического общества (КоЦИО); 6 апреля 2006 г. он утвердил Положение о Костромском церковно-историческом обществе. 6 июня 2006 г. состоялось первое заседание возрожденного Общества.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Современное Костромское церковно-историческое общество является прямым наследником общества, существовавшего в Костроме, в начале XX века (1912–1919). Первое Костромское церковно-историческое общество своим возникновением обязано инициативе костромских церковных историков – преподавателя Костромской духовной семинарии И. В. Баженова, протоиерея И. Студицкого, ректора Костромской духовной семинарии протоиерея В. Чекана, священника М. Раевского и других выдающихся деятелей церковной и гражданской истории и краеведения своего времени. Свое благословение на создание Общества дал Архиепископ Костромской и Галичский Тихон (Василевский), попечитель и непосредственный участник работы общества. 21 декабря 1911 г. за № 9105 Святейшим синодом был утвержден Устав Костромского церковно-исторического общества.

Общество имело своей целью изучение церковно-религиозной жизни в пределах Костромской епархии, в ее исторической и настоящей действительности, исследование, сохранение и собирание памятников местной церковной древности и истории. Для достижения намечен-

ной цели Общество выполняло следующую работу:

- нахождение, описание, систематизация архивов церквей, монастырей и других епархиальных учреждений;

- изучение местных религиозных обычаев, преданий, церковных обрядовых особенностей;

- историческое исследование церковно-религиозной жизни, в частности возникновение расколов и сектантства;

- распространение в обществе церковных, историко-археологических сведений, устройство выставок и публичных чтений церковно-исторического и церковно-археологического характера;

- публикация материалов и научных исследований по церковной истории и археологии Костромского края.

Общество находилось под попечительством епархиального архиерея, на утверждение которого исходили все постановления Общества. Непременными членами Общества считались: начальники духовных учебных заведений Костромской епархии, преподаватели Костромской духовной семинарии по кафедрам литургики, церковной и гражданской истории, наместник Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря.

Управление делами Общества находилось в ведении:

- а) общего собрания членов Общества,
- б) в Совете Общества.

Следует отметить, что вскоре после начала своей деятельности Общество достигает серьезных результатов. В стенах Ипатьевского монастыря, в помещении «романовских палат» был создан церковно-археологический музей, а при нем архив и библиотека. В 1914 г. вышел в свет подготовленный членами Общества юбилейный сборник, посвященный 300-летию Дома Романовых. Церковно-историческим обществом неоднократно собирались съезды научной общественности, на которых присутствовали светила исторической науки Москвы и Петербурга: профессора А. П. Голубцов, Д. И. Иловайский, Н. В. Покровский, Ф. И. Успенский, искусствовед В. К. Лукомский, историк С. Ф. Платонов.

Общество развернуло широкую научно-просветительскую деятельность, которая приносила неоспоримую интеллектуальную и духовную пользу государству, Церкви, людям. Революционные события 1917 г. нанесли серьезный удар по деятельности Общества. В 1919 г. Костромское церковно-историческое общество прекратило свое существование. А год спустя 9 февраля 1920 г. умер его бессменный председатель и организатор Иван Васильевич Баженов.

Наступили иные времена, прошли мрачные годы воинствующего атеизма и государственных гонений на Церковь. И вот уже второе десятилетие каждый желающий может получить уроки жизни у «лет древних»: прикоснуться к полезному опыту Церкви в деле сохранения и собирания древних памятников и святынь нашего народа, которые неразрывно связаны с историей и проповедью Русской Православной Церкви в нашем древнем, Богохранимом Костромском крае. Оста-

*И. В. Баженов (1855–1920)
Фото начала XX века*

рую потребность в работе Общества, которое могло бы собирать церковный археологический и исторический материал, обрабатывать, анализировать и доводить его до сведения широких кругов общественности, ощущали и священнослужители, и деятели костромской исторической науки, и краеведы, и все, кому небезразличны исторические судьбы нашего края, малой Родины, и Отечества в целом. Непростой, кропотливый труд по созданию, а точнее по воссозданию Общества завершился утверждением 6 апреля 2006 г. Положения о Костромском церковно-историческом обществе. Архиепископ Александр дал свое архиерейское благословение на начало организационной и научной деятельности.

Первое заседание Общества имело своей целью утвердить состав организации и донести до каждого члена ее цели и задачи. Каждому участнику заседания было дано индивидуальное задание, был определен круг полномочий каждого. В результате работы были намечены ближайшие перспективы: создание библиотеки, архива и церковно-археологического музея в стенах Костромской духовной семинарии (КоДС), издание печатного органа Общества, в котором будут публиковаться научные труды

членов Общества и архивные материалы, а также осуществится подготовка и издание справочника, содержащего подробную информацию о храмах Костромской епархии.

Благослови, Господи, труды возрожденного Костромского церковно-исторического общества во славу имени Твоего, к духовной пользе людей Костромского края и Отечества Российского!

ПОЛОЖЕНИЕ О КОСТРОМСКОМ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

1. Общество имеет целью изучение церковно-религиозной жизни в пределах Костромской епархии в ее историческом прошлом и настоящем, исследование, распространение знаний, сохранение и собирание памятников местной церковной древности и истории.

2. Для достижения намеченных целей и задач в круг деятельности общества входит:

– нахождение, описание, систематизация архивов церквей, монастырей и других епархиальных учреждений;

– изучение местных религиозных обычаев, преданий, церковных обрядовых особенностей;

– историческое исследование церковно-религиозной жизни епархии в прошлом и настоящем, в частности вопросов возникновения и распространения сектантства и других религий и культов на территории епархии;

– распространение в обществе, по преимуществу среди духовенства, церковных, историко-археологических сведений, организация выставок и публичных чтений церковно-исторического и церковно-археологического характера;

– публикация материалов и научных исследований по церковной истории и археологии Костромского края в периодической прессе и отдельными изданиями.

– содействие научным и исследовательским экспедициям и экскурсиям, направляемым другими обществами, учреждениями и отдельными лицами.

3. Для выполнения поставленных целей и задач Общество взаимодействует с другими историческими и археологическими учреждениями, областными и епархиальными, обменивается с ними изданиями, посылает своих представителей на проводимые ими конференции и съезды.

Состав Общества

1. Общество находится в ведении и под попечительством *епархиального архиерея*, на утверждение которого поступают все постановления Общества.

2. Общество состоит из *председателя, почетных, непрременных и действительных* членов Общества.

3. Председатель Общества избирается общим собранием членов Общества сроком полномочий на 3 года из лиц с высшим богословским образованием, предпочтительно в духовном сане.

4. В *почетные члены* Общества избираются лица: а) по своему положению имеющие возможность содействовать целям Общества; б) оказавшие особые услуги Обществу своими научными трудами по истории и археологии; в) содействующие Обществу материальными пожертвованиями. Почетным членам Общества выдаются дипломы за подписью архиерея-попечителя, председателя и печатью Общества. *Почетные члены и сотрудники* Общества избираются общим собранием и утверждаются в этом звании епархиальным архиереем.

5. *Непременными членами* Общества считаются: секретарь епархиального управления, ректор и преподаватели КоДС по кафедрам церковной и гражданской истории, благочинный монастырей Костромской епархии, благочинные храмов Костромской епархии.

6. *Действительными членами* Общества избираются люди, содействующие Обществу сообщением полезных историко-археологических сведений или доставляющие предметы древности в музей Общества. Принятие и отчисление из Общества происходит путем голосования на общем собрании Общества.

7. Управление делами Общества происходит а) на общем собрании членов Общества, б) в Совете Общества.

8. Общие собрания общества бывают *годовыми, очередными и экстренными*:

а) *годовые* собираются для рассмотрения годового отчета о деятельности и выбора лиц (при необходимости) в состав Общества, а также для выбора новых членов Общества, совета Общества и дополнения Устава Общества;

в) *очередные* собираются постановлениями совета Общества для заслушивания научных докладов и сообщений, для изыскания мер к лучшему направлению деятельности Общества, избрания своих представителей на конференции по историко-археологической тематике, для решения вопросов, поставленных Советом Общества, и разработки их для вынесения на общее годовое собрание, для рассмотрения денежных смет Общества;

г) *экстренные* собираются в самых крайних случаях для вынесения необходимых решений.

9. В состав *ревизионной комиссии* Общества входят три ежегодно избираемых члена Общества из лиц, не принадлежащих к составу совета Общества. Ревизионная комиссия проверяет годовой денеж-

ный отчет, приходно-расходные документы и имущество Общества. Заключение ревизионной комиссии заслушивается на годовом собрании Общества.

10. Для управления текущими делами Общества и его денежной частью, для наблюдения за устройством и состоянием имущества, архива, музея и библиотеки, а также для рассмотрения статей и научных трудов, представляемых к напечатанию в качестве изданий Общества, образуется Совет из 7 членов Общества (в который входит и председатель Общества), избираемый на годовом собрании сроком на три года.

11. *Председателем Совета* является председатель Общества.

12. *Совет* из своей среды выбирает *заведующих*: а) архивом, б) библиотекой, в) церковно-археологическим музеем, а также казначея и секретаря.

13. Постановления Совета считаются законными, если на заседании присутствовали: председатель, секретарь и не менее трех членов Совета.

14. Время заседаний Совета назначается председателем. Постановления Совета утверждаются правящим архиереем.

15. Председатель Совета консультируется по делам Общества с правительственными и учебными учреждениями; он получает поступающие на имя Общества бумаги и хранит печать Общества.

16. Секретарь составляет протоколы собраний Общества и его Совета, составляет годовые отчеты для доклада Общества и заведует перепиской Совета.

17. Казначей Общества принимает денежные поступления и записывает их в приходно-расходную книгу за подписью председателя Общества, производит разрешаемые Советом расходы и составляет годичный денежный отчет.

Денежные средства Общества состоят из добровольных пожертвований.

Структурные подразделения Общества

Для сосредоточения и сохранения собираемых Обществом документов и материалов церковно-археологического, научного и краеведческого характера, Обществом учреждается *музей, архив и библиотека*, в которых собираются:

а) памятники языка и письма: старопечатные и рукописные церковно-богослужебные книги, книги религиозно-нравственного и церковно-исторического содержания, старые акты и документы, дарственные грамоты и др.;

б) памятники церковной архитектуры в рисунках и фотографиях, гравюрах, моделях и образцах;

в) памятники церковной живописи и скульптуры;

г) предметы церковно-богослужебные, предназначенные для наглядной агитации и церковно-археологических исследований, как в натуральном виде, так и в фотографиях и гравюрах: священные сосуды, Евангелия, иконы, кресты, облачения и старинная церковная утварь.

Все означенные предметы первоначально поступают в Совет Общества, который и распределяет их по соответствующим местам хранения в учреждении при Обществе.

Памятники церковной старины поступают в учреждения при Обществе путем пожертвований или покупки на пожертвованные для этих целей деньги.

Всем находящимся в учреждениях Общества памятникам старины ведется подробная опись в инвентарных книгах Общества за подписью председателя Совета, секретаря и печатью Общества.

Заведующие музеем, архивом и библиотекой избираются из членов Общества. К их обязанностям относятся: а) опись находящихся предметов и документов, б) наблюдение за их сохранностью

и принятия мер по возможному благоустройству вверенных единиц хранения, в) составление инвентарных книг и систематических каталогов, г) составление годового отчета о состоянии вверенных им учреждений. Заведующие допускают в определенное время желающих для осмотра и работы в подведомственные им учреждения.

Все означенные лица несут материальную ответственность за сохранность вверенных их попечению предметов.

Правила пользования архивом, библиотекой и музеем Общества составляются Советом и утверждаются правящим архиереем.

Общество имеет свою печать, по краю печати надпись: «Костромское церковно-историческое общество».

Персональный состав Общества утвержденный

**Его Высокопреосвященством,
Высокопреосвященнейшим
Архиепископом Костромским
и Галичским Александром
(распоряжение за № 6401/1193-к
от 21 ноября 2006 года)**

Попечитель Общества: управляющий Костромской епархией, Архиепископ Костромской и Галичский Александр (Могилев), председатель Синодального отдела по делам молодежи;

Председатель Общества: протоиерей Дмитрий Иванович Сазонов, кандидат богословия, клирик Иоанно-Богословского храма г. Костромы;

Секретарь Общества: иерей Евгений Геннадьевич Иванов, проректор по воспитательной работе КоДС.

Непременные члены Общества:

– Олег Николаевич Овчинников, секретарь епархиального управления, заслуженный деятель искусств РФ;

– иерей Андрей Казарин, секретарь епархиального совета;

- архимандрит Геннадий (Михаил Борисович Гоголев), кандидат богословия, ректор КоДС;
  - архимандрит Иоанн (Александр Владимирович Павлихин), наместник Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря, благочинный монастырей Костромской епархии;
  - игумен Серафим (Сергей Иванович Фирстов), заведующий кафедрой истории КоДС;
  - протоиерей Валерий Валерьевич Бунтеев, настоятель Иоанно-Златоустовской церкви г. Костромы, благочинный 1-го округа;
  - протоиерей Игорь Ардалионович Шишков, настоятель Александро-Антониновской церкви г. Костромы, благочинный;
  - протоиерей Леонтий Петрович Мостовой, настоятель Свято-Никольской церкви с. Николо-Трестино Костромского р-на, благочинный 2-го округа;
  - протоиерей Иоанн Ковальский, настоятель Всехсвятской церкви п. Красное-на-Волге, благочинный 3-го округа;
  - протоиерей Андрей Руфович Воронин, настоятель Воскресенской церкви г. Нерехты, благочинный 4-го округа;
  - протоиерей Аркадий Апполосович Климов, настоятель Воскресенской церкви г. Буйа, благочинный 5-го округа;
  - протоиерей Александр Михайлович Шастин, настоятель Введенской церкви г. Галича, благочинный 6-го округа;
  - протоиерей Александр Анатольевич Воробьев, настоятель Успенской церкви п. Чухломы, благочинный 7-го округа;
  - иеромонах Варфаломей (Коломацкий), настоятель церкви в честь св. Игнатия (Брянчанинова), благочинный 8-го округа;
  - иерей Александр Геннадьевич Буйдоров, настоятель Никольской церкви г. Мантурово, благочинный 9-го округа;
  - иерей Дмитрий Владимирович Степанов, настоятель Свято-Никольской церкви г. Шарьи, благочинный 10-го округа;
  - протоиерей Иоанн Петрович Чулков, настоятель церкви в честь прп. Тихона Луховского г. Волгореченска, благочинный 11-го округа.
- Действительные члены Общества:
- протоиерей Михаил Насонов, проректор по научной работе КоДС;
  - диакон Андрей Вавилов, инспектор и преподаватель КоДС;
  - Нина Федоровна Басова, главный библиотекарь библиотеки им. Крупской;
  - Андрей Михайлович Белов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории КГУ;
  - Виктор Валерьевич Бурдин, кандидат филологических наук, редактор журнала «Бухгалтер»;
  - Ирина Анатольевна Едошина, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии КГУ;
  - Татьяна Алексеевна Ёлшина, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии и филологии КГТУ;
  - Николай Никитич Свиридов, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента КГУ им. Н. А. Некрасова;
  - Лариса Ивановна Сизинцева, кандидат культурологии, краевед;
  - Анна Владимировна Соловьева, заведующая канцелярией КоДС;
  - Елена Леонидовна Тихомирова, сотрудник архитектурно-этнографического музея-заповедника «Ипатьевская слобода»;
  - Сергей Анатольевич Уткин, краевед, заместитель директора архитектурно-этнографического музея-заповедника «Ипатьевская слобода»;
  - Александр Витальевич Шихов, сотрудник Костромской епархии;

– Александр Владимирович Шершнев, краевед.

Впоследствии в данном составе Общества предполагаются изменения. Все но-

вые кандидатуры будут в частном порядке утверждаться управляющим Костромской епархией через подачу прошений на его имя от имени председателя Общества.

ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПРОВЕДЕННЫЕ КОЦИО В 2006 г.

1. Изысканы материальные средства и установлен крест-памятник на могиле священника-поэта иерея Валерия Бурдина. Крест-памятник был открыт и освящен 17.08.2006 г. Сразу же по освящении креста-памятника в память об иерее Валерии была проведена литературная встреча с участием творческой интеллигенции г. Костромы. Мероприятие было освещено в средствах массовой информации.

2. С началом нового учебного 2006/07 года в КГТУ и в КГУ им. Некрасова членами КоЦИО – протоиереем Дмитрием Сазоновым, иереем Евгением Ивановым и диаконом Андреем Вавиловым – начато преподавание курса «История религий».

3. По инициативе КоЦИО и трудами его членов была осуществлена реставрация креста-памятника на могиле выдающегося русского философа протоиерея Федора Голубинского (1797–1854). По завершении реставрации 15.09.2006 г. перед крестом-памятником протоиереем Дмитрием Сазоновым при участии членов Общества была совершена панихида.

4. 04.11. 2006 г. был издан сборник стихов иерея Валерия Бурдина (ум. 2002) «От Черного моря до Черной речки» тиражом 500 экземпляров.

5. 04.11.2006 г. был создан сайт КоЦИО:

Электронный адрес сайта: www.kocio.kostroma-eparhia.ru.

Электронный почтовый адрес: kocio1@yandex.ru.

6. 19.11. 2006 г. в актовом зале КоДС состоялся *поэтический вечер памяти иерея Валерия Бурдина*, замечательного костромского поэта, публициста, духовного писателя. Вечер был приурочен к дню тезоименитства о. Валерия – 20 ноября Русская Православная Церковь отмечает день памяти святого мученика Валерия Милитинского (III в.). На вечере был представлен выпущенный по инициативе Общества сборник стихов о. Валерия «От Черного моря до Черной речки», куда вошли его стихи разных лет. Присутствовали многочисленные поклонники его творчества, ректор, преподаватели и воспитанники КоДС. С воспоминаниями об о. Валерии выступили его супруга, сослуживцы по работе в Костромском историко-архитектурном музее-заповеднике «Ипатьевская слобода», друзья, ректор семинарии архимандрит Геннадий (Юголев), член областного союза писателей иерей Владислав Шапошников, заместитель председателя костромского отделения Союза писателей РФ А. М. Скуляков и другие. Воспитанники семинарии ознакомили присутствующих с поэтическим наследием этого талантливого священника-поэта: были прочитаны стихотворения о. Валерия. Присутствующими были высказаны пожелания о продолжении подобных вечеров, служащих благородному делу восстановления памяти о людях, потрудившихся на ниве церковного делания и просвещения, а также имеющих воспитательное и образовательное значение для воспитанников КоДС.

7. 7 декабря 2006 г. в актовом зале Костромской духовной семинарии состоялся вечер, посвященный памяти основоположника церковной археологии и музейного дела, историка, профессора Санкт-Петербургской духовной академии, нашего земляка, выпускника Костромской духовной семинарии, Николая Васильевича Покровского (1848–1917).

На вечер собрались воспитанники и преподаватели КоДС, студенты, профессора и преподаватели КГУ и КГТУ, представители костромской научной общности, гости.

Были заслушаны доклады:

1) преподавателя КоДС, председателя КоЦИО, протоиерея Дмитрия Сазонова «*Научный и богословский вклад Н. В. Покровского в развитие церковной археологии*»;

2) заведующей кафедрой истории средних веков КГУ, кандидата исторических наук Л. Н. Заливаловой «*Н. В. Покровский и византиноведение 2-й половины XIX – начала XX в.*»;

3) аспирантки кафедры теории и истории культур КГУ Е. Л. Тихомировой «*Жизненный путь Н. В. Покровского. Его книга “Памятники церковной старины в г. Костроме”*»;

4) преподавателя КГТУ, кандидата культурологии Л. В. Сизинцевой «*Н. В. Покровский и научно-исследовательская школа Костромы*»;

5) воспитанника 4-го класса КоДС Романа Ирицын «*Труд Н. В. Покровского “Евангелие в памятниках иконографии византийских и русских”*. Анализ. Значение».

В заключение вечера выступил ректор КоДС архимандрит Геннадий (Гоголев), с анализом всех вышеназванных докладов. Подведя итог прозвучавшим в докладах оценкам значения для церковно-археологической науки трудов Н. В. Покровского, он предложил озвучить на Епархиальном совете вопрос о создании трудами КоЦИО в стенах КоДС церковно-археологического кабинета им. Н. В. Покровского, а также пред-

ложил членам КоЦИО приложить усилия в деле составления и издания книги памяти знаменитых лиц Костромской епархии, выпускников КоДС, проявивших себя на научном и богословском поприще; книги, в которую вошли бы также имена новомучеников и исповедников костромских, пострадавших в XX веке.

Собравшиеся по завершении вечера члены Общества в составе:

1) председателя Общества протоиерея Дмитрия Сазонова;

2) секретаря Общества иерея Евгения Иванова;

3) неперменного члена Общества архимандрита Геннадия (Гоголева);
действительных членов Общества:

1) иерея Михаила Насонова, проректора КоДС;

2) А. М. Белова, декана истфака КГУ;

3) С. А. Уткина, заместителя директора архитектурно-этнографического музея-заповедника «Ипатьевская слобода»;

4) Е. Л. Тихомировой, аспирантки КГУ;

5) Л. И. Сизинцевой, преподавателя КГТУ;

6) Е. А. Сазоновой, краеведа
постановили:

1. Принять к сведению предложение о создании церковно-археологического музея в стенах КоДС и всячески содействовать его образованию;

2. Принять участие в сборе материалов и информации по новомученикам и исповедникам костромским, в XX в. пострадавшим, а также по замечательным костромичам, выпускникам КоДС, внесшим неоценимый вклад в церковную и гражданскую науку;

3. По окончании сбора информации издать книгу памяти. Материалы, помещенные в ней, использовать в учебных программах КоДС.

Председатель Костромского церковно-исторического общества:
протоиерей Дмитрий Сазонов
Секретарь: иерей Евгений Иванов

**ПЕРВОЕ СОБРАНИЕ КОСТРОМСКОГО
ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
(6 июня 2006 г.)**

Присутствовали:

- 1) протоиерей Дмитрий Сазонов – клирик храма святого апостола Иоанна Богослова г. Костромы, преподаватель КоДС;
- 2) иерей Андрей Казарин – секретарь Епархиального совета Костромской епархии, преподаватель КоДС;
- 3) диакон Евгений Иванов – проректор КоДС по воспитательной работе;
- 4) диакон Андрей Вавилов – инспектор КоДС;
- 5) Л. И. Сизинцева – доцент кафедры туризма КГТУ, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Костромского объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника;
- 6) С. А. Уткин – главный хранитель архитектурно-этнографического музея-заповедника «Ипатьевская слобода».

Слушали:

Доклад протоиерея Дмитрия Сазонова по случаю первого собрания Костромского церковно-исторического общества «Костромское церковно-историческое общество, его прошлое и настоящее».

Постановили:

1. Принять к сведению информацию об истории развития и становления КоЦИО в дореволюционный период.
2. Выразить благодарность управляющему Костромской епархией Архиепископу Костромскому и Галичскому АЛЕКСАНДРУ за инициативу по возрождению КоЦИО.
3. Выразить благодарность протоиерею Дмитрию Сазонову за организацию и подготовку первого заседания возрожденного КоЦИО.
4. Поручить диакону Евгению Иванову на основании доклада об истории КоЦИО подготовить материал для размещения в Интернете на сайте Костромской епархии и газете «Благовест».

**ВТОРОЕ СОБРАНИЕ КОСТРОМСКОГО
ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
(6 ноября 2006 г.)**

Присутствовали:

- 1) протоиерей Дмитрий Сазонов – клирик храма святого апостола Иоанна Богослова г. Костромы, преподаватель КоДС;
- 2) иерей Евгений Иванов – проректор КоДС по воспитательной работе;
- 3) диакон Андрей Вавилов – инспектор КоДС;

РАЗДЕЛ I

---

4) Л. И. Сизинцева – доцент кафедры туризма КГТУ, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Костромского объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника;

5) С. А. Уткин – главный хранитель архитектурно-этнографического музея-заповедника «Ипатьевская слобода»;

6) Е. Л. Тихомирова – аспирант кафедры культурологи КГУ. им. Некрасова;

7) А. В. Шершнева – краевед;

8) А. М. Белов – доктор исторических наук, профессор КГУ;

9) В. В. Бурдин – кандидат филологических наук, редактор журнала «Бухгалтер».

Протокол № 1

Слушали:

Доклад протоиерея Дмитрия Сазонова, содержащий отчет о работе КоЦИО за период с июня по начало ноября 2006 г.

Постановили:

1. В конце ноября, в литературном музее г. Костромы провести литературный вечер, посвященный памяти священника-поэта иерея Валерия Бурдина с участием костромских поэтов.

2. В начале декабря в КоДС провести вечер памяти протоиерея Ф. А. Голубинского.

3. Поручить подготовку научных докладов о протоиерее Ф. А. Голубинском членам КоЦИО – Л. И. Сизинцевой и Н. Ф. Басовой (главному библиографу областной научной библиотеки).

Протокол № 2

Слушали:

Выступление С. А. Уткина о необходимости изменить наименование печатного органа Общества. «Название “альманах” не соответствует подобного рода изданиям. Естественней будет звучать – “Сборник КоЦИО”».

Постановили:

1. Согласиться с мнением С. А. Уткина и закрепить за печатным органом Общества следующее название: «Сборник Костромского церковно-исторического общества».

2. Публиковать в печатном органе Общества не только сугубо научные статьи членов Общества, но и научно-популярные изыскания, а также творческие работы на религиозно-исторические темы.

Протокол № 3

Слушали:

Предложение протоиерея Дмитрия Сазонова о необходимости формирования библиотеки КоЦИО на базе библиотеки КоДС.

Постановили:

1. Поручить протоиерею Дмитрию Сазонову направить в адрес ректора КоДС прошение от имени КоЦИО о выделении в библиотеке семинарии места для хранения фондов библиотеки Общества;

2. Поручить С. А. Уткину формирование библиотечных фондов.
3. Назначить С. А. Уткина заведующим библиотекой КоЦИО.

Протокол № 4

Слушали:

Положение о Костромском церковно-историческом обществе. Текст Положения утвержден управляющим Костромской епархией Архиепископом Костромским и Галичским Александром 6 апреля 2006 г.

Постановили:

На основании пунктов Положения начать работу по решению первоочередных проблем:

- найти помещение для ведения научной работы и заседаний членов Общества;
- рассмотреть вопрос о создании учебно-методического кабинета на базе КоДС;
- увеличить количество членов Общества;
- аббревиатурой Общества, используемой в документации, считать первые буквы слов названия «Костромское церковно-историческое общество» – *КоЦИО*;
- разработать печать Общества с изображением соответствующих атрибутов – храма и книги как символов церковности и науки.

Протокол № 5

Слушали:

Предложение протоиерея Димитрия Сазонова об увеличении количества членов Общества.

Постановили:

1. Предложить вступить в общество клирикам и сотрудникам Костромской епархии, которые согласно Положению могут являться *непременными членами Общества*, а также научным работникам и преподавателям учебных заведений г. Костромы и Костромской области.
2. Ходатайствовать перед Архиепископом Костромским и Галичским Александром об утверждении постоянного состава Общества во главе с председателем.
3. Работу по привлечению в Общество новых членов поручить протоиерею Димитрию Сазонову.
4. Поручить Л. И. Сизинцевой решение вопросов, касающихся установления и осуществления связей с научной общественностью г. Костромы.

Протокол № 6

Слушали:

Предложение Л. И. Сизинцевой о введении в Устав Общества положения о членах-корреспондентах.

Постановили:

1. Признать на данный момент положение о членах-корреспондентах несвоевременным, поскольку Общество только начинает формироваться.
2. Вернуться к рассмотрению данного вопроса после увеличения количества членов Общества и решения основных вышеозначенных проблем и вопросов.

РАЗДЕЛ I

Протокол № 7

Слушали:

Предложение протоиерея Дмитрия Сазонова о необходимости издания научного справочника по храмам г. Костромы и Костромской епархии.

Постановили:

1. Признать необходимым и своевременным издание справочника.
2. Членам общества начать работу по сбору и подготовке материала.

Протокол № 8

Слушали:

Доклад иерея Андрея Казарина об историческом документе, недавно переданном Костромскому епархиальному управлению. Документ представляет собой «Докладную записку» на имя епископа Платона (Фивейского) об истории Макариево-Писемского монастыря. «Докладная записка» содержит ранее неизвестные, уникальные сведения по истории обители.

Постановили:

1. Доклад иерея Андрея Казарина принять к сведению.
2. Информацию, содержащуюся в документе, впоследствии использовать для создания справочника по храмам и монастырям Костромской епархии.
3. Сделать подобного рода выступления обязательными на каждом заседании КоЦИО.

РЯДБА II

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Архиепископ Костромской и Галичский АЛЕКСАНДР

КОСТРОМСКОЕ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В XX ВЕКЕ

(по материалам епархиальной печати)

Костромская земля за века своей истории стала местом пребывания многих чтимых святынь Православия, памятников церковной архитектуры; в стенах монастырей и храмов хранились древние иконы, утварь, предметы старины; церковные архивы берегали для потомков уникальные документы. Духовенство и труженики Костромской епархии немало сделали для того, чтобы это драгоценное наследие стало известным и востребованным: достаточно вспомнить одного из первых краеведов нашей земли протоиерея Михаила Диева, выдающихся церковных историков епископа Павла (Подлипского) и протоиерея Павла Островского (дядю знаменитого русского драматурга), летописца Макариево-Унженской обители протоиерея Иоанна Херсонского¹, исследователя монастырских архивов инспектора Костромской духовной семинарии Д. Ф. Прилуцкого².

С начала XX века постепенно стала осознаваться необходимость учреждения на Костромской земле специального общества, которое имело бы задачей «изучение церковно-религиозной жизни в пределах Костромской епархии в ее прошлом и настоящем, исследование, охранение и собирание памятников местной церковной древности и истории,

также распространение в обществе, и по преимуществу в духовенстве, церковных историко-археологических сведений, устройство выставок и публичных чтений церковно-историко-археологического характера»³. Инициатором этого доброго начинания стал Иван Васильевич Баженов (1855–1920) – магистр богословия, преподаватель Костромской духовной семинарии, известный церковный историк и публицист.

В марте 1911 года епископ (впоследствии – архиепископ) Костромской и Галичский Тихон (Василевский) назначил комиссию для разработки устава церковно-исторического общества в составе И. В. Баженова, инспектора классов епархиального женского училища священника Павла Алмазова и преподавателя семинарии И. М. Студитского. В мае того же года комиссия представила Устав общества Преосвященному, направившему документ на утверждение в Святейший синод, что и было сделано синодальным определением № 9105 от 24 ноября – 22 декабря 1911 года⁴.

Торжественное открытие Костромского церковно-исторического общества (КЦИО) состоялось 3 июня 1912 года в актовом зале епархиального женского училища⁵; на церемонии присутствова-

ли около двухсот человек, среди них – епископ Костромской и Галичский Тихон (согласно уставу являвшийся попечителем общества и утверждавший постановления его совета), викарный епископ Кинешемский Арсений (Тимофеев), архимандриты Ипатьевского и Макариево-Унженского монастырей, начальствующие и преподаватели духовных школ, клирики епархии, представители светских властей и костромской интеллигенции. Торжество началось молебном в Покровском домовом храме училища, предварявшимся словом Преосвященного Тихона. Затем участники церемонии прошли в актовЫй зал; здесь секретарь духовной консистории Л. Ю. Шавельский огласил указ Святейшего синода, и епископ Тихон объявил церковно-историческое общество открытым.

Вслед за этим И. В. Баженов представил вниманию слушателей подготовленный им реферат «Данные относительно пребывания царя Михаила Феодоровича Романова в Ипатьевском монастыре в начале 1613 года»⁶. Далее состоялось избрание: почетным членом общества – директора Санкт-Петербургского археологического института Н. В. Покровского, председателем общества и его совета – И. В. Баженова, а также членов совета и ревизионной комиссии. Церемония завершилась оглашением приветственных адресов и телеграмм, поступивших в связи с открытием церковно-исторического общества.

Первое рабочее заседание КЦИО состоялось 26 августа 1912 года также в актовом зале епархиального женского училища. Как указывает автор заметки в «Костромских епархиальных ведомостях», «...собрание довольно многочисленное (свыше 150 человек) почтили посещением попечитель общества Преосвященнейший Тихон, приглашенные из представителей гражданских учреждений, начальники и учителя духовных се-

минарии и училищ г. Костромы, законоучители, протоиереи и иереи костромские и члены заседающего епархиального съезда духовенства⁷; присутствовало и несколько десятков дам из интеллигентного общества»⁸.

Главной темой заседания стал отмечавшийся в этот день юбилей – 100-летие Бородинской битвы. Преподавателем семинарии И. М. Студитским был прочитан реферат на тему: «Русское духовенство в Отечественную войну 1812 года»⁹. Затем архиерейский хор под управлением диакона Петра Потеряйко исполнил две юбилейные кантаты. Как отмечал очевидец, «воодушевленная речь г. Студитского и художественное исполнение кантат произвели на посетителей самое благоприятное впечатление»¹⁰.

В дальнейшем заседания КЦИО проходили регулярно. Так, на следующем собрании, проходившем 12 ноября 1912 года в актовом зале духовной семинарии, смотрителем Кинешемского духовного училища священником Димитрием Лебедевым был прочитан реферат «Краткий исторический очерк начального периода г. Костромы (до княжения Ярослава Всеволодовича) в связи с древней топографией города и построением соборного храма в честь св. Феодора Стратилата».

«Для своих повременных собраний и делопроизводства совет общества сначала предназначил было свободные архиерейские покои в соборном доме, но затем признал более удобным для этих целей зал правления духовной семинарии, где, с согласия о. ректора протоиерея В. Чекана... <...>... и происходили собрания членов совета; в аванзале же поставлен шкаф для хранения дел»¹¹.

14 марта 1913 года в день празднования исторического юбилея – 300-летия принятия в стенах Ипатьевского монастыря Михаилом Феодоровичем Романовым его избрания Земским собором

Палаты бояр Романовых

Здесь в 1912 г. состоялось открытие церковно-археологического музея КЦИО

на царский престол – в костромском Дворянском собрании состоялось торжественное заседание церковно-исторического общества. На нем присутствовали товарищ (заместитель) министра внутренних дел генерал-майор В. Ф. Джунковский, губернатор П. П. Стремоухов, вице-губернатор И. В. Хозиков, губернский предводитель дворянства М. Н. Зюзин; зал Дворянского собрания был переполнен. После оглашения секретарем духовной консистории Л. Ю. Шавельским грамоты императора Николая II Ипатьевскому монастырю¹² и царской телеграммы архиепископу Костромскому и Галичскому Тихону¹³ председатель общества И. В. Баженов выступил с рефератом на тему «Призвание боярина Михаила Феодоровича Романова на Московский и всея Руси царский престол»¹⁴. Вслед за этим архиерейский хор исполнил несколько духовных песнопений. Во втором отделении заседания член совета общества священник Михаил Раевский прочитал реферат «Государственное значение предков царя Михаила Феодоровича», а архиерейский хор завершил собрание пением кантат, фрагментов из оперы М. И. Глинки «Жизнь за

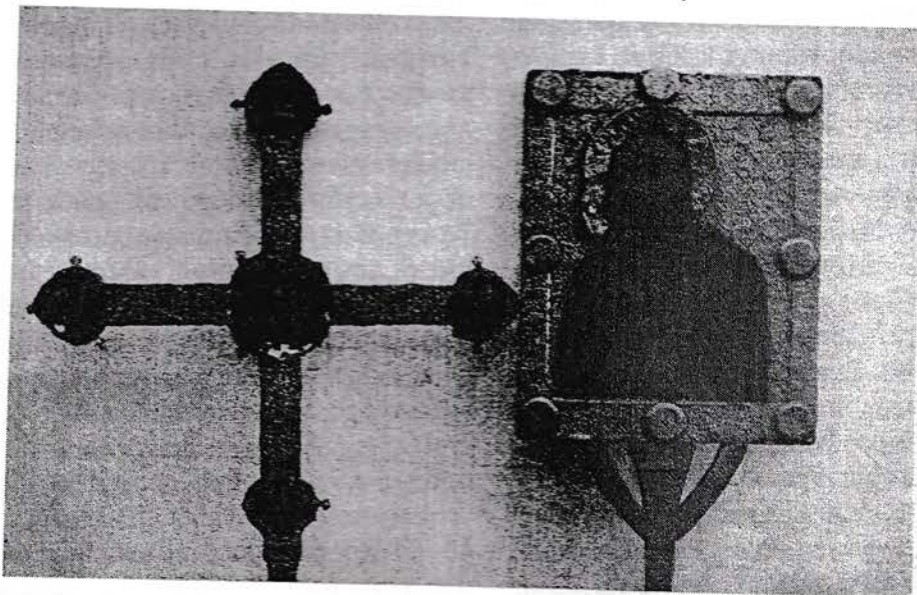
царя» и государственного гимна. Очевидец свидетельствовал: «Собрание церковно-исторического общества своим высокоторжественным характером как нельзя более гармонировало с религиозно-церковными впечатлениями дня 14 марта в Костроме и было наилучшим завершением его. Несомненно, что присутствовавшие не забудут того духовного удовлетворения, которое они получили от основательных рефератов, из которых первый был предложен с высоким подъемом религиозно-патриотического чувства, и художественного, можно сказать, вдохновенного пения архиерейского хора. Не часто выпадает на долю Костромы счастливая возможность иметь такие собрания, как описанное»¹⁵.

Разумеется, деятельность руководимых И. В. Баженовым исследователей церковной истории далеко не ограничивалась проведением заседаний. «Общество прежде всего озаботилось приведением в известность сохранившихся в церквах и монастырях епархии древних церковно-богослужебных предметов. Для этого были затребованы чрез духовную консисторию от причтов церквей и настоятелей монастырей сведения об

имеющихся у них предметах церковной старины. По поступлении этих сведений из консистории в совет общества председателем его совместно с членом Н. Машиновским был составлен список указанных в них предметов древности, подлежащих доставлению в общество, и затем, по затребованию, церквами и монастырями епархии были представлены в оное определенные древние предметы. Относительно же тех предметов церковной старины, которые по особым заслуживающим уважения обстоятельствам и причинам (напр., относительно местночтимых старинных икон, слишком громоздких предметов и т. под.) остались на местах нахождения, совет общества принимал меры к их охранению от передачи в другие руки и к предотвращению с чьей-либо стороны повреждения, а тем более уничтожения. Для достижения этой цели или сами члены совета общества предпринимали поездки и осмотры различных церковных памятников, или поручали сделать это благочинным как непременно членам общества»¹⁶.

Любопытны обстоятельства получения обществом древнего серебряного потира из Спасо-Преображенского храма г. Кинешмы, пожертвованного этой церкви в 1594 году М. Философовым. Получив указ консистории, предписывающий передать потир в КЦИО, причт Спасо-Преображенского храма рапортом на имя благочинного I Кинешемского округа сообщил, что затрудняется доставить этот сосуд в Кострому, «...потому что он употребляется донныне при богослужении и по его величине особенно незаменим во дни св. Четырехдесятницы, когда бывает значительное количество причастников, почему и не может быть выслан, пока не будет заменен равной величины сосудом из такого же материала»¹⁷. Совет КЦИО вновь обратился к владыке Тихону с просьбой «...сделать распоряжение о присылке потира в музей общества, где он будет одним из редких памятников церковной старины и где в то же время больше гарантий к его сохранению»¹⁸. 16 марта 1913 года архипастырь наложил на это

Крест и икона, принесенные из Москвы «великим посольством» в 1613 году

прошение резолюцию: «Надо прийти на помощь причту в приобретении для церкви нового потира: нет ли в каком-либо монастыре излишнего?»¹⁹ Совет общества запросил настоятелей епархиальных обителей; в результате необходимая для замены чаша, также серебряная, была получена обществом из Макариево-Унженского мужского монастыря.

Отчет КЦИО, изданный в 1914 году, свидетельствует о практических мерах, принимавшихся обществом для исследования и сохранения предметов церковной старины. Так, в 1912 году некий чиновник взял в костромской музей²⁰ из древнего деревянного храма села Фоминского Костромского уезда – к тому времени уже закрытого, но, по словам прихожан, существовавшего на протяжении более трехсот лет – деревянные царские врата, два деревянных подсвечника и медные брачные венцы. Получив сообщение об этом из консистории, совет общества просил благочинного V Костромского округа поручить сведущему лицу собрать сведения об оставшихся в этом храме древностях, а также ходатайствовал перед владыкой Тихоном об издании циркулярного распоряжения, предписывающего настоятелям монастырей и храмов не выдавать никаким собирателям древностей старинные церковные принадлежности, если на это не имеется официального разрешения КЦИО, – что вскоре и было сделано управляющим епархией.

Приходилось обществу и налагать вето на проведение ремонтных работ в церковных зданиях. В 1913 году причт и староста Воскресенской церкви (некогда бывшей храмом мужского монастыря) г. Солигалича просили разрешить им «...привести в благоустроенный вид гробницы некоторых издавна погребенных в Воскресенском храме и чтимых иноков, для чего украсить гробницы решетками и поместить над ними мраморные доски с приличными надписями, указывающими

личность погребенных и время их погребения»²¹. Постановлением от 3 мая 1913 года совет КЦИО поручил непременно члену общества смотрителю Солигаличского духовного училища И. П. Перебаскину²² образовать комиссию и на месте изучить вопрос. После получения отчета комиссии совет КЦИО 4 июля 1913 года «признал, что установка мраморной доски с надписью и решеток, а также оставление отверстий (в полу) в гробницы открытыми, как частные добавления и особенности, совершенно изменяют бывшее до сего времени состояние гробниц, а посему, ничего не имея против произведенной уже необходимой перемены сгнивших полов, исправления каменной кладки под гробницами и устройства надгробий, со строго археологической точки зрения на дело не нашел оснований к допущению частных добавлений и особенностей в виде решеток и проч., которые, по словам комиссии, совершенно изменяют прежнее состояние гробниц, и потому высказался за оставление гробниц в их прежнем наружном виде»²³.

Впрочем, имелись и положительные примеры ремонтных работ. На том же заседании 4 июля 1913 года совет КЦИО просил своих членов, ректора духовной семинарии протоиерея Виктора Чекана и преподавателя семинарии А. И. Черницына, посетить село Красное и сообщить – «...не производится ли там в ремонтируемом храме уничтожение памятников церковной древности»²⁴. 1 ноября 1913 года совет общества получил отчет о поездке, указывающий, «...что ремонт действительно производился в храме, но с принятыми предосторожностями относительно сохранения предметов древности, каковые со стороны членов совета и найдены были неприкосновенными и целыми»²⁵.

Число предметов, передаваемых на хранение в КЦИО, быстро росло; приношения делались не только клириками епархии и членами общества, но и сто-

ронными лицами. Первыми жертвователями стали попечитель КЦИО владыка Тихон и начальница епархиального женского училища Л. И. Пospelова. «Благочинный 4 Нерехтского округа свящ. Алексей Виноградов представил в общество редкие по материалу и художеству две резные из слоновой кости иконы – св. ап. Петра и Павла и Благовещения Пресв. Богородицы, как дар от Троицкой церкви села Выголова церковно-историческому музею. Для библиотеки общества галичский нотариус И. А. Алякритский принес в дар до 40 экз. старинных книг и рукописей различных наименований. Поступали в музей и библиотеку общества в небольшом количестве предметы древности и книги и от других, как, например, от автора-священника г. Галича В. Орлова²⁶, от вдовы священника г. Кинешмы М. Титовой»²⁷.

Особенно богатую в количественном и качественном отношении коллекцию с разрешения Святейшего синода передал КЦИО из своей ризницы Ипатьевский монастырь. «Благодаря поступлению в общество этих, затем многих других (из разных мест епархии) предметов церковной древности вскоре же почувствовалась сильная нужда в музее, где бы могли быть помещены поступившие большой древности и ценности предметы. Сверх того, вопрос об учреждении и устройстве музея выдвигался сам собою юбилейным торжеством в 1913 году трехсотлетия царствующего дома Романовых, исторический момент которого начался в обители Ипатьевской, богатой церковно-историческими памятниками юбилейной трехсотлетней давности»²⁸. Добавим, что создание музея было предусмотрено самим уставом КЦИО:

Вид на Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь. Фото XX века

«Для сосредоточения и сохранения собираемых обществом памятников церковной археологии и истории общество устраивает церковно-археологический музей с архивом и библиотекою при нем»²⁹.

По решению владыки Тихона музей КЦИО, получивший именование древнехранилища, был устроен в Ипатьевском монастыре, в здании палат царя Михаила Феодоровича (сейчас их обычно называют «палатами бояр Романовых»), в конце 1912 года переданном дворцовым ведомством в распоряжение настоятеля обители. 7 мая 1913 года управляющий епархией поручил председателю КЦИО И. В. Баженову разместить в палатах предметы церковной древности, преимущественно из ризницы Ипатьевской обители, «что и было выполнено г. Баженовым при сотрудничестве архитектора Д. Милеева, его супруги, учителя епархиального женского училища Н. Малиновского, ризничего монастыря иеромонаха Макария и иеродиакона Ипатия»³⁰. «Предметы древности были размещены декоративно по их научно-археологической ценности по комнатам на стенах и в нарочито устроенных шкафах и витринах»³¹. Заведующим древнехранилищем владыка Тихон назначил И. В. Баженова, помощником заведующего стал Н. В. Малиновский, хранителем – иеромонах Макарий. Так на Костромской земле появился первый церковный историко-археологический музей – к сожалению, просуществовавший всего несколько лет. Отметим, что устав КЦИО предусматривал особые условия музейного хранения для экспонатов, имеющих богослужебное употребление: «Св. антиминсы и др. предметы, освященные употреблением при богослужениях, как то: священные сосуды, евангелия, напестольные кресты – должны быть хранимы в музее под наблюдением лица в священном сане в особо устроенных для сих предметов витринах с крестами на них и соответ-

ствующими надписями»³². Положение о церковно-историческом древнехранилище, подготовленное по решению совета КЦИО от 27 мая 1913 года комиссией в составе И. В. Баженова, директора народных училищ И. П. Виноградова и преподавателя духовной семинарии А. И. Черницына, архиепископ Тихон утвердил 11 декабря 1913 года, однако первых посетителей музей принял уже в мае: ими стали царь Николай II и члены его семьи, посетившие Кострому в связи с празднованием исторического юбилея 300-летия дома Романовых.

Еще одним важным начинанием КЦИО, посвященным 300-летию царственной династии, стало издание юбилейного сборника общества. Предыстория этой инициативы такова. 27 сентября 1912 года Кострому посетил обер-прокурор Святейшего синода В. К. Саблер. В ходе визита архиерейский хор исполнил перед высоким гостем богослужебные песнопения дня Святой Троицы по старинным нотным рукописям, хранящимся в библиотеке хора и предположительно составленным известным церковным композитором XVII века дьяком Василием Титовым. Обер-прокурор высказал пожелание опубликовать эти ноты, а общество решило расширить такое издание очерками историко-археологического характера, посвященными предстоящему юбилею.

4 декабря 1912 года совет КЦИО по предложению И. В. Баженова постановил издать юбилейный сборник тиражом 1 200 экземпляров – 100 книг в подарочном оформлении и 1 100 экземпляров для продажи. В начале 1913 года «Юбилейный сборник Костромского церковно-исторического общества в память 300-летия царствования дома Романовых» был напечатан губернской типографией в Костроме; издание сборника обошлось КЦИО в 633 рубля 31 копейку, причем 100 рублей на эти цели были

пожертвованы владыкой Тихоном. В состав сборника входили: статьи И.В. Баженова – «Данные относительно пребывания царя Михаила Феодоровича Романова в Ипатьевском монастыре в начале 1613 года», «Призвание боярина Михаила Феодоровича Романова на Московский и всея Руси царский престол», «Вклады царя Михаила Феодоровича, сохранившиеся донныне в церквях и монастырях Костромской епархии», «Одноколка царя Михаила Феодоровича и Марфы Ивановны Романовых»; статьи священника Михаила Раевского – «Избрание на царство Михаила Феодоровича Романова» и «Посещения Макарьевского Унженского монастыря царем Михаилом Феодоровичем»; стихиры Пятидесятницы – из старинных нотных рукописей нотной библиотеки костромского архиерейского хора.

Реализация сборника производилась обществом через костромское Феодоровско-Сергиевское братство и редакцию «Костромских епархиальных ведомостей», а также посредством книготорговцев – Бекенева в Костроме и Тузова в Санкт-Петербурге. Издание приобреталось для церковных библиотек, а также продавалось на юбилейной выставке в Костроме, открывшейся 20 мая 1913 года.

Подарочные экземпляры сборника, в кожаном переплете бордового цвета, были переданы обер-прокурору В. К. Саблеру и через него - императору Николаю II. Государь выразил за это благодарность обществу, о чем владыка Тихон сообщил на заседании совета КЦИО 3 мая 1913 года. «По одному экземпляру «Сборник» был препровожден и другим высокопоставленным лицам, преосвященным и ученым учреждениям, и всеми ими был принят благосклонно, что выразилось, сверх словесной и письменной благодарности получивших, в присланных некоторыми из них денежных крупных пособиях обще-

ству»³³. Так, 100 рублей в пользу КЦИО прислал епископ Чигиринский Никодим (Кротков) – уроженец Костромской земли, будущий архиепископ Костромской и Галичский, священномученик.

Экземпляры сборника были посланы в студенческие библиотеки духовных академий, в Академию наук и другие ученые и археологические учреждения – многие из которых ответно прислали для КЦИО собственные издания, существенно приумножившие библиотеку общества. Приведем здесь перечень учреждений, с которыми КЦИО вступило в подобный обмен, – он достаточно ярко свидетельствует, сколь серьезное внимание уделялось церковным историко-археологическим исследованиям в России того времени:

«Академия наук.

Академии духовные: Казанская, Киевская, Московская и С.-Петербургская.

Архангельский губернский статистический комитет.

Архангельский епархиальный церковно-археологический комитет.

Бессарабское церковно-историческое общество.

Вятская ученая архивная комиссия.

Донской епархиальный церковно-исторический комитет.

Императорский Российский исторический музей имени императора Александра III в Москве.

Калужское церковное историко-археологическое общество.

Костромская ученая архивная комиссия.

Костромское научное общество по изучению местного края.

Литовское епархиальное древнехранилище.

Минский церковный историко-археологический комитет.

Московский археологический институт.

Нижегородская губернская ученая архивная комиссия.

Новгородское церковно-археологическое общество.

Орловское церковное историко-археологическое общество.

Полтавский церковный историко-археологический комитет.

Смоленский церковно-археологический комитет.

С.-Петербургский императорский археологический институт.

Тверская ученая архивная комиссия.

Трифоновский комитет церковно-археологического музея при Вятской ученой архивной комиссии.

Тульская епархиальная палата древностей.

Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии.

Церковно-археологический отдел при Обществе любителей духовного просвещения в Москве.

Церковно-историко-археологическое общество Казанской епархии»³⁴.

Важнейшей вехой истории КЦИО стало празднование в Костроме 300-летия дома Романовых, проходившее 19–20 мая 1913 года с участием царской фамилии.

19 мая после Божественной литургии в Троицком соборе Ипатьевского монастыря император Николай II и члены его семьи посетили древнехранилище КЦИО. Приведем здесь подробное описание этого события в характерной для того времени стилистике:

«По общем обзоре Их Величествами Троицкого соборного храма Государь Император с Наследником Цесаревичем, в сопровождении архиепископа Тихона, особ Императорской фамилии, в 12 ? часов дня изволил посетить палаты царя Михаила Феодоровича, в которых помещается обширное и богатое древнехранилище Костромского церковно-исторического общества. Встреченный во входной палате председателем общества, заведующим древнехранили-

щем И. Баженовым, Государь и сопровождающие Его лица проследовали в главную палату, в которой были сосредоточены находившиеся ранее в ризнице древнейшие иконы Ипатьевского монастыря. В ряду их обращено было внимание государя на большой складень – Феодоровскую икону Божией Матери, бывшую в моленной Михаила Феодоровича во время пребывания его в этих палатах (прежде наместнических) в феврале – марте 1613 года, на Казанскую икону Богородицы, находившуюся также в моленной Михаила Феодоровича во время пребывания его в Макарьевско-Унженском монастыре у строителя старца Давида Хвостова, и на исторические реликвии московского общеземского посольства – Владимирскую икону Божией Матери и запрестольный крест с грандиозным фонарем, своеобразного устройства; пред всеми этими иконами возжжены были в старинных подставах толстые свечи желтого воска. По стенам этой сравнительно большой палаты расположены были в тяблах (конца XVIII века) наиболее древние иконы XV, преимущественно XVI, XVII и отчасти XVIII веков, и таковая обстановка придавала этому помещению характер старинной моленной, вызвав в высоких посетителях благоговейное настроение. Затем Государь в остальных комнатах изволил обозревать церковные предметы древнерусского шитья, как то пелены, воздухи, плащаницы, надгробные покровы, священные одежды – престольные, архиерейские и иерейские, далее церковнослужебные ценные сосуды, начиная с золотых (в коих 9 фун. весу), приложенных Д. И. Годуновым в 1599 г.; причем обращено особенное внимание Государя на драгоценные цату и рясны, приложенные в 1618 г. царем Михаилом Феодоровичем и матерью его инокиней Марфой к чудотворному Феодоровскому образу Божией Матери.

Наконец Государь изволил рассматривать древнейшие богослужебные книги – рукописные (от 1434 г.) и старопечатные, каковых очень много из времени царствования Михаила Феодоровича; в этом отделе особенное внимание Его Величества привлекли две лицевые рукописные псалтири – одна 1591, а другая от 1594 г. с многочисленными художественными миниатюрами и заставками. Необходимые объяснения при этом обозрении достопримечательностей древнехранилища давал Его Величеству архиепископ Тихон. Между тем И. Баженовым даны объяснения Их Императорским Высочествам.

Государь Император милостиво изволил принять поднесенные во время пребывания в палатах два роскошных альбома с фотографическими снимками достопримечательностей Ипатьевского монастыря и, при оставлении палат, в память о своем посещении их, изволил начертать на особом листе собственноручную подпись «Николай».

Дворец царя Михаила Феодоровича, ввиду тесноты помещения и скудного освещения из старинных узких окон, осматривался только Высочайшими особами...»³⁵

Позднее в отчете КЦИО указывалось: «В память Высочайшего посещения в древнехранилище хранятся собственноручная Его Императорского Величества подпись на особом листе, вложенном в рамку, и перо с ручкой»³⁶.

Визит императорской семьи в древнехранилище фактически стал началом экспозиционной деятельности музея КЦИО. Правила работы музея были предварительно утверждены архиепископом Тихоном. «Для посещения древнехранилища публикой было назначено время с 1 до 3 часов дня по воскресеньям, вторникам и пятницам, для экскурсантов группами не более 25 лиц, без других посторонних»³⁷.

Ввиду того, что многие предметы из ризницы Ипатьевского монастыря были переданы в древнехранилище лишь по устному распоряжению архиепископа Тихона, потребовалось документальное оформление такой передачи; 29 августа 1913 года совет КЦИО постановил назначить для этого комиссию в составе И. В. Баженова, священника Михаила Раевского и Н. В. Малиновского. 25 ноября того же года комиссия приняла по описи от ризничего Ипатьевской обители иеромонаха Макария: «1) образов и икон-складней под 69 номерами; 2) крестов, священных сосудов и разных церковных принадлежностей под 44 номерами; 3) памятников древнерусского шитья под 53 номерами; 4) рукописей и старопечатных книг под 34 номерами и 5) разных нецерковных предметов под 12 номерами. Из предметов древности многие представляют большую редкость и относятся к XIV–XVI вв. и ко времени царствования Михаила Феодоровича»³⁸.

Особого внимания заслуживали следующие экспонаты древнехранилища:

«Из икон – а) Владимирская Пресв. Богородицы в басемном окладе с 8 дробницами, по преданию принесенная московским посольством 14 марта 1613 г.; б) икона (складень) Казанская Божией Матери, по преданию из моленной комнаты Михаила Феодоровича, что в Макарьево-Унженском монастыре; в) икона Мати Молебница – XIV века; г) Успения Пресв. Богородицы, вклад И. М. Годунова 1567 г.; д) Владимирская Пресв. Богородицы пятилистовая, дар И. С. Годунова; е) св. муч. Агриппины, вклад Годуновых; из крестов – а) запрестольный деревянный, по преданию принесенный в г. Кострому московским посольством 14 марта 1613 г.; б) напрестольный сребропозолоченный с частицами мощей, дар Д. И. Годунова от 1594 г., и другие. <...> Из нецерковных предметов обращают на себя внимание

– посох черный из простого дерева, присланный из московской Оружейной палаты по повелению императора Николая I от 11 декабря 1834 г., как принадлежавший царю Михаилу Феодоровичу; сребропозолоченный ковш, весом 1 ф. 27 зол., с резной надписью о принадлежности его царю Михаилу Феодоровичу; доставленная из Макарьево-Унженского монастыря одноколка Романовых – инокини Марфы Ивановны и Михаила Феодоровича»³⁹.

С окончательным устройением древнехранилища церковно-историческое общество по указанию архиепископа Тихона занялось составлением и подготовкой к печати каталога предметов церковной старины, находящихся в музее КЦИО. На заседаниях совета КЦИО 29 августа и 2 декабря 1913 года для этой цели была назначена комиссия в составе И. В. Баженова, священника Михаила Раевского, Н. В. Малиновского и преподавателей духовной семинарии И. Ф. Груздева и Г. Соколова, а также определен порядок ее работы: «Комиссия по распределении между собой предметов древнехранилища по комнатам предварительно составит каталоги по ним, а редактирование полного каталога по частичным каталогам поручит председателю общества И. Баженову с тем, чтобы каталог составлен был по отделам и в соответствии расположению предметов по комнатам древнехранилища, с предисловием в начале и оглавлением по отделам и комнатам»⁴⁰. В начале 1914 года «Каталог церковных и других предметов древности, находящихся в древнехранилище Костромского церковно-исторического общества в покоех Михаила Феодоровича Романова, что в Ипатьевском монастыре» был отпечатан костромской губернской типографией тиражом в 1800 экземпляров; он раздавался членам КЦИО, рассылался по приходам епархии, ученым и археологическим учреждениям.

Одновременно с составлением каталога проводилась систематизация библиотеки КЦИО, размещавшейся в отдельной комнате древнехранилища; заведовал библиотекой преподаватель епархиального женского училища (затем – духовной семинарии) Н. В. Малиновский, выпускник Санкт-Петербургского археологического института, утвержденный в этой должности постановлением совета общества от 12 октября 1913 года.

Состав библиотеки был разнообразен и включал в себя:

«а) письменные памятники церковной древности: преимущественно рукописные и старопечатные богослужебные книги, синодики, сборники, грамоты и акты архивного характера, касающиеся Костромской епархии, и б) библиотеку из книг по церковной археологии, истории местного края, по русской истории со вспомогательными науками и из изданий местных типографий и трудов губернских ученых архивных комиссий и епархиальных церковно-историко-археологических и других обществ»⁴¹.

Численные показатели состава библиотеки были следующими:

«Всего как рукописных, так и печатных (старо- и ново-) в библиотеке имеется номеров 323. По отделу рукописей их насчитывается 73 номера. Из этого числа рукописей 49 приходится на долю священных, церковно-служебных и церковно-исторических книг, а остальные 24 номера возмещаются за счет рукописей нецерковного характера. По отделу печатных книг и брошюр числится 250 номеров. Из этого общего числа 99 номеров отмечают собой старопечатные священные, церковно-служебные и церковно-исторические книги; 15 номеров – книги религиозно-нравственного содержания; 43 – книги исторического содержания; 46 – журналы, отчеты и издания разных ученых обществ; 35 – смесь и 12 – путе-

водители, справочники и указатели»⁴².

Особенно ценными книгами в библиотеке являлись следующие:

«1) Евангелие – в малую четверть листа в кожаном переплете, написано полууставом (с 13 ноября 1436 года) в Новгороде в монастыре Благовещения Пресв. Богородицы.

2) Евангелие – в лист, в старинном шелковом переплете, писано полууставом в 1551 г.

3) Евангелие – в лист, писано полууставом в 1564 году.

4) Евангелие – в четверть листа, писано полууставом в 1570 г.

5) Евангелие лицевое, в десть, вклад И.И. Годунова в Ипатьевский монастырь. Евангелие писано в 1603 г. крупным превосходным уставом, слова писаны сплошь; в Евангелии имеется множество изящных украшений в виде раззолоченных голубых заставок пред началом каждого Евангелия и многочисленных по листам художественных миниатюр.

6) Евангелие в лист от 1605 г., пожертвовано в Ипатьев монастырь Д. И. Годуновым; писано крупным полууставом на александрийской бумаге, с миниатюрами (всех 99), расположенными на полях рукописи.

7) Псалтирь в десть, написана на александрийской бумаге превосходным уставом; дар Д. И. Годунова в 1591 году в Ипатьевский монастырь; в псалтири 576 изящных миниатюр.

8) Псалтирь в десть, от 1594 года, вклад Д. И. Годунова, написана на александрийской бумаге красивым уставом царских писцов, с миниатюрами на полях.

9) Псалтирь лицевая в полулисте, по происхождению относится к XVI веку, написана хорошим уставом.

10) Служебник (без конца) в ? д. листа; написан уставом XV века; надстрочных знаков мало; слова расположены почти сплошь.

11) Чиноположение церковное, в 1/6 д. листа, писано мелким уставом, от 1522 года.

12) Триодь Цветная (со среды шестой недели), в лист; писана полууставом от 1522 года»⁴³.

1 июня 1914 года в актовом зале епархиального женского училища под председательством архиепископа Тихона состоялось годовое собрание КЦИО, которое подвело итоги работы общества со времени его учреждения до начала 1914 года. В собрании приняли участие около 150 человек. Открывшееся пением тропаря «Днесь благодать Святаго Духа нас собра...», оно продолжилось выступлением архиерейского хора и докладом Н. В. Малиновского о составе КЦИО, деятельности совета общества и его денежных средствах.

Как указал докладчик, кроме попечителя общества архиепископа Тихона, в состав КЦИО входили 4 почетных члена (епископ Кинешемский Арсений, губернатор П. П. Стремоухов и бывший губернатор П. П. Шиловский, директор Санкт-Петербургского археологического института Н. В. Покровский), непременные члены (согласно п. 9 устава – «ректор духовной семинарии, смотрители духовных училищ, инспектор епархиального женского училища, секретарь консистории, епархиальный наблюдатель церковных школ, епархиальный миссионер, благочинные церквей и монастырей Костромской епархии и преподаватели местной духовной семинарии по кафедрам литургики, церковной истории и гражданской истории»⁴⁴), 76 действительных членов, в том числе пожизненный действительный член епископ Чигиринский Никодим, архиепископ Ярославский и Ростовский (до 22 декабря 1913 года) Тихон (Белавин) – будущий Святейший Патриарх Московский и всея Руси, архиепископ Кишиневский и Хотинский Серафим (Чичагов) – бу-

душий митрополит и священномученик и два члена-сотрудника. Секретарем общества вместо перемещенного в Москву священника Н. Виноградова 5 марта 1913 года советом КЦИО был избран священник Михаил Раевский.

После доклада Н. В. Малиновского был заслушан акт ревизионной комиссии, зачитанный секретарем консистории Л. Ю. Шавельским. Затем состоялись выборы нового члена совета, и в завершение первой части заседания архиерейский хор исполнил концерт Гречанинова «Внуши, Боже, молитву мою...»

Вторая часть заседания КЦИО была посвящена заслушиванию реферата И. В. Баженова на тему: «Справедливо ли мнение, что Феодоровская икона Божией Матери в московском Ново-Спасском монастыре есть именно та древняя икона, которой был благословлен на царство инокиней Марфой сын ее Михаил Феодорович?» В связи с интересом данной темы для церковной истории Костромского края изложим ее подробнее.

15 июня 1913 года в «Церковных ведомостях» была напечатана заметка о посещении императором Николаем II московского Новоспасского монастыря, где указывалось, что в крестном ходе при встрече государя несли чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери, которой мать Михаила Феодоровича благословила его на царство. В связи с этим архиепископ Тихон 24 июля предложил КЦИО «путем научно-обследования об иконе в печати восстановить историческую истину»⁴⁵ – то, что чудотворный образ Пресвятой Богородицы, связанный с воцарением дома Романовых, пребывает в Костроме, а не в Москве. В заседании 29 августа 1913 года совет общества поручил выполнение этого задания И. В. Баженову.

20–21 октября председатель КЦИО, посетив Новоспасский монастырь, осмотрел находящуюся там Феодоровс-

кую икону и на собрании 1 июня 1914 года изложил следующие выводы:

«...Икона эта никогда не была признаваема чудотворной и не причисляется к разряду местно чтимых святынь. В России имеется лишь одна чудотворная Феодоровская икона Богоматери: это – подлинная икона и именно та, которая находится в костромском Успенском соборе. Даже самый первый по времени список с этой иконы, находящийся в Феодоровском мужском монастыре в с. Городце Балахнинского у[езда] Нижегородской губернии, относится лишь к местно чтимым святыням.

<...> В Ново-Спасском монастыре совершенно не имеется документальных данных, могущих служить подтверждением того, будто находящаяся в нем Феодоровская икона Божией Матери есть та самая, которой был благословлен на царство инокиней Марфой сын ее Михаил Феодорович. <...> Более достоверным является сообщенное [настоятелем монастыря] о. архимандритом [Макарием] другое предание, именно – что «находящаяся в Ново-Спасском монастыре Феодоровская икона Богоматери есть копия с той иконы, которой инокиня Марфа благословила Михаила Феодоровича, написанная тотчас по прибытии новоизбранного царя в Москву». Но это сообщение об иконе еще более не дает основания считать ее той иконой, которой инокиня Марфа благословила сына Михаила на царство. Притом и древность ее, указываемая сообщением о том, что копия эта написана тотчас же по прибытии новоизбранного царя в Москву, сомнительна: она представляется маловероятной именно в силу отсутствия в означенной иконе доказательств или признаков ее якобы трехсотлетней давности»⁴⁶.

Далее И. В. Баженов, анализируя цветовую гамму иконы из Новоспасского монастыря и надписи на ней, сделал вывод о написании этого образа не ра-

нее начала XVIII века. Однако председатель общества не счел исследование на этом законченным: он обратился к изучению Феодоровского образа Божией Матери, пребывающего в Троицком соборе Ипатьевского монастыря (в приделе во имя преподобного Михаила Малеина), и задался вопросом: можно ли считать эту икону материнским благословением царю Михаилу? В первой половине XIX века данный образ помещался над царскими вратами Троицкого собора – вместе с ковчегом, содержащим мощи святых и частицу Ризы Господней, что свидетельствует о придававшемся ипатьевской иконе особом значении, «вероятно, в качестве дарственного царского образа в Троицкий собор»⁴⁷. Ее реставрация, видимо, совершалась перед посещением Ипатьевского монастыря императрицей Екатериной II в 1767 году; «уже это самое обстоятельство, что Феодоровская эта икона к означенному времени пришла в настолько обветшалое состояние, что оказалось потребным обновление ее письма, достаточно свидетельствует, что эта икона в первоначальном своем письме была довольно старинной, и в самом деле она тогда, со времени воцарения Михаила Феодоровича, имела за собой уже свыше полутора-два столетия давность бытия»⁴⁸.

Изучение надписей на образе из Ипатьевского монастыря и стилистических особенностей его серебряно-позолоченного оклада привели И. В. Баженова к выводу: «Та Феодоровская икона Божией Матери, которая помещается в иконостасе придела во имя преп. Михаила Малеина, должна быть по справедливости отнесена по происхождению ко временам до половины XVII века»⁴⁹. Однако требовало оценки издавна бытовавшее в Ипатьевской обители предание, называвшее именно этот образ материнским благословением инокини Марфы. И. В. Баженов предложил следующее объяснение:

«Положительно признавая историческим то, что на подвиг управления Российским государством Михаила Феодоровича благословила мать его инокиня Марфа чудотворной Феодоровской иконой Богоматери, референт ввиду этого и для выяснения происхождения непрерывного в Ипатьевском монастыре предания о находящейся в приделе преп. Михаила Малеина Феодоровской иконе, при наличности указанных признаков ее древности, принял следующее представление. Инокиня Марфа Ивановна от обители благословила сына своего Михаила Феодоровича на царственные подвиги при самом отъезде его 19-го марта 1613 года из Ипатьевского монастыря этой Феодоровской иконой Богоматери, которая затем и стала достоянием монастыря и, как такая, была помещена на самом видном месте – над царскими вратами Троицкого соборного храма, и затем уже на настоящем месте – в приделе. <...> И с тех-то древних времен за этой Феодоровской иконой Богоматери упрочилось доселе живое представление о ней как благословенной для царя Михаила Феодоровича, которое, как видели, подтверждается историческими данными»⁵⁰.

В 1914 году КЦИО продолжило свою деятельность по изучению церковных древностей Костромской епархии. Благочинный 3-го Солигаличского округа священник В. Соколов осмотрел и описал деревянный храм (построенный в 1783 году) в селе Георгий-на-Старом Солигаличского уезда. 27 апреля 1914 года И. В. Баженов изучал иконы и фрески костромского Спасского храма в Гостином дворе (обычно именуемого сейчас «Спас в Рядах») в связи с предстоявшим ремонтом придела церкви. 4 мая он же и священник Михаил Раевский обследовали иконы костромского Крестовоздвиженского храма, предполагавшиеся к реставрации – после чего

решено было отказаться от поновления местночтимой иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радосте» во внимание к древности и художественности ее письма.

Дважды – 23 мая и 11 июня 1914 года – И. В. Баженов, священник Михаил Раевский и ректор семинарии протоиерей Виктор Чекан посещали Спасо-Запрудненскую церковь Костромы. Первый осмотр завершился разрешением осуществить предполагавшийся местным духовенством ремонт нижнего храма. Во втором случае повод был более серьезным: председатель общества и ректор духовной школы изучали возможность реставрации древней костромской святыни – иконы Нерукотворенного образа Господа Иисуса Христа⁵¹, которая сильно обветшала (посредине лика Спасителя прошла трещина, потускнели краски, местами начал отпадать левкас). Весьма интересен и актуален даже для нашего времени вывод совета КЦИО:

«...Реставрация иконы, по мнению обозревавших ее членов совета, должна быть произведена непременно под руководством и наблюдением ученого столичного художника, по рекомендации директора Археологического института петроградского или московского. Соответственно высокому местному почитанию этого весьма древнего Нерукотворенного образа Христа Спасителя должна быть особая и самая обстановка при реставрации, а именно: членами высказано пожелание, чтобы работа по реставрации иконы производилась в самом храме, где является возможным для этого, хотя ширмами, отделить достаточное место при левом приделе; для реставрации должен быть поставлен мастер доброго настроения; чтобы во время производства работ совершаемы были причтом, хотя бы однажды в день, молебен или чтение акафиста Спасителю и установлено было на время рестав-

рации, приблизительно на 10–14 дней, непрерывное очередное дежурство членов местного причта»⁵².

19 июня 1914 года по поручению архиепископа Тихона комиссия из членов совета КЦИО, членов духовного правления Ипатьевского монастыря и губернского архитектора Л. А. Большакова осматривала наружные фрески Троицкого собора и колокольню Ипатьевской обители. Комиссия «пришла к тому заключению, что необходимо возобновить попорченные фрески, а равно и иконы на западных воротах ограды (около дворца [Михаила Феодоровича]) во время сухое и теплое, приблизительно от половины мая до августа месяца, и сделать это не позднее 1916 года», а также «признала необходимым стены звонницы вновь тщательно перетереть и окрасить их масляной краской; причем к сему заключению комиссия присоединила свое пожелание, по мотивам религиозно-бытовым – по окраске звонницы масляной краской украсить ее с трех сторон, северной, западной и восточной (где была ранее роспись), священными изображениями в древних тонах и стилях»⁵³.

Потребовал рассмотрения и вопрос о возможности переоборудования древнехранилища КЦИО, размещавшегося в Ипатьевском монастыре. 19 марта 1914 года городской архитектор Н. И. Горлицын, осмотрев музей, рекомендовал устроить в палатах центральное водяное отопление. Однако совет общества на заседании 30 апреля, заслушав сообщения И. В. Баженова и хранителя музея иеромонаха Макария, доложил архиепископу Тихону: «По истечении зимы внутри палат, остававшихся зимой без отопления, не оказалось никакой сырости, равно как и зимой не было ее заметно. Совет не находит нужным устройство в палатах предложенного способа отопления и полагает возможным и на будущее время оставить без отопления служащие

древнехранилищем палаты царя Михаила Феодоровича»⁵⁴. Управляющий епархией такое решение утвердил.

По запросу Ярославской архивной комиссии КЦИО занималось исследованием: сохранились ли в Галичском уезде языческие обряды в честь Ярилы (славянского божества). 4 июля 1913 года совет общества поручил изучение этой темы уездному наблюдателю церковно-приходских школ Галичского уезда священнику села Ильинского, что в Селитской волости, М. Троицкому. 24 января 1914 года тот сообщил совету КЦИО: «По собранным мною сведениям относительно того, что якобы и до сих пор отправляются весьма любопытные обряды в честь Ярилы... оказалось, что нигде, ни в каких приходах Галичского уезда празднований и обрядов в честь Ярилы не совершается. Об Яриле в пределах уезда даже никто ничего не знает. Только в городе Галиче в день заговенья на Петров пост бывает гулянка молодых людей за городом, поют песни и поминают в них об Яриле, но никаких процессий не бывает. Один из старейших иереев г. Галича мне сообщил, что лет 50 тому назад, действительно, на этой гулянке в честь Ярилы устраивался какой-то идол; одевался в разные тряпки и пред ним пелись песни, больше ничего не было»⁵⁵. Эти сведения совет КЦИО и предоставил в распоряжение Ярославской архивной комиссии.

11 июля 1914 года попечитель церковно-исторического общества владыка Тихон был назначен архиепископом Курским и Обоянским; на его место вступил епископ Евгений (Бережков), до этого – Приамурский и Благовещенский. 30 июля викарный епископ Кинешемский Арсений, почетный член КЦИО, стал епископом Омским и Павлоградским; новым викарием с 8 сентября 1914 года являлся епископ Кинешемский Севастиан (Вести; 1870–1934).

В том же году общество понесло ощутимые потери: скончались его действительные члены наместник Ипатьевского монастыря архимандрит Платон, настоятель Макариево-Унженского монастыря архимандрит Иов и костромской купец А. И. Акатов, оказывавший обществу существенную материальную поддержку. В целом по прошествии 1913 года финансовое положение КЦИО было весьма затрудненным – прежде всего из-за больших затрат на печатные издания, юбилейный сборник и каталог древнехранилища. Многим планам КЦИО помешало осуществиться и начало Первой мировой войны. В отчете за 1914 год говорилось:

«Начавшаяся с 19 июля война России с Германией и Австро-Венгрией не могла не отозваться на деятельности общества, так как она всецело привлекла на себя общественное внимание, и на ней, на удовлетворении военных колоссальных нужд, сосредоточились заботы и деятельность всех слоев населения империи, в том числе, конечно, и Костромского края. <...> В силу этого члены церковно-исторического общества естественно должны были поступиться своими общественными интересами в пользу общероссийских военных. <...> За отсутствием денежных средств, с одной стороны, и неожиданно сложившихся обстоятельств военного времени с другой, обществу оставалось довольствоваться такой деятельностью, которая не обуславливалась бы зависимостью ни от денежных средств, ни от сосредоточившего на себе внимание военного времени»⁵⁶.

Тем не менее КЦИО продолжало работать: в августе 1914 года началась реставрация хранившейся в древнехранилище с середины 1912 года большой (2½ аршина в окружности) металлической люстры, доставленной в музей священником Успенской церкви села Наво-

локи Кинешемского уезда, благочинным VII Кинешемского округа Костромской епархии отцом Иоанном Сахаровым. «По его рапорту, люстра пожертвована в Успенскую церковь означенного села героем войны 1812 года полковником Кондратьевым, по письменному сообщению которого она находилась в той зале Михайловского дворца (Инженерного замка), где скончался император Павел I. По времени своего устройства люстра, как показывает самый стиль ее – строгий ампир, относится к концу царствования Екатерины II и, по компетентным отзывам обозревателей-художников, имеет высокую ценность по надлежавшей реставрации ее»⁵⁷. В конце августа люстру осмотрел заведующий художественно-ремесленной мастерской золото-серебряного дела в селе Большом Красном К. Орлов, который 18 сентября сообщил И. В. Баженову: для восстановления первоначального облика люстры требуется заново отлить многие детали, а общая стоимость работ составит 110 рублей. Требуемые средства, несмотря на печальное состояние финансов КЦИО, были изысканы, и в апреле 1915 года отреставрированная люстра была помещена в четвертом зале древнехранилища.

Кроме того, в 1914 году музей КЦИО продолжал пополняться предметами старины. В древнехранилище поступили: серебряно-позолоченные сосуды 1594 года из Спасо-Преображенской церкви г. Кинешмы (упоминавшиеся выше); пожертвованные Е. Д. Макаровой иконы XVIII–XIX веков; освященный 13 декабря 1730 года митрополитом Грузинским Николаем печатный антиминс – дар сельника Ипатьевского монастыря иеродиакона Иакова; шитая серебром епитрахиль начала XIX века, пожертвованная в 1824 году матерью писателя А. С. Грибоедова Богородицкой церкви с. Никитского Нерехтского уезда и переданная в му-

зей КЦИО священником костромского Спасо-Запрудненского храма А. Виноградовым; церковные предметы XVII века – царские врата, резной крест с предстоящими и ветхие хоругви, пожертвованные музею Введенской церковью с. Пружинина Нерехтского уезда; две художественные картины религиозного содержания (одна из них была подарена КЦИО настоятельницей Макариево-Решемского женского монастыря игуменией Досифеей) и две грамоты XVIII века, найденные в архиве Троицкого храма с. Федьковой Слободки Чухломского уезда священником Филаретом Изюмовым. В библиотеку КЦИО продолжали поступать новые издания от авторов, научных учреждений и обществ со всей России. Древнехранилище общества предоставляло свое собрание для исследователей: так, в конце 1913 – начале 1914 года здесь работал студент 4-го курса Санкт-Петербургской духовной академии Михаил Вертоградский, изучавший старинные рукописные и печатные служебники⁵⁸.

1915 год для КЦИО стал трудным временем – прежде всего из-за финансовых проблем. «Всеобщая забота об удовлетворении военных нужд, скудное поступление членских взносов и, как следствие этого, отсутствие в обществе денежных средств лишили совет общества возможности развить свою деятельность в области церковно-исторического исследования и изучения края. Совет общества принимал меры к изысканию денежных средств на удовлетворение своих нужд, но они оказались тщетными. <...> За отсутствием достаточных денежных средств совет не мог командировать из своей среды компетентных лиц для осмотра церковно-исторических достопримечательностей на местах их нахождения, не мог также приступить к изданию уже имеющегося в значительном количестве для напечатания историко-археологического материала. Вви-

ду таких обстоятельств деятельность совета общества была весьма ограниченной и проявилась так же, как и в предшествовавшем 1914 г., в охранении предметов церковной старины по указанию епархиального начальства, в принятии жертвуемых обществу предметов церковной древности и книг и в сношениях с другими учеными обществами и лицами, но в очень скромном размере»⁵⁹.

К сожалению, оказать КЦИО существенную материальную помощь не смогли и церковные власти. 12 января 1915 года, заслушав сообщение И. В. Баженова, совет общества постановил ходатайствовать перед епархиальным съездом духовенства об ежегодном ассигновании определенной суммы на нужды КЦИО. Комиссия по делам духовной семинарии 24 августа 1915 года предложила выделять обществу по 50 рублей ежегодно:

«Комиссия вполне сознает важность и ценность трудов церковно-исторического общества, в то же время не может забыть, как осложнилась, как затрудняется жизнь духовенства: всюду нужны жертвы, всюду нужна помощь, вызываемые тяготами военного времени, а потому в решении вопроса о сумме ассигнований на нужды общества комиссия разделилась на две части: 8 человек желали бы ассигновать 100 руб., а остальные 10–50 руб.; следовательно, большинством решено первоначальную помощь обществу выразить в определенной ежегодной сумме 50 руб., какую и отнести на счет прибылей епархиального свечного завода»⁶⁰.

Однако на заседании епархиального съезда 25 августа было принято следующее решение:

«Ввиду тяжелого военного времени и необходимости удовлетворения других, более неотложных нужд, съезд постановил мнение комиссии отклонить»⁶¹.

23 августа 1915 года в актовом зале епархиального женского училища сто-

ялось очередное годовое заседание КЦИО. После доклада Н. В. Малиновского о составе общества, деятельности совета и денежных средствах за 1914 год состоялись выборы председателя и членов совета на предстоящее трехлетие; председателем КЦИО был вновь избран И. В. Баженов. Затем архиерейский хор исполнил два церковных песнопения.

Во втором отделении заседания протоиерей Ильинской церкви г. Костромы Александр Крутиков зачитал реферат священника Михаила Раевского «Церковные древности Костромской епархии по представленным в духовную консисторию настоятелями монастырей и церквей спискам»; так КЦИО подвело итог большой работы, начатой одновременно с созданием общества. Описи и списки, представленные в консисторию по данной теме, составили рукописный сборник в 167 листов.

В реферате говорилось: «Из означенного сборника усматривается, что сведения о церковных древностях епархии доставили 12 монастырей (не включая сюда Ипатьевского монастыря, древности которого подлежали непосредственному обозрению председателя общества) и 158 церквей, состоящих в 52 благочиннических округах. Имея в виду общее количество монастырей (20) и церквей (918 на 1912 г.) в епархии, нужно сказать, что предметы церковной старины сохранились в большей части монастырей и в меньшей части приходских церквей, притом сохранилось далеко не все то, что имелось в них от лет древних. <...> Сохранилось, благодаря заботливости духовенства епархии, значительное количество разнообразных предметов церковной старины даже от XIV–XVI веков и преимущественно от XVII–XIX вв. Всех сохранившихся предметов старины по сборнику насчитывается 908; они могут быть разделены на две категории: а) религиозно-нравственного характера и

б) обыкновенные, мирские (последних очень ограниченное количество)»⁶².

Реферат был прочитан в извлечении (полный объем его составлял 59 страниц) и «...возбудил интерес в слушателях, из коих многие по окончании заседания заявили г. председателю о своем желании видеть реферат сполна напечатанным»⁶³. Завершилось годовое собрание исполнением архиерейским хором трех концертов и, по предложению владыки Евгения, молитвой «за царя и люди».

23 сентября 1915 года совет КЦИО на своем заседании постановил напечатать реферат священника Михаила Раевского в первом выпуске трудов общества. Однако этим планам уже не суждено было исполниться...

Вследствие материальных трудностей КЦИО вынуждено было существенно ограничить командировки для исследования церковных древностей на местах. За весь 1915 год состоялась лишь одна такая поездка: И. В. Баженов во исполнение поручения епископа Евгения 10 октября осмотрел в связи с предполагавшейся причтом и церковным старостой реставрацией икон Введенский храм с. Григорьевского Нерехтского уезда, построенный в 1747 году на средства княгини П. И. Волконской. Подробный отчет о результатах осмотра председатель КЦИО передал управляющему епархией 12 октября 1915 года.

Библиотека общества продолжала пополняться получаемыми в дар книгами и научными изданиями; кроме того, от епископа Кинешемского Севастиана были приняты две рукописи, найденные им при обозрении храмов Юрьевоцкого уезда (одна из рукописей датировалась XVII веком). В древнехранилище за весь год поступили только иконное изображение херувима (от члена совета КЦИО А. Н. Рождественского) и две каменные плитки – формы для отливки металлических нательных крестов

(от ученика 4-го класса семинарии Николая Богданова).

В 1916 году положение КЦИО не изменилось к лучшему; годовое собрание, судя по всему, вообще не состоялось. «Незначительные денежные средства, которыми располагало общество, не дали возможности совету общества развить церковно-археологическую деятельность по собственной инициативе, хотя бы в скромных размерах, равным образом не позволили приступить к печатному изданию трудов. Совет общества должен был ограничить свою деятельность лишь ответами на несколько церковно-археологических запросов со стороны духовенства и духовной консистории по требованию обстоятельств (ремонта храмов и поновления икон), а в издательском деле удовлетворяться напечатанием отчета за 1915 год в местных епархиальных ведомостях с оттиском отдельных брошюр в количестве 200 экземпляров»⁶⁴.

15 июня 1916 года И. В. Баженов и А. И. Черницын осматривали стенную живопись и иконостас Богоотцовской церкви в Костроме; 3 июля они же изучали летний храм костромской церкви в честь Рождества Христова на Суле – в обоих случаях перед проведением ремонтных работ. «Ввиду данных производившими осмотр заключений о неимении препятствий в церковно-археологическом отношении к производству ремонта живописи стен и иконостасов в храмах Богоотцовском и Христорождественском на Суле совет общества постановил, что он с своей стороны не имеет препятствий к означенному ремонту»⁶⁵.

Кроме того, совет КЦИО рассматривал вопрос о возможности реставрации старинной местнотчимою Казанской иконы Божией Матери, находящейся в Казанской церкви села Знаменского Кинешемского уезда. Причт и староста храма докладывали в консисторию, что этот образ Пресвятой Богородицы при-

шел в ветхость, имеет сквозную трещину посредине, с него осыпаются краски, а лик Богоматери виден очень плохо; приложив к рапорту фотографию иконы, они просили разрешения провести ее реставрацию. 31 марта консистория передала этот вопрос на рассмотрение КЦИО, но фотография оказалась весьма неудачной, и потому совет общества просил благочинного VIII Кинешемского округа священника Алексея Архангельского произвести на месте детальный осмотр иконы и сообщить имеющиеся сведения о ней.

25 июня благочинный информировал КЦИО, «что 1) время написания иконы Казанской Божией Матери, находящейся в Казанской церкви села Знаменского (Осиновки тож), с точностью трудно определить, так как прежняя церковь, в коей была и сия икона, сгорела, и никаких документальных данных о времени написания сего образа не сохранилось при церкви; но, по преданию, написание сей иконы относится к концу XVI или началу XVII века; 2) икона составляет местно-чтимую храмовую святыню; 3) имеет потемневший лик Богоматери, продольную во всю длину образа небольшую щель, несколько разрушившихся разной величины мест, и без освидетельствования сей иконы художниками или опытными иконописцами трудно решить вопрос, возможно ли произвести исправления без утраты первоначального письма, особенно лика Богоматери, или без замены его перепиской»⁶⁶. Поэтому совет КЦИО уведомил консисторию, что вопрос о реставрации этого образа может быть решен лишь после его осмотра компетентным специалистом.

В библиотеку общества продолжали поступать присылаемые и передаваемые книги – хотя их число по сравнению с предыдущим годом существенно уменьшилось. Древнехранилище пополнилось лишь даром судебного следователя из г.

Петрозаводска В. Казанского: большой оловянной чашей XVIII века и двумя медными брачными венцами.

Как бы предвидя скорое прекращение церковно-музейной деятельности, КЦИО в отчете за 1916 год подводит итоги деятельности музея общества – древнехранилища в Ипатьевском монастыре:

«Все предметы древности распределены в восьми комнатах палат и не везде по предметной группировке – соответственно условиям самого помещения и отчасти характеру некоторых предметов. <...> Древнехранилище открыто для посещения публики во все дни недели – летом с 12 1/2 до 5 часов пополудни, а зимой с 12 1/2 до 3 часов пополудни. Для экскурсантов с их руководителями музей и библиотека могут быть открыты и в прочие часы дня, если позволят о. хранителю музея служебные обязанности. Обозрением руководят и дают надлежащие объяснения заведующий древнехранилищем председатель общества г. Баженов и, в его отсутствие, хранитель музея иеромонах Макарий.

О том, сколь великое число посетителей бывает в древнехранилище с течением года, можно судить по количеству подписей в книге для записи почетных посетителей. В отчетном 1916 году таких подписей в книге значится 1733. <...> Но целые массы посетителей не регистрируются [так в тексте. – А.А.]. В один только день Пятидесятницы – храмовый праздник Ипатьевского Троицкого собора – перебивает в древнехранилище более полутора тысяч посетителей; всех, желающих осмотреть в этот день музей, древнехранилище не может удовлетворить, и они допускаются для осмотра лишь партиями по сорок человек; значительное количество посетителей бывает и на следующий день Св. Духа. По званию и положению посетившая древнехранилище публика весьма разнообразна: были профессора,

генералы, артисты, писатели, студенты, курсистки, учащие и учащиеся средних учебных заведений, лица военного звания – прапорщики и солдаты, купцы, мещане, крестьяне, беженцы, дети. Древнехранилище было предметом экскурсий учащихся – гимназистов и гимназисток, реалистов, кадетов, семинаристов, учениц епархиального училища, учащихся художественно-ремесленной Красносельской мастерской Костромского уезда и низших учебных заведений, учителей и учительниц и др. Музей древнехранилища был осмотрен сорока экскурсиями учащихся в сопровождении учителей, двадцатью экскурсиями раненых воинов в сопровождении сестер милосердия и семью экскурсиями солдат в сопровождении ротных командиров. В отчетном 1916 году древнехранилище изволил посетить великий князь Николай Михайлович в сопровождении г. костромского губернатора Хозикова. Из лиц, выдающихся по своему высокому положению, осматривали музей: министр путей сообщения Трепов, Серафим, епископ Бельский, викарий Холмской епархии; Димитрий, епископ Можайский; генерал от инфантерии Ал. Ал. Адлерберг, состоящий в распоряжении верховного главнокомандующего; генерал Селиванов, радомский губернатор Брянчанинов; протоиерей Павел Соколов, председательствующий в Училищном совете при Св. Синоде; заслуженный профессор Митрованов, профессор Московской консерватории Вильшау и другие. Вообще, положительно можно утверждать, что кроме костромичей, во множестве осматривающих музей древнехранилища, и те, кому из разных мест России приходится посетить Кострому, считают обязательным для себя осмотреть его как редкую костромскую достопримечательность»⁶⁷.

Отчет о состоянии древнехранилища завершается словами: «Совет Костромского церковно-исторического общества

питает надежду на то, что с увеличением в будущем денежных средств и улучшением обстоятельств явится возможность заняться и научной разработкой находящегося в музее богатого по значению и ценности церковно-археологического материала»⁶⁸. Однако будущее оказалось совершенно не таким, как предполагалось руководством КЦИО...

В 1917 году – переломном для отечественной истории – деятельность общества была фактически прекращена. Вскоре оно и формально прекратило свое самостоятельное существование: в 1918 году КЦИО на правах секции вошло в Костромское научное общество по изучению местного края. После закрытия Ипатьевского монастыря и превращения его ансамбля в рабочий поселок экспонаты древнехранилища перевезли в губернский (прежде Романовский) музей. «Хранитель музея, бывший ризничий иеромонах Макарий, был последним иноком, изгнанным из бывшей обители. Не желая покидать святого места, он остался в поселке сторожем и ушел из монастыря только в середине 20-х гг. после полученного категорического предписания снять рясу и коротко остричь волосы...»⁶⁹

Жизненный путь выдающегося историка и краеведа, вдохновителя и бессменного председателя КЦИО И. В. Баженова завершился 9 февраля 1920 года; он умер в своем доме на Царевской улице (ныне – проспект Текстильщиков) от крупозного воспаления легкого. Отпевание И. В. Баженова в костромском Царе-Константиновском храме 11 февраля совершил викарный епископ Севастиан (Вести) в сослужении 5 протоиереев и священников. Перед началом отпевания друг и сподвижник покойного И. М. Студитский произнес речь, в которой сказал:

«Когда я в первый раз во время вечерней панихиды предстою этому гробу с возлежащим в нем бывшим своим сослуж-

живцем... я скорбно вглядывался в дорогие черты незабвенного для меня Ивана Васильевича, запечатленные и в самой смерти, как мне казалось, какой-то таинственной думой на высоком челе, – тогда я невольно сказал себе: «Нет, он не умер, а жив!» Да, он жив прежде всего в благородных сердцах своих многочисленных учеников, рассеявшихся по городам и весям нашего обширного отечества... Почивший остался жить и в своих многочисленных литературных трудах по увековечению истории местного края... Не напрасно посему прожитая жизнь предлежащим в этом гробу тружеником, и в этом для нас, его сослуживцев и почитателей, – немалое назидание...»⁷⁰

Речь И. М. Студитского завершилась словами святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, которые можно считать эпитафией всем подвижникам церковно-исторического делания на Костромской земле XX века:

«Ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (Откр. 14, 13).

Примечания

¹ И. К. Херсонский составил главный труд своей жизни – «Летопись Макариева Унженского монастыря Костромской епархии» (вып. 1: Кострома, 1888; вып. 2: Кострома, 1892), являясь еще мирянином, смотрителем Макарьевского духовного училища. В 1891 году он принял священный сан, был протоиереем Митрофаниевской кладбищенской церкви в Санкт-Петербурге и скончался там же 4 марта 1912 года.

² К сожалению, исторические описания монастырей Костромской епархии, созданные Д. Ф. Прилуцким в середине XIX века и сохранившиеся на своих страницах многие интереснейшие сведения, так и не были напечатаны. Сейчас эти рукописи хранятся в Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург); одна из них – «Историческое описание Богородицкого

Игрицкого второклассного мужского монастыря» – ныне готовится автором статьи к публикации.

³ Баженов И. Открытие Костромского Церковно-исторического общества // Костромские епархиальные ведомости (далее – КЕВ). – 1912. – № 13, отд. неофиц. – С. 372.

⁴ Двойная дата указывает на время принятия синодального решения и его утверждения государем.

⁵ В здании епархиального женского училища теперь располагается администрация Костромской области.

⁶ Текст реферата был опубликован в «Костромских епархиальных ведомостях» (1912. – № 14, отд. неофиц. – С. 399–409; № 15, отд. неофиц. – С. 435–443) и в юбилейном сборнике общества, изданном в 1913 году (с. 1–23).

⁷ Епархиальный съезд духовенства в 1912 году заседал с 23 по 31 августа.

⁸ Заседание Костромского церковно-исторического общества 26 августа // КЕВ. – 1912. – № 17, отд. неофиц. – С. 495.

⁹ Текст реферата: *Студитский Ив.* Русское духовенство в Отечественную войну 1812 года // КЕВ. – 1912. – № 19, отд. неофиц. – С. 551–570.

¹⁰ Заседание Костромского церковно-исторического общества 26 августа // КЕВ. – 1912. – № 17, отд. неофиц. – С. 496.

¹¹ Отчет о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества за время от его открытия 3 июня 1912 года до 1 января 1914 года. – Кострома, 1914. – С. 16.

¹² Высочайшая грамота Костромскому Ипатиеву Троицкому кафедральному мужскому первоклассному монастырю // КЕВ. – 1913. – № 5, отд. офиц. – С. 90.

¹³ Высочайшая телеграмма на имя Высокопреосвященного Тихона, архиепископа Костромского и Галичского, 14-го марта 1913 года // КЕВ. – 1913. – № 7, отд. офиц. – С. 111.

¹⁴ Реферат опубликован: *Баженов И.* Призвание боярина Михаила Феодоровича Романова на Московский и всея Руси царский престол // Юбилейный сборник Костромского церковно-исторического общества в память 300-летия царствования дома Романовых. – Кострома, 1913. – С. 46–68.

¹⁵ Церковное празднование дня 14-го марта в г. Костроме // КЕВ. – 1913. – № 6, отд. неофиц. – С. 211.

¹⁶ Баженов И. Годичное собрание Костромского церковно-исторического общества // КЕВ. – 1914. – № 12, отд. неофиц. – С. 272–273.

¹⁷ Отчет... до 1 января 1914 года. – С. 18.

¹⁸ Там же. – С. 18–19.

¹⁹ Там же. – С. 19.

²⁰ Имеется в виду Романовский музей, устроенный в Костроме к 300-летию дома Романовых (ныне – художественный музей на проспекте Мира) и находившийся в ведении Костромской губернской ученой архивной комиссии. Имя чиновника указывается в отчете КЦИО за 1914 год: это И.Д. Преображенский, член КГУАК (Отчет о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества за 1914-й год // КЕВ. – 1915. – № 9, отд. офиц. – С. 199).

²¹ Отчет... до 1 января 1914 года. – С. 21.

²² Святой мученик Иоанн Перебаскин (1862–1918), расстрелянный карательным отрядом 22 февраля / 7 марта 1918 года, ныне почитается Русской Православной Церковью в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

²³ Отчет... до 1 января 1914 года. – С. 22.

²⁴ Там же. – С. 23.

²⁵ Там же.

²⁶ Вероятно, имеется в виду книга: Орлов Виктор, свящ. Галичский Староторжский Николаевский женский монастырь. Историческое описание, составленное по документам архива. – М., 1913.

²⁷ Отчет... до 1 января 1914 года. – С. 24–25.

²⁸ Баженов И. Годичное собрание Костромского церковно-исторического общества. – С. 273.

²⁹ Устав Костромского церковно-исторического общества. Кострома, 1912. – С. 9. Этот Устав публиковался и в «Епархиальных ведомостях»: КЕВ. – 1912. – № 6, отд. офиц. – С. 77–85.

³⁰ Отчет... до 1 января 1914 года. – С. 27.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. – С. 34–35.

³⁴ Там же. – С. 36–38.

³⁵ Виноградов Н. Н. Празднование трехсотлетия царствования дома Романовых в Кост-

ромской губернии 19–20 мая 1913 года. – Репр. воспр. текста изд. 1914 г. – Кострома, 1993. – С. 62–65. – Место вып. ориг. изд.: Кострома.

³⁶ Отчет... до 1 января 1914 года. – С. 28.

³⁷ Там же. – С. 27–28.

³⁸ Там же. – С. 30–31.

³⁹ Там же. – С. 31–32.

⁴⁰ Там же. – С. 47.

⁴¹ Там же. – С. 48–49.

⁴² Там же. – С. 49–50.

⁴³ Устав КЦИО. – С. 4.

⁴⁴ Баженов И. Годичное собрание Костромского церковно-исторического общества. – С. 279.

⁴⁵ Там же. С. 277–279.

⁴⁶ Там же, с. 280.

⁴⁷ Там же. – С. 280–281.

⁴⁸ Там же. – С. 281.

⁴⁹ Там же. С. 281–282.

⁵⁰ Подробно об этой иконе рассказывает в очерке И. В. Баженова: Костромские святыни – Феодоровская икона Божией Матери в Успенском соборе и Нерукотворенный образ Христа Спасителя в Спасо-Запрудненской церкви // КЕВ. – 1911. – № 2. – С. 29–37.

⁵¹ Отчет о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества за 1914-й год // КЕВ. – 1915. – № 9, отд. офиц. – С. 195.

⁵² Там же. – С. 196.

⁵³ Там же. – С. 198.

⁵⁴ Там же. – С. 199–200.

⁵⁵ Там же. – С. 190–191.

⁵⁶ Там же. – С. 197.

⁵⁷ Отчет о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества за 1916 год. – Кострома, 1917. – С. 9.

⁵⁸ Отчет о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества за 1915 год. – Кострома, 1916. – С. 3–4.

⁵⁹ Журналы Костромского епархиального съезда духовенства и представителей церковных старост сессии 1915 года // КЕВ. – 1915. – № 22, отд. офиц. – С. 524–525.

⁶⁰ Там же. – С. 525.

⁶¹ Годичное собрание церковно-исторического общества // КЕВ. – 1915. – № 17, отд. неофиц. – С. 310–311.

⁶² Там же. – С. 311.

⁶⁴ Отчет о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества за 1916 год. – Кострома, 1917. – С. 1.

⁶⁵ Отчет о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества за 1916 год. – Кострома, 1917. – С. 4.

⁶⁶ Там же. – С. 5–6.

⁶⁷ Там же. – С. 7–9.

⁶⁸ Там же. – С. 9.

⁶⁹ Зонтиков Н. Церковно-исторический музей в Ипатии: 1913–1919 годы // Северная правда. – 2004. – 3 марта.

⁷⁰ Студитский И. Речь перед совершением чина отпевания Ивана Васильевича Баженова // Губернский дом. – 1996. – № 2. – С. 28.

Священник Валерий Бурдин

КОММЕНТАРИИ К ЕВАНГЕЛИЮ (Печатается в сокращении)

Мф. 1, 1 – «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова».

«Подобно тому, – читаем мы в Святоотеческом толковании, – как ветхозаветный бытописатель Моисей, начиная историю падшего человечества, говорит: родословие Иисуса Христа. От первого, падшего человека пошло расстройство, но вот – новый Человек, новый Адам, Господь с неба (I Кор. 15, 47), начальник поколения людей, рождаемых духовно и составляющих народ святой...» (1)

Иисус (по – еврейски Ieschua) значит Бог Спаситель или просто Спаситель, имя, достаточно распространенное у древних иудеев. Христос же – греческий эквивалент еврейского слова Мессия (Maschiach) и означает в переводе «Помазанник».

«Самое имя Христа троичное, – замечает Оливье Клеман, – Christos, Мессия означает «получивший помазание» мессианским помазанием. Таким образом, Отец есть Тот, Кто вечно «помазует» Сына, возлагая на Него – или лучше сказать, влагая в Него – Духа как помазание, как елей радости, о которой говорит псалом, ибо Дух есть радость Божественного причастия». (2)

В подтверждение своих слов Клеман приводит отрывок из трактата о Святом Духе св. Василия Великого: « В именован-

нии «Христос» – исповедание всего, ибо оно указывает на Бога (Отца, «начало» Божества), помазавшего Сына – Помазанника, и на помазание, которое есть Дух, как учит Петр в Деяниях Апостолов: Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета (Деян. 10, 38), и как учит Исаия: Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня (Ис. 61, 1). Также и псалмопевец говорит: Помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости (Пс. 44, 8).

Иерей Валерий Бурдин
(1952–2002)

Тот же Святой Дух, пребывая в Церкви Христовой, помазует и всех нас, входящих в нее. Об этом говорит Псевдо-Макарий: «Бесчисленные горящие светильники все возжены одним и тем же огнем – то есть все они горят и светят под действием Божественного огня – Сына Божия. Их светильники хранятся в глубине сердца и сияют в Его присутствии во все время их пребывания на земле, как сияет Он Сам. Не сказано ли Духом: «Посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости (Пс. 44, 8). Он был Помазанником (Christos) для того, чтобы и мы, получая помазание тем же елеем, каким был помазан Он, могли называться «Христами», будучи одной с Ним природы и составляя с Ним единое тело. Написано также: Освящающий и освящаемые, все – от Единого (Евр. 2, 11). (4)

Для нас словосочетание Иисус Христос привычно, для Матфея (кровного иудея) и тех, кому он адресовал свое Евангелие, словосочетание это было, по меньшей мере, неожиданным. В том-то и заключалась суть новозаветного открытия, что человек по имени Иисус, неприятый и убитый соплеменниками, был на самом деле Мессией, приход Которого возвещали ветхозаветные пророки. Сознвая масштабы этого открытия, первохристиане вновь и вновь возвращались к нему. «Бог сделал Господином и Христом сего Иисуса, Которого вы распяли», – читаем мы у Апостола (Деян. 2, 36). «Иисус есть Христос» (Деян. 180, 5; 28).

Анализируя последнее высказывание, Сесбуэ пишет: «Между именем человека среди других людей, погруженного в человеческую историю, и наименованием «Христос», которое указывает на совершенное и полное спасение, раскрывает глубинную сущность непостижимого Бога, – огромная дистанция. В исповедании христианской веры она преодолевается с помощью простой глагольной связки: Иисус есть Христос. Это малень-

кое слово, помещаемое между Иисусом и Христом, лежит в основе всей христологии. Сама обыденность этого маленького слова со вселенским Спасителем образует собою нечто огромное, ибо самым конкретным образом отождествляет обычного на первый взгляд человека со вселенским Спасителем: это маленькое слово возвещает вторжение Абсолюта в переходящее». (5)

Но Матфей не был бы иудеем, если бы тут же не добавил, что Иисус – не только долгожданный Мессия, но и сын еврейского народа, потомок Давида, из славного рода которого, согласно древнему пророчеству, «произойдет отрасль из корня Иесеева и ветвь произрастет из корня его» (Ис. 1, 2).

«Явление Логоса во плоти, – пишет Николай Бердяев, – должно было совершиться в народе, который был хранителем единобожия и в котором являлись пророки. Народ этот был избран Богом для исполнения провиденциального плана Своего и был всегда объектом особенного воздействия Божественной благодати. Избрание это остается для нас великой тайной, но оно помогает нам осмыслить мировую историю». (6)

Интересно примечание Бердяева: «Судьба еврейского народа необъяснима позитивистически и явно указывает на провиденциальный план истории. И загадка этой таинственной судьбы не может быть разрешена иначе, как религиозно. Еврейство никогда не ассимилируется и никогда не найдет того земного царства, о котором так страстно мечтает». (7)

Мф. 1, 2–17:

«Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его;

Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама;

Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона;

Салмон родил Воа от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея;

Иессей родил Давида царя; Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриею;

Соломон родил Ровоама; ровоам родил Авию; Авия родил Асу;

Аса родил Иосафата; Иосафат родил Иорама; Иорам родил Ахава; Ахав родил Езекию;

Езекия родил Манассию; Манассия родил Амона; Амон родил Иосию;

Иосия родил Иоакима; Иоаким родил Иехонию и братьев его пред переселением в Вавилон;

По переселении же в Вавилон, Иехония родил Салафиля; Салафииль родил Зоровавеля;

Зоровавель родил Авиуда; Авиуд родил Елиакима; Елиаким родил Азора;

Азор родил Садока; Садок родил Ахима; Ахим родил Елиуда;

Елиуд родил Елиазара; Елиазар родил Матфана; Матфан родил Иакова;

Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос.

Итак, всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов».

В подтверждение своей мысли Матфей приводит родословную Иисуса, ныне воспринимаемую нами как обременительный и ничего не значащий довесок. Да и Греко-римским христианам она порою казалась излишней. Так, например, ученик св. Иустина Мученика Татиан (2-я половина II века) в своем Диатессароне, сводя воедино содержание четырех канонических Евангелий, опустил родословие Матфея и Луки. За это его позднее упрекал блаж. Феодорит (V век), считавший подобное проявлением ереси. (8)

Для иудео-христиан – первых читателей Евангелия от Матфея – эта родослов-

ная была доказательством национальной легитимности Иисуса. «Человек, в крови которого была малейшая примесь чужой крови, лишался права называться иудеем и членом избранного Богом народа», – справедливо замечает Уильям Баркли и напоминает нам, что немало родословных встречаем мы в Ветхом Завете (Быт. 5, 1; 10, 1; 11, 10; 11, 27), а Иосиф Флавий, например, начал свою биографию с родословной, которую он, по его словам, нашел в архивах. (9)

«В качестве мессианского царя Иисус Христос – наследник династии Давида, «Сын Давидов», – пишет С. С. Аверинцев. – Так как Он рождается от Девы Марии, не имея земного отца, можно ожидать, что к Давиду будет возведено родословие Его Матери. Однако это не так: обе генеалогии Иисуса Христа, которые даны в Евангелиях (Мф. 1, 1–6; Лк. 2, 23–38), – это генеалогия Иосифа Обручника, номинального мужа Марии – с точки зрения древневосточного сакрального права узы легальной адаптации в некотором смысле важнее, чем происхождение от реальной матери. Апокрифическая версия, не получившая широкого распространения (ср. ранневизантийский апокриф «Изъяснение как Христос стал священником»), связывала происхождение Иисуса Христа не только с родом Давида, и, следовательно, с коленом Иуды (которому принадлежал мессианский царский сан), но и с коленом Левия (которому принадлежали права на священнический сан)». (10)

Еще раз подчеркиваем, что проблема кровного родства, соплеменничества – одна из важнейших в сознании древних евреев, причем рассматривалась она в религиозном аспекте. С. Трубецкой пишет: «У семитов с их интенсивной религиозностью, с их тенденцией к монолатрии, союз Бога с человеческим обществом понимался особенно тесным

образом, и религия становилась формой национального самосознания. Древнесемитский род или клан сознавал себя единым телом: единство крови, в которой видели физическую основу жизни, соединяло родичей между собою, и этому единству крови соответствовало единство духа, единство богов, с которыми люди соединялись посредством жертв и жертвенной, евхаристической трапезы. Всякий чувствовал себя членом высшего организма, к которому он принадлежал через семью, род, клан или племя; все эти союзы, входящие в состав одной общественной системы, являлись как бы естественными единицами, подчиненными и связанными между собою, причем они олицетворялись как реальные существа и носили собственные имена: Моав, Амогн, Едом или Израиль, Иуда, Ефрем, Гад суть имена собственные. Собирательное сознание в этих племенах и коленах так интенсивно, что получает личную форму». (11)

Родословная Иисуса Христа важна еще и тем, что она обосновывала Его сакральную легитимность. Святой Апостол Матфей как бы делит родословную на три временных отрезка: от Авраама до Давида (ст. 2–6), от Давида до переселения в Вавилон (ст. 6–11) и от переселения в Вавилон до рождения Иисуса Христа (ст. 12–16). Каждый из этих временных периодов представлен у него 14 поколениями (ст. 17), а «согласно еврейской магии чисел, имя «Давид» сводится к числу «14». (12)

Поэтому «в 3 x 14 поколениях, составляющих родословие Иисуса (Мф. 1), можно усмотреть гематрию имени Давида ($0 + 0 + 4 + 6 + 4 = 14$) в сочетании с применением символики числа 7. Иисус, таким образом, был бы обозначен как «трижды Давид» (всцело из дома Давидова и Мессия)». (13)

Иными словами, с точки зрения ортодоксального иудея, Иисус через Соло-

мона и его потомков (ст. 6) имел полное право на трон царя Давида. Суть того, о чем говорит здесь св. Ап. Матфей, можно свести к короткой фразе: «Иисус – Тот, Кого все мы ждали».

В Святоотеческом толковании по поводу трехчастного деления родословной Иисуса Христа читаем: «Так можно разделить всю историю народа Божия до Христа: от Авраама до Давида евреи управлялись старейшими в роде и судиями; от Давида до плена Вавилонского царями; от плена Вавилонского до Христа – первосвященниками. Явился Христос – истинный Судия, Царь и Первосвященник, и прекратилось у евреев правление. Достойно замечания, что евангелист причисляет к родам и Самого Христа, везде совокупляя Его с нами (без имени Христова выходит в части родословия только 13 родов)». (14)

Эту мысль находим и в Словаре библейского богословия:

«Иисус Христос приходит в конце Священной истории «в полноту времени» (Гал. 4, 4). Согласно исчислению апокалиптической книги Эноха, Он кладет начало седьмой неделе, со времени призыва Авраама, седмице Мессии (Мф. 1, 1–17); возможно, что это и хотел показать Ап. Матфей, повествуя о 3 x 14 поколениях, составляющих родословную Господа Иисуса Христа. Иисус приходит как окончательный наследник, Которого поколения ждали уже веками». (15)

Стоит добавить, что блаженный Августин, синтезировавший в своем неопифагорействе идеи, связанные с числом и гармонией и восходящие к Плотину («Тимей» и др.), (16) использовал периодизацию св. Матфея в своей работе «О граде Божиим».

«История земного человечества, – пишет Г. Г. Майоров, – заключается, согласно Августину, между двумя катастрофическими событиями: грехопадени-

ем Адама и Евы и Страшным Судом. Все, что должно произойти за это время, служит реализации изначального Божественного плана: наказанию людей за первородный грех; испытанию их способности сопротивления размножившемуся вместе с греховным человечеством злу и испытанию их воли к добру; искуплению первородного греха; призыванию лучшей части человечества к построению священного сообщества праведников; отделению праведников от грешников («пшеницы от от плевел») и окончательному воздаянию каждому по его заслугам. В соответствии с задачами этого плана история делится на шесть периодов (эонов), символизируемых шестью днями творения: первый – от Адама до потопа; второй – от потопа до Авраама; третий – от Авраама до Давида; четвертый – от Давида до Вавилонского пленения; пятый – от Вавилонского пленения до рождения Христа; шестой – от Христа до Страшного суда (*De civitate Dei*, XXII,30»). (17)

Мф. 1, 18: «Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочтались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго».

У Луки этим событиям предшествует Благовещение, во время которого Архангел Гавриил сообщает Деве Марии, что Ей предстоит родить от Духа Святого Сына, облеченного достоинством Мессии: «И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя Иисус; Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего; и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не будет конца» (Лк. 1, 31–33).

Сцена Благовещения у Матфея отсутствует, но подразумевается общей логикой повествования. Комментируя ее, С. С. Аверинцев пишет: «Уяснив, что речь идет об исполнении воли Бога,

Мария отвечает смиренным согласием: «да будет Мне по слову твоему». В евангельском тексте не сказано прямо, но предполагается, что миг, когда Мария произносит Свое согласие, и есть миг девственного (непорочного) зачатия: как при сотворении мира слово Бога «да будет» приводило создание к бытию, так Ее слово «да будет» низводит Бога в мир. В церковной традиции акт послушания, осуществленный Марией как бы за все падшее и спасаемое человечество, противопоставляется акту непослушания, составившего суть грехопадения Адама и Евы. Дева Мария как «новая Ева» искупает грех «первой Евы», начиная возвратный путь к утраченной жизни в единении с Богом; поэтому Благовещение есть, как выражено в византийском гимне на соответствующий праздник, «суммирующее предвосхищение» (греч. Кефалаіον) спасения людей». (18)

Святоотеческое понимание Благовещения как начала нашего спасения предлагает и о. Георгий Флоровский: «Благовещение есть спасения нашего главизна, и еже от века таинства явление: Сын Божий Сын Девы бывает, и Гавриил благодать благовествует» (тропарь Благовещения). Архангел объявил и провозгласил Божественную волю. Но Дева не молчит в ответ. Она отвечает на призыв Бога, отвечает с верой и смирением: «Се, раба Господня; да будет Мне по слову Твоему». Она приняла решение Бога и откликнулась на Его зов. Этот ответ человека Богу чрезвычайно важен. Послушание Марии уравнивает непослушание Евы. В этом смысле Мария называется Второй Евой, как Сын Ее – Вторым Адамом. Эта параллель прослеживается с самых ранних времен. Впервые у св. Иустина (*Dial cum Truph* 100). У свмч. Иринаея мы находим уже разработанную концепцию, органически связанную с его основной идеей «воз-

главления». Как Ева по слову ангела пала и бежала от Бога, преступив Его заповедь, так Мария, из речи ангела приняв благое обетование, что родится от Нее Бог, была послушна этому слову. И, хотя одна ослушалась Бога, другая Ему повиновалась: так Дева Мария стала заступницей за деву Еву. И, как через деву род человеческий подвергся смерти, так через Деву он спасается, потому что непослушание одной девы уравновешено послушанием другой» (*Adv. haeres V, 19,1*). Или в другом месте: «Итак, узел непослушания Евы развязан послушанием Марии; ибо что дева Ева связала неверием, то Дева Мария развязала верою» (III, 22–4).

Это сопоставление традиционно и для Востока, и для Запада – особенно в огласительных беседах. «Вот великое таинство (*magnum sacramentum*): как через женщину смерть стала нашим уделом, так и жизнь рождена для нас женщиной», – говорит блаженный Августин – в другом месте он просто цитирует свмч. Иринея: «Смерть через Еву, жизнь через Марию», – афористически провозглашает блаженный Иероним (*Epist. 22: mors per Evam vita per Mariam: PL22. 408*). Прочитируем также восхитительный отрывок на проповеди митрополита Филарета Московского (1782–1867): «Во дни творения мира, когда Бог изрекал Свое живое и мощное: «да будет», – слово Творца производило в мир твари; но в сей беспримерной в бытии мира день, когда Божественная Мариам изрекла свое кроткое и послушное «буди», – едва дерзаю выговорить, что тогда соделалось, – слово твари низводит в мир Творца. И здесь Бог изрекает Свое слово: Зачнеши во чреве и родиши Сына... Сей будет велий... Воцарится в дому Иаковли вовеки. Но – что опять дивно и непостижимо – самое слово Божие медлит действовать, удерживаясь словом Марии: Какое будет сие? Потребно

было Ее смиренное: буди, чтобы воздействовало Божие величественное: да будет. Что же за сокровенная сила заключается в сих простых словах: Се раба Господня: буди Мне по глаголу Твоему, и производит столь необычное действие? – Сия чудная сила есть чистейшая и совершенная преданность Марии Богу, волею, мыслию, душою, всем существом, всякой способностью, всяким действием, всякой надеждой и ожиданием» (Слово в день праздника Благовещения Пресвятой Богородицы. 1822 г.). (19)

Согласно Луке, Мария, ожидавшая Младенца, направляется в дом Захарии и Елизаветы, своей родственницы. Елизавета, которая в это время уже шестой месяц ожидает рождения Иоанна Крестителя, приветствует Ее словами: «Благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего! И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне?» (Лк. 1, 42–43). Погостив у Елизаветы около трех месяцев, Мария возвращается в дом Иосифа (Лк. 1, 56).

К сожалению, сведения о Марии в канонических текстах крайне скудны. «От князя века сего сокровенно было девство Марии, Ее рождение, также и смерть Господня – три главные таинства, которые совершались в тишине Божией», – сказал когда-то св. Игнатий Богоносец.

О ее происхождении и детстве мы узнаем из церковного предания, зафиксированного в «Протоевангелии Иакова». «Согласно этой традиции, – пишет С. С. Аверинцев, – Мария происходит из мессианского «колена Иуды», смешавшегося, как иногда добавлялось, со священническим коленом Левия, из царского рода Давида; Ее родители – праведники Иоаким и Анна, дожившие до пожилого возраста бездетными. Неожиданное рождение Марии как бы повторяет чудо рождения Ее предка Исаака от престарелых Авраама и Сары. Предание говорит о воспитании Марии

в обстановке особой ритуальной чистоты, о первых шагах младенца по седьмому месяцу (тема византийской иконографии), наконец, о «введении во храм»; с трех лет Мария воспитывается при иерусалимском храме, служа его святыням и получая пищу из руки ангелов. К 12 годам Она дает обет вечного девства. Однако совершеннолетняя девственница не может оставаться при храме, и для Нее ищут супруга, который охранял бы Ее, не прикасаясь к Ней и уважая Ее обет; по чудесному знамению (голубица, вылетающая из посоха: ср. расцветший жезл Аарона, Чис. 17, 8), из нескольких претендентов выбран престарелый Иосиф Обручник. В его доме Мария работает над пурпурной пряжей для храмовой завесы (символ предстоящего «прядения» тела Господа Иисуса

Христа из «пурпура» материнской крови в утробе Марии). Работа над пряжей еще продолжается, когда происходит Благовещение». (20)

«Позволительно спросить, – читаем мы в Святоотеческом толковании, – Мария дала обет Богу, обет всегдашнего девства; для чего же Богу угодно было, чтобы Она была обручена мужу? – Здесь скрывается тайна особого Божия промысла о Деве – Богоматери. Бог не хотел, чтобы при самом рождении Иисуса иудеям стало известно, что Он родился от Девы. Св. отцы: Афанасий Великий, Василий Великий и Иоанн Дамаскин говорят, что Богу угодно было сокрыть тайну воплощения Сына Своего от диавола, чтобы он не узнал, что Пресвятая Мария есть та самая Дева, о которой предсказал Исаия пророк (7, 14).

Л. Н. Заливалова

К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПОКРОВСКОГО В РУССКОЙ ВИЗАНТОЛОГИИ

Николай Васильевич Покровский (1848–1917) – церковный историк, выдающийся специалист по церковной археологии и археографии, принадлежит к плеяде ученых и церковно-общественных деятелей, заложивших в России фундамент церковно-исторической науки. В центре его научных интересов были вещественные и письменные памятники средневековой русской, византийской и европейской христианской культуры, особенно искусства, литургика и история литургики в России. Богатое творческое наследие Н. В. Покровского включает многочисленные статьи, монографические публикации по широкому кругу вопросов христианской иконографии и архитектуры, аннотированные

публикации русских историко-художественных памятников, а также учебные пособия по церковной археологии.

Крупным вкладом в мировую и отечественную историографию явилась монография «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских» (1892), в которой ученый обобщил многолетние исследования памятников художественной культуры. В свое время она получила высокую оценку русских и зарубежных ученых¹. Эта работа при жизни автора несколько раз переиздавалась и не утратила научной ценности в настоящее время. По мнению Г. И. Вздорнова, крупнейшего специалиста по историографии истории русского средневекового искусства, труд Н. В. Покровского – «одно из

самых замечательных исследований конца XIX века... Памятники евангельской иконографии изучались и до Покровского и после него, но ни одна другая работа на эту тему не достигает фундаментальности труда русского ученого». Монография «была и остается главным пособием для каждого, кто обращается к изучению иконографии Евангелия»².

Во второй половине XIX века Николай Васильевич Покровский не был одинок в изучении христианского средневекового искусства. Плодотворно работали церковные историки И. Д. Мансветов (1843–1885) и А. П. Голубцов (1860–1911) в Московской духовной академии, А. А. Дмитриевский (1856 – 1929) в Киевской духовной академии, а также университетские профессора Н. П. Кондаков (1844–1925) и его ученики Д. В. Айналов (1862–1939), Е. К. Редин (1863–1908) и ряд других ученых. Все исследователи занимались иконографическим исследованием художественных памятников.

Новаторство Н.В. Покровского применительно к отечественной историографии заключалось в том, что он систематизировал не только доступные тогда раннехристианские и монументальные византийские источники, но как никто другой представил в одном с ними ряду широкий круг русских памятников церковного искусства, малоизвестных и неизвестных до того европейским ученым. Таким образом, средневековое русское христианское искусство, в котором были сохранены или прослеживались многие специфические черты как византийской, так и восточнохристианской иконографии в целом «приобретало неопределимое значение для мировой науки»³. Много внимания Покровский уделял археологии. В поисках письменных памятников, имеющих отношение к церковной археологии, иконописанию, истории литургии в России, он иссле-

довал частные коллекции и церковные архивы в разных городах страны. В 1895–1897 годах он ввел в широкий научный оборот Сийский иконописный подлинник – ценнейший источник для изучения общей истории византийско-русской иконографии⁴. Не будучи в России пионером в изучении евангельской иконографии, средневековой архитектуры, а также иконописи и монументальной церковной живописи как таковых, Покровский на многие десятилетия вперед определил принципы подхода и изучения этой части мирового и отечественного художественного наследия с позиций церковно-исторической школы.

Во второй половине XIX – начале XX века Н. В. Покровский был известен как авторитетный ученый и глубокий знаток истории средневекового христианского искусства. Он организовывал проведение археологических съездов в России и активно участвовал в их работе. Видный церковно-общественный деятель и педагог, он добился того, что церковная археология в духовных академиях выделилась в отдельную кафедру, а преподавание этой дисциплины вошло в обязательную программу духовных семинарий. В историографических обзорах досоветской эпохи большие научные заслуги Покровского не подлежат сомнению, и его имя неизменно стоит в одном ряду с крупнейшими церковными историками. Советская историография намеренно разделяла русскую дооктябрьскую византологию на «светскую» и «церковную» с историографическим освещением только истории университетской византистики, тем самым фактически исключая из научного багажа русской науки наработки церковно-исторической школы. В специальных трудах советских ученых по истории византийского искусства изредка можно было найти поверхностные и неоправданно негативные суждения о научном наследии Покровского.

Впервые объективная оценка его вклада в изучение средневекового русского искусства была дана Г. И. Вздорновым в монографии по историографии изучения русского средневекового искусства, фрагмент из которой мы выше цитировали.

Коренные перемены, происшедшие в отечественной исторической науке в конце XX – начале XXI века, отражает и историография византологии. В некоторых изданиях и отдельных публикациях находят отражение особенности научной разработки проблем истории Византии, которыми занимались ученые духовных академий⁵, представляющие церковно-историческую школу. Актуальность пристального историографического изучения научного наследия такого оригинального исследователя, как Николай Васильевич Покровский, его истинной роли в развитии отечественной исторической науки в настоящее время не вызывает сомнений. Творческие усилия его были нацелены на изучение соответствия системы средств художественной выразительности глубинному смыслу православного вероучения. В наши дни это особенно важно с точки зрения церковно-практической. В современной России, в отличие от советского периода, изменилось положение Церкви в целом и ее роль в государстве, восстанавливаются разоренные и строятся новые церкви и монастыри. Строители, мастера, художники и все те, кто имеет отношение церковному строительству и обустройству помещений, безусловно, обязаны следовать канону и хранить верность Преданию, что в свою очередь требует не просто поверхностных, отрывочных представлений о традициях восточнохристианской и русской церковной архитектуры и искусства, а их знания, серьезного вдумчивого осмысления. И, в связи с этим последним, недавнее переиздание сборника работ Н. В. Покровского «Очерки

памятников христианского искусства» (СПб., 2000) можно рассматривать как полезное пособие для понимания глубинных истоков православной культуры. Цель нашей работы в том, чтобы, опираясь на материал опубликованных работ Николая Васильевича Покровского, выявить элементы его исторической концепции и исследовательских интересов в области византологии.

Период научной деятельности Н. В. Покровского – вторая половина XIX – начало XX века – с точки зрения истории русской исторической науки, время ее становления и расцвета. В этот период в университетах, которые стали центрами концентрации лучших научных сил страны, сложились национальные исторические школы медиевистики, славистики и византологии. В то же самое время в стенах духовных академий набирала силы церковно-историческая наука. Н. В. Покровский, выпускник Петербургской духовной академии, был современником и соратником по академической среде и профессорско-преподавательской деятельности основоположников петербургской церковно-исторической школы В. В. Болотова (1853–1900) и И. Е. Троицкого (1832–1902). Известно, что стимулом для развития научных исследований в университетах явился новый университетский устав 1863 года, равно как импульс для развития исторических дисциплин в духовных академиях был дан введением устава 1869 года. В области византологии интересы светской и церковной науки переплетаются и часто пересекаются, с одной стороны, и в то же время естественно расходятся – с другой. Русские историки из университетских кругов и русские богословы вплотную занялись изучением истории Византийской империи и исторической жизни византийской Церкви только в пореформенный период

отечественной истории, то есть позднее, чем ученые других крупных европейских стран. Велик был соблазн использовать готовые наработки западной науки. Но, к чести ученого сообщества, русские исследователи искали и находили свой путь, не повторяя или догоняя западную науку, а занимаясь проблематикой, мало изученной в европейской византологии и одновременно представляющей особый интерес для национальной науки. В университетах византологи добились блестящих успехов, разрабатывая проблемы экономики, внутренней истории и внешней политики империи, стран славянского ареала, а в духовных академиях – специфику истории византийской церкви.

По уставу духовных академий 1869 года были предусмотрены три отделения (факультета): богословское, церковно-историческое и церковно-практическое. Н. В. Покровскому предложили занять кафедру церковной археологии и литургики на церковно-практическом отделении, В. В. Болотов и И. Е. Троицкий преподавали на церковно-историческом⁶. Церковно-историческая наука развивалась в Петербургской духовной академии на основе использования учеными исторического метода исследования. История Церкви воспринималась как органическая совокупность, включающая неизменность основ и, одновременно, признание исторической жизни Церкви, в которой имеет место творчество, рост и развитие, ибо она целостный «живой» организм в материальном земном мире. Церковное искусство, как и канонический строй, богословское самосознание, богослужебный чин и устав и многое другое, есть величина исторически изменяющаяся. Для изучения христианской культуры требовалось не только собирать предметы старины, как это было недавно, но и проводить их историко-иконографи-

ческое исследование, сопоставление памятников друг с другом и с письменными источниками. Систематизация большого количества материала позволяла выделить типологические особенности памятников культуры.

В создании благоприятных условий для развития церковно-исторической науки в среде петербургских церковных историков большую роль сыграл И. Л. Янышев (1826–1910), занимавший пост ректора академии в 1866–1883 годах, кстати сказать, один из активных участников разработки нового устава 1869 года. По решению академического совета и разрешению ректора Н. В. Покровский получил зарубежную командировку, которую сполна использовал для изучения положения дел в церковной археологии западноевропейских стран и исследования художественных памятников. Зарубежный опыт расширил научный кругозор Покровского и позволил ему более четко вычленить неизученные области византологии.

Покровский был убежден, что изобразительное христианское искусство, его зримые образы воздействовали не столько на разум, сколько на чувство христианина и только в искусстве нравственные и эстетические основы восточного христианства находили свое полное выражение. «Христианство налагает свой отпечаток на жизнь народа и, следовательно, изучение христианских памятников помогает в значительной мере уяснению народных идеалов»⁷. Значит, изучение художественных памятников необходимо для полного понимания исторической эпохи, в рамках которой они созданы, для воссоздания во всей возможной полноте исторической жизни Церкви и, наконец, с церковно-практической точки зрения – как образцов для подражания⁸. Таким образом, в конкретно-историческом плане Покровский, по существу, ставил проблему народной религиозности, ее природы,

формирования в системе средневековой культуры. Сама эта религиозность становилась новым пространством для научных исследований.

Труды Н. В. Покровского показывают, что необходимым качеством исследователя он считал научную объективность: не факты «управляют» историком, а ученый ищет и сопоставляет факты, чтобы открыть связи между ними и сделать вывод. Тема, избранная Покровским, была практически не разработана ни в русской, ни в зарубежной науке – отражение догматики в средневековом христианском искусстве, а в узком плане – история евангельской иконографии и церковной архитектуры с позиций православного ученого. История возникновения и бытия византийского иконографического канона воссоздана Покровским в его трудах. Характерно, что при освещении отдельного частного вопроса, хотя бы, например, иконографии святого, он стремится не упустить из виду ни один известный ему источник или конкретный факт, необходимый для подкрепления высказанного положения. Покровский впервые показал, что иконография Евангелия не должна и не может быть рассматриваема только как безжизненная догматическая схема, как о ней писали многие западные ученые, как некий стандарт изображения, в котором все содержание до мельчайших подробностей однажды установлено в эпоху Древней Церкви. Устойчивые типы изображения выявлялись и постепенно закреплялись в процессе исторического развития Церкви в течение III–VI веков.

Византийское искусство в целом Н. В. Покровский понимал «как продукт исторической жизни Византии»⁹. Вместе с тем мы не найдем в его трудах освещения событийной стороны жизни империи. Представления историка о хронологическом делении византийс-

кой истории можно воссоздать по его периодизации истории византийского искусства. Началом исторического существования Византии Покровский считал, в соответствии с общей традицией византологии, правление Константина Великого. В то время «открылась возможность, не опасаясь преследований, явить всему миру христианское исповедание веры во всей его полноте»¹⁰. Для истории христианского искусства особое значение имел перенос столицы из Рима в Константинополь, где зародилось и окрепло «величайшее по своему историческому значению для христианского мира византийское искусство»¹¹. Покровский не упустил из виду и социологический фактор: заказы императорского двора и духовенства стимулировали развитие церковного искусства. Византийское изобразительное искусство и церковная архитектура «абсолютно новые по своему характеру», ибо основываются на христианском вероучении.

Подробно анализируя художественные памятники, Покровский определяет первый период истории империи: IV – начало VIII века и в рамках его вычленяет несколько этапов. IV–V века – начало перехода к византийской культуре, когда в большей или меньшей степени имеет место влияние античности. В VI веке «нормы, отличающие византийское искусство от древнехристианского и всякого другого, устанавливаются полнее и определеннее»¹². Щедрое покровительство и энергия императора Юстиниана «содействовали образованию той художественной византийской школы, которая довела византийское искусство до высшей степени совершенства»¹³. При императорах Македонской династии (867–1081) Византийская империя находилась в состоянии расцвета, и ее могущество нашло своеобразное отражение в памятниках материальной культуры.

Согласно представлениям Покровского, византийская история развивается циклично: после подъема следует упадок. Эпоха иконоборчества (717–867), позже – крестовых походов и раздела империи (XI – середина XIII века) и, наконец, захват государства османами в XV веке – кризисные периоды в жизни империи и, соответственно, неблагоприятные условия для развития культуры и искусства, хотя художественная жизнь в каких-то формах все же имеет место быть. Начало эпохи настоящей гибели византийской культуры историк относил ко второй половине XIII века, так что, например, «живопись византийская в XIV–XV веках уже отжила свой век»¹⁴.

Как видим, общая хронологическая канва истории Византийской империи у Покровского не отличалась от общепринятой в русской византологии XIX–XX веков. Намеченная им формальная схема общей истории византийской живописи подобна представленной в искусствоведческих студиях профессора Н. П. Кондакова. Встречается такая периодизация и у современных исследователей¹⁵. Покровский правильно отмечал, что процесс развития церковной художественной культуры нельзя рассматривать как прямолинейный, и в качестве исходных исторических критериев, влияющих на подъем и упадок, называл сочетание внешних и внутренних факторов. Однако полной расшифровки содержания этих факторов в его трудах не дано. Историк обращал внимание лишь на большое значение покровительства императоров культурному строительству в периоды подъема империи и на разрушение памятников ввиду внешних вторжений – походов крестоносцев и турецкого завоевания в кризисные для империи времена.

Актуальной проблемой византологии последние два столетия был и остается

вопрос об истоках византийской христианской культуры. Покровский выделил такие ее источники: античное наследие; восточное влияние, роль которого он не преувеличивал, в отличие от многих своих современников; древнехристианское искусство и творческий гений мастеров искусства. Византийское искусство отличается не механическое объединение этих составляющих, а творческая их переработка, синтез¹⁶. Историческая роль византийского искусства, полагал Покровский, в создании иконографических типов и композиций на темы Ветхого и Нового Заветов, истории Церкви, нравоучительных и догматических композиций, ставших образцами для воспроизведения в славянском ареале византийской церкви, а также в выработке мастерами блестящих технических приемов выполнения памятников изобразительного и прикладного искусства. В историческом аспекте Н. В. Покровский затрагивал вопрос о свободе художника-творца. Церковное искусство Византии было иератическим, то есть изображение должно по возможности точно воспроизводить религиозную идею, «именно ту идею, которая издавна была привита религиозному общественному сознанию»¹⁷. Но поскольку в IV–VI веках внутри Церкви еще не все вопросы внутренней жизни были окончательно решены, то и иконографический канон не мог быть установлен сразу. Поэтому мастера имели определенную свободу творческого отображения евангельских сюжетов.

Покровский оценивал отрицательно проникновение в византийское искусство западноевропейского влияния. В частности, его позиция достаточно ясно выражена в вопросе о европейском влиянии на иконопись. На католическом Западе икона должна главным образом влиять на эстетическое чувство христианина, увлекать его изяществом своих

форм, вводить в дух религии¹⁸. «Икона восточной Церкви есть прежде всего идея в образе; иконописец – богослов, а затем он уже и художник», поэтому полной свободы творческого подхода быть не должно¹⁹. Художник должен оставаться консервативным в изображении типов и сюжетов, сохраняя верность Преданию и канону, но он может «оживить» иконографическую композицию внося «элемент красоты» или экспериментировать с красками²⁰. Исследования Покровского высвечивают тот особый художественный стиль, который выработали мастера Византии.

Интерес Покровского к Византии был не абстрактно-академическим, а жизненно необходимым. Без серьезного осмысления византийского культурного наследия многое остается непонятным в русской культуре. Именно исследованию русского средневекового искусства следует уделить особое внимание, считал ученый. Влияние византийского Православия на формирование русского средневекового искусства Покровский оценивал как очень глубокое и значительное. Он обращал внимание на то обстоятельство, что распространение христианства в славянские страны происходило в период расцвета византийского церковного искусства. Именно в христианско-культурном оплодотворении духовного опыта рождающегося русского этноса видел историк главную сущность влияния Православия на национальное сознание древнерусского общества. Русская богословско-философская литература усваивала духовный опыт византийской патристики, а русское христианское искусство – византийские образцы в архитектуре, монументальной живописи, иконописи и прикладном искусстве. Современные исследователи полагают, что не следует преувеличивать значение византийских образцов. Принимая христианство, рус-

ский народ все же творчески претворял его воплощение в церковном искусстве, так что в XI–XII веках на Руси вырабатывается свой художественный язык. Тем не менее убежденность исследователя в том, что русское искусство сохранило образцы византийские, давало основания считать Россию связующим звеном между Востоком и Западом и побуждало исследователей обратиться к изучению русского искусства.

Примечания

¹ «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских» (Труды VIII Археологического съезда в Москве. – Т. 1. – М., 1900) – первая публикация исследования, представленного Н. В. Покровским на соискание ученой степени доктора богословия. В 1892 году на средства, выделенные московским Археологическим обществом, этот труд был издан отдельной книгой.

² Перечень рецензий на монографию см.: XXXV. Профессор Николай Васильевич Покровский, директор Императорского Археологического института, 1874–1909. Краткий очерк ученой деятельности. – СПб., 1909. – С. 29; *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи, XIX век. – М.: Искусство, 1986. – С. 257.

³ *Вздорнов Г. И.* Указ. соч. – С. 261.

⁴ *Покровский Н. В.* Сийский иконописный подлинник. – 1. – СПб., 1894; 2. – СПб., 1895; 3. – СПб., 1896; 4. – СПб., 1897.

⁵ *Заливалова Л. Н., Лебедева Г. Е.* Из истории русской церковно-исторической науки: Ф. А. Курганов (1844–1920) // Историческая мысль в Византии и на средневековом Западе. – Иваново, 1998. – С. 181–204; История древней церкви в научных традициях XX века. – СПб., 2000; VERBUM. Вып. 3: Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли в России. – СПб., 2000; *Лебедева Г. Е.* Ф. А. Курганов и И. И. Соколов: учитель и ученик // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени: межвуз. сб. – Вып. 3. – СПб., 2001. – С. 53–71; *Заливалова Л. Н.* К вопросу об историческом наследии Ивана Егоровича Тро-

ицкого // Мир православия: сб. науч. ст. – Вып. 4. – Волгоград, 2002. – С. 192–215.

⁶ Устав и штат духовных академий, высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. – СПб., 1869.

⁷ Покровский Н. В. Очерки памятников христианского искусства. – СПб., 2000. – С. 13.

⁸ Там же. – С. 14.

⁹ Там же. – С. 69.

¹⁰ Там же. – С. 52.

¹¹ Там же. – С. 67.

¹² Там же. – С. 75.

¹³ Там же. – С. 68.

¹⁴ Там же. – С. 69, 101, 102.

¹⁵ Напр.: *Kitzinger E.* Byzantine Art in the Making. Main lines of stylistic development in Mediterranean Art. 3d – 7th century. – London, 1977; *Талбот Райс Д.* Искусство Византии. – М., 2002.

¹⁶ Покровский Н. В. Очерки памятников христианского искусства. – С. 69, 70.

¹⁷ Там же. – С. 102, 123.

¹⁸ Там же. – С. 119.

¹⁹ Там же. – С. 120.

²⁰ Там же. – С. 102, 103.

Архимандрит ГЕННАДИЙ (Гоголев)

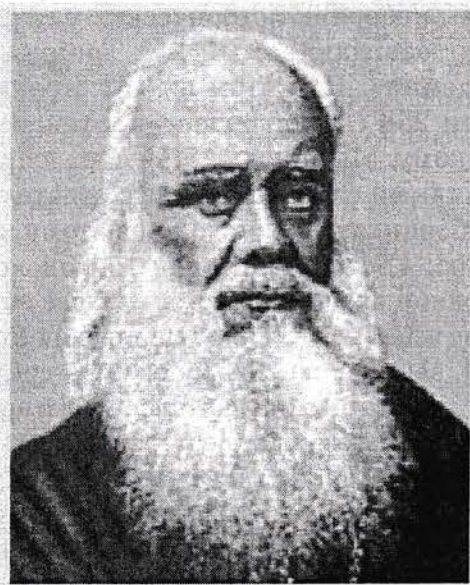
КОСТРОМА И КОСТРОМИЧИ В ЖИЗНИ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ГОРСКОГО

Имя выдающегося отечественного историка, многолетнего ректора главного богословского учебного заведения России, Московской духовной академии, протоиерея Александра Васильевича Горского (1812–1875) недостаточно хорошо известно широкому читателю. Это связано прежде всего с тем, что отец Александр не оставил после себя монументальных, обобщающих трудов. В XIX столетии прерогативой на издание систематических работ в области истории Русской Православной Церкви обладали иерархи: вышли в свет труд архиепископа Филарета (Гумилевского) и многотомное творение митрополита Макария (Булгакова). Однако можно с уверенностью сказать, что именно Горский заложил фундамент будущего здания церковно-исторической науки в России.

Трудно переоценить научно-педагогические труды Горского за более чем 30-летнее пребывание в Московской духовной академии. Отец Александр воспитал целое поколение церковных историков, подвизавшихся в разных

уголках Российской империи. Они принесли методы преподавания и научного исследования, привитые им Горским, в другие учебные заведения.

Будучи бескорыстным тружеником исторической науки, человеком энциклопедических знаний, щедро делившим-

*Протоиерей Александр Васильевич Горский
(1812–1875)*

ся ими со всеми, кто обращался к нему за консультацией, отец Александр оказал прямое влияние на многих известных и авторитетных историков, таких как упоминавшийся нами архиепископ Филарет (Гумилевский), академик Е. Е. Голубинский, профессор Н. Ф. Каптерев. Его рекомендациями и советами пользовались выдающиеся отечественные светские ученые: М. Н. Погодин, О. М. Бодянский, И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов и многие другие. Особо часто за справками к Горскому обращался святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский, который ценил отца Александра как ученого, преподавателя и администратора. Современники называли Горского «исполином знания», «великаном русской науки», «красой и славой Академии» и даже «украшением святой Церкви».

Сколь велики были научная слава, административный талант и обаяние личности протоиерея Александра Васильевича Горского, можно судить по одному удивительному факту. В 1914 году по случаю празднования 100-летия Московской духовной академии вышел юбилейный сборник исторических материалов, озаглавленный «У Троицы в Академии». При этом из 772 страниц книги 258 (!) посвящено протоиерею Горскому. Мы должны признать справедливыми слова, сказанные издателем сборника в предисловии к этому изданию: «Бесспорно, для Московской духовной академии громадное значение имеет Александр Васильевич Горский, занимающий первое место среди всех академических деятелей за все время столетнего существования академии. Без преувеличения можно сказать, что все лучшее и светлое в академии идет от Горского, и академия не утратит окончательно своей богословско-научной силы, пока в ней совершенно не иссякнет дух Горского»¹.

Протоиерей Александр Васильевич Горский родился 16 августа 1812 года в Костроме. Его родители происходили из духовного сословия и были коренными костромичами. Отец, Василий Сергеевич, был сыном псаломщика Успенского собора. Этот великолепный собор, к сожалению разрушенный в советское время, являлся, без сомнения, самым известным храмом Костромы. Долгие годы в его стенах хранилась чудотворная святыня – Феодоровская икона Пресвятой Богородицы. В 1835 году, вскоре после посещения Костромы Государем Императором Николаем I, Успенский храм станет Кафедральным собором.

Василий окончил Костромское духовное училище, откуда перешел в семинарию. В 1803 году, по окончании философского класса, Василий Сергеевич, «подававший о себе хорошую надежду как по дарованиям, так и по успехам», по благословению правящего архиерея Преосвященного Евгения (Романова) (ум. 1811) был направлен в Троицкую Лаврскую семинарию «для усовершенствования в познании высших наук и образования к учительским должностям»². Через четыре года, в 1807 году, окончив полный курс Троицкой семинарии, он вернулся на родину и стал преподавателем российской словесности и красноречия в Костромской духовной семинарии.

В 1810 году Василий Сергеевич женился на дочери протоиерея костромской Иоанно-Златоустовской церкви Ольге Кузьминичне. В течение двух лет после заключения брака В.С. Горский с супругой жили у своего тестя, а затем, молодая семья переехала в церковный дом, в котором проживали все клирики Успенского собора. Одновременно с этим переездом Василий Сергеевич получил новое назначение смотрителя духовного училища. Училище располагалось в соседнем с церковным домом здании³.

Александр был первым ребенком в семье. Позже Ольга Кузьминична родила дочь Юлию и еще одного сына – Владимира. Последний вошел в историю как сотрудник Русской миссии в Китае. Он умер от чахотки в Китае в 1847 году⁴.

В 1815 году В. С. Горский был рукоположен во иерея при Успенском соборе⁵. Приняв священный сан, отец Василий, по всей видимости, оставил преподавательские должности. Ему пришлось исполнять ответственные церковные послушания – с 1822 года он благочинный приходов г. Костромы. В 1847–1848 годы исполнял обязанности ключаря Кафедрального собора, а 5 июля 1848 года стал протоиереем Успенского Кафедрального собора, что соответствует должности современного настоятеля⁶.

Безусловно, протоиерей Василий Горский был одним из самых авторитетных священнослужителей г. Костромы. Из писем к сыну Александру в Сергиев Посад видно, что отец Василий давал частные уроки детям дворянских семейств Костромы и даже детям самого губернатора, что красноречиво свидетельствует о его выдающихся педагогических дарованиях⁷. Все письма написаны прекрасным слогом, который говорит о большой начитанности автора. Теплом и любовью веет от этих писем. Не напрасно говорили, что будущий ученый унаследовал от отца не только любовь к книжности, но и необыкновенную доброту, которая станет отличительной чертой его характера.

Мать Александра, Ольга Кузьминична, судя по дошедшим до нас воспоминаниям современников, была женщиной с твердым характером, занимавшей главенствующее положение в семье. В доме Горских сохранялся традиционный уклад жизни, «проникнутый безусловным повиновением церковному уставу»⁸.

Восьмилетним мальчиком Александр Горский поступил в духовное училище,

затем – в семинарию. О том, как проходило его образование в училище и семинарии, сведений очень мало. Известно, что Александр отличался примерным поведением и исключительными успехами в учебе. В нем рано обнаружили филологические дарования, к тому же, по сообщению самого А. В. Горского, его отец часто помогал ему в подготовке домашних заданий⁹. Еще до окончания семинарии проявившаяся талантливость молодого Александра Горского стала причиной неожиданной перемены в его жизни.

1828 год был в МДА «курсовым», то есть в этот год Академия осуществляла набор новых студентов. В апреле Академическое правление на своем заседании постановило: «...для составления будущего учебного курса вытребовать пятьдесят воспитанников из семинарий Московского и Казанского округов»¹⁰. Причем в этом постановлении специально оговаривалась возможность приема на обучение воспитанников семинарий не только из высших (богословских) классов, но и из среднего (философского) отделения, «...буде в высшем не найдутся ученики к тому способные»¹¹. Из Костромской семинарии было решено принять на обучение трех человек. 7 июня того же года Комиссия духовных училищ утвердила это решение Академического правления. Правление разослало соответствующие распоряжения по семинариям. В Рязанской, Тульской, Ярославской и Костромской семинариях дело выбора наиболее способных учеников было поручено «назначаемым туда ревизорам»¹². Ревизором Костромской семинарии состоял тогда бакалавр МДА по кафедре герменевтики иеромонах Афанасий (Дроздов)¹³, впоследствии архиепископ Астраханский. Он прибыл в семинарию 11 июля. В течение недели ревизор провел «...внутренние и публичные испытания воспитанников семинарии, рассмотрел их сочинения, ознако-

мился в ней с воспитательной и экономической частями и, что можно было к исправлению в них, сделать личным на месте распоряжением, то сделал»¹⁴. Воспитанник семинарии Александр Горский, состоявший тогда в философском классе, отвечал на проведенных ревизором экзаменах четыре раза (11 июля – по греческому языку, 12 июля – по философии, 13 июля – по математике и 17 июля – на публичном экзамене)¹⁵ и в составленном иеромонахом Афанасием разрядном списке занял первое место. В богословском классе не оказалось учеников, достойных перевода в академию, и потому выбор ревизора пал на Горского. Можно предположить, что отец Афанасий опасался, что талантливый ученика могут забрать в Санкт-Петербургскую академию, и потому решил назначить шестнадцатилетнего юношу, не прошедшего еще богословского класса, в состав восьмого курса МДА. Косвенным подтверждением того, что опасения ревизора не были беспочвенными, может служить письмо Ф. Вознесенского, товарища А. В. Горского по семинарии, поступившего в СПбДА. 29 ноября 1828 года он писал Александру из Петербурга: «Как же хотелось мне, чтобы вы были у нас; но вы уже там и не будете у нас; может быть все к лучшему»¹⁶. В августе того же года Семинарское правление предлагало Академическому правлению принять на обучение в МДА еще двух воспитанников, но это предложение было отклонено, и, таким образом, Горский стал единственным представителем Костромской семинарии на экзаменах в МДА¹⁷.

Допущенные к экзаменам воспитанники должны были прибыть в академию к 15 августа, а с 18 августа у них начались экзамены. В составленном после экзаменов разрядном списке студентов МДА А. В. Горский был поставлен на одиннадцатое место¹⁸.

Василий Сергеевич Горский был хорошо знаком с профессором МДА, уроженцем Костромы протоиереем Федором Александровичем Голубинским и, отправляя сына в Сергиев Посад, снабдил его рекомендательным письмом к именитому земляку. «Первый взор Ваш ясно проникнет, как рано молодое деревце с отечественного грунта пересаживается в вертоград, требующий и возмужалости и крепости. Так суждено начальством, так угодно Провидению! Не смею пререкать ни тому, – ни другому. Но я до тех пор утрашался за сына моего подлежащего ему поприща, доколе не успокоил себя мыслью, что в Вашем Высокопреподобии буду иметь искусившегося попремному путеводителя. Добротою сердца Вашего умоляю Вас принять неопытность в Ваше опытнейшее водительство. Полной Вашей воле вверяя участь сына, я не сомневаюсь в его счастье, а в моем спокойствии... Ваше слово, Ваш взор, Ваше желание, Ваша мысль – для него правило»¹⁹. Отец Федор Голубинский действительно оказал молодому Александру Горскому поддержку. В своем дневнике Горский вспоминает, что, прибыв в академию, он «всякий шаг... делал с робостью», и ободряло его только то, что он «имел здесь людей... благорасположенных и между начальниками, и между старшими студентами»²⁰. Совершенно очевидно, что здесь речь идет прежде всего о профессоре Голубинском. Именно благодаря совету отца Федора Горский познакомился и с Дмитрием Гумилевским (в монашестве – Филаретом), с которым сохранил дружеские отношения на всю жизнь. Более того, именитый профессор принимал молодого студента у себя в доме, помогал в учебных занятиях. В архиве А. В. Горского сохранился черновик его студенческого слова на день святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова с собственноручными поправками протоиерея Федора Голубинского²¹.

На протяжении многих лет Александр Горский испытывал сильное влияние и даже давление отцовской воли. 19 января 1829 года ближайший друг Александра, упоминавшийся нами Дмитрий Гумилевский, принял в стенах Троице-Сергиевой лавры монашеский постриг с именем Филарет²². Присутствовавший на постриге Горский, бывший тогда студентом второго курса, получил от увиденного настолько сильное впечатление, что в его душе также зародилась мысль о монашестве. В благородном порыве Александр написал письмо родителям, в котором испрашивал их благословения на монашеский подвиг. 28 января он получил ответное письмо из Костромы, в котором отец резко охладил юношеский пыл своего отпрыска. Из письма видно, что важное значение имело и слово матери, которая также высказалась против иноческого пострига. «Счастливым путь к небесам юному Филарету! – писал Василий Сергеевич, – Но неужели только на воскрилиях иноческих и влетают в горния области. И за нами, и пред нами и вокруг нас тысячи, не сотни опытов, доказали и будут доказывать, как скользка и как опасна стезя монастырская. Если бы не блеск митры и панагии обманывал своим сиянием пылкую и порывистую юность, то пустыни верно были бы пустыми. Прямое самоотвержение не в словах, следовательно, и не в повторении клятв и обетов и мною и тобою данных и принятых. Сделай милость, если вперед случится тебе быть зрителем церемонии пострижения какого-либо сотрудника, то смотри на это без жару, гораздо поравнодушнее, с совершенным хладнокровием, без всякой зависти. Вообще на все обворожительное и прелестное надо бы глядеть со стороны невыгодной, в противном случае, мишуру примешь за золото, или пустую тень – за тело. Торопливая, необдуманная поспешность в

моих глазах ничего более не обещает, как минутный метеор, который блеснет и исчезнет. Мать твоя все это прослушала и говорит: хорошенько его!»²³ Еще, по крайней мере, дважды Александр Горский попытается преклонить родительскую волю, но родители сохраняют твердость – благословения на монашество так и не последует.

А. В. Горский никогда не прекращал оживленную переписку со своими костромскими родственниками. В 1846–1847 годах семью Горских посетили одно за другим несколько несчастий. Летом 1846 года скончался второй муж сестры А. Горского – П. Н. Губастов, с которым сестра Юлия состояла в браке с 1841 года²⁴. В 1847 году, во время страшного пожара, испепелившего половину Костромы, сгорел и дом вдовы. В июле того же года из Китая пришла печальная весть о смерти брата Владимира. Выяснилось, что он страдал грудной болезнью, о которой ничего не писал родителям. Попытки лечения оказались неудачными. 5 марта 1847 года Владимир Горский отправил Александру из Пекина последнее письмо. Глубокая печаль и нежная забота о родителях видны в его строках. «Братец, умоляю тебя именем наших родителей, – именем братней любви, – брось холостую жизнь и женись скорее для утешения наших отца и матери, с таким грустным терпением ожидающих и не могущих дожидаться радости – видеть потомство – в прямой линии, для поддержания и существования нашего рода... Ты знаешь мое положение, могу ли я мечтать о семье и семейной жизни? Если и пощадит Господь мою жизнь, то, во всяком случае, человек, носящий в груди такую болезнь, как благородный человек, не желающий заедать чужого века, – должен совершенно отказаться от уз брака... Доколе был свеж и здоров, – я никогда ни одним словом не касался этого пред-

мета. Я думал, коли брат не хочет быть семьянином, то я буду им; значит, все равно, – долг перед родителями и родом будет уплачен. А теперь не могу не молить, и молить тебя, бесценный братец, чтобы ты поддержал, обновил и дал общую крепость нашему дому, который в случае, если, – чего не дай Бог! – и прежние просьбы отца и матери и позднейшие мольбы полуживого брата не тронут твоего сердца, – погибнет на веки, брошенный теми, кто должны были бы созидать его, а не разрушать»²⁵.

Вскоре после этого Александр Горский получил еще одно тревожное сообщение из Костромы. Заболел его отец, протоиерей Василий Сергеевич. В 1857 году болезнь стала усиливаться. В марте, в день своих именин, отец Василий даже не смог выехать в церковь. Получив от сестры тревожное известие об ухудшении состояния здоровья отца, Горский решил съездить домой. Он отправился в Кострому на Пасху, преодолевая весеннюю беспутницу. Во время летней вакации Александр поспешил домой сразу же после окончания академических экзаменов. Здоровье отца все более ухудшалось, и 28 июня 1857 года он скончался²⁶. Теперь на плечи Горского легла забота о престарелой матери, сестре-вдове и ее детях. Он выхлопотал для матери пенсию и переселил их с сестрой в Сергиев Посад, где ему легче было их поддерживать морально и материально.

А. В. Горский так и не женится. В ежедневных научных трудах и в духовном подвижничестве у него не возникнет мыслей о женитьбе. Как следствие, святитель Московский Филарет будет вынужден пойти на экстраординарный шаг – допустить рукоположение в сан пресвитера в безбрачном состоянии. Священническая хиротония состоялась 24 марта 1860 года.

Особый интерес представляет изучение влияния Горского на другого выда-

ющегося церковного историка – академика Евгения Евстигнеевича Голубинского. Е. Е. Голубинский был также нашим земляком. Он родился в селе Матвеево Кологривского уезда Костромской губернии, окончил Солигаличское духовное училище и Костромскую духовную семинарию, после чего, в 1854 году, поступил в МДА. Горский заметил этого способного земляка и всячески покровительствовал ему. Во время своих поездок в Кострому на вакации А. Горский оставлял Голубинского жить в своей академической квартире. «Это домовничанье, – вспоминает Голубинский, – имело для меня то значение, что я мог досыта рыться в книгах, которыми был полон кабинет А. В., состоявшего тогда библиотекарем. Тут я мог видеть и читать такие книги, которые бы он не дал из библиотеки не только студенту, но, пожалуй, и профессору. Например, я читал у него французский перевод Гиббона История упадка и падения Византийской империи и фр. перев. Тайной истории Юстиниана и Феодоры Прокопия Кесарийского»²⁷.

Под непосредственным руководством Горского было написано магистерское сочинение Голубинского «Образ действия императоров греко-римских против еретиков и раскольников в IV, V и VI веках». Эта тема не была плодом свободного выбора Е. Е. Голубинского. Она была прислана из Синода, и, видимо, считалась актуальной для оправдания государственно-церковной политики в отношении старообрядцев. Горский поручил написание сочинения Голубинскому, которому тема не очень нравилась²⁸.

Е. Е. Голубинский решил следовать при написании сочинения историческому принципу изложения материала, располагая его по хронологии правления императоров. Когда сочинение было практически закончено, переписано

набело и представлено Александру Васильевичу, последний высказал требование расположить материал тематически, то есть в соответствии с теми группами мер против еретиков, которые известны в Византийской империи. Выполнение этого требования было для Голубинского «поистине каторжной работой». «Я дописался до того, – вспоминает он, – что почти утратил возможность выразиться толково»²⁹. После переработки, сочинение вновь было подано Горскому, который, по обыкновению, произвел его правку своей рукой, значительно изменив или дополнив в нем некоторые места.

Сочинение Голубинского было одобрено в Синоде и рекомендовано к печати. Впервые оно увидело свет в академическом журнале в 1859 году³⁰. В 1860 году эта работа была издана отдельной книгой на средства московского купца Владимира Сапелкина³¹ без согласия Евгения Голубинского, но с разрешения ректора МДА архимандрита Сергия (Ляпидевского)³².

В 1858 году Голубинский закончил Академию и уже 11 января 1861 года вернулся в МДА, где занял кафедру русской церковной истории. Голубинский, надо полагать, не без оснований усматривал в этом назначении руку Горского. Кафедра истории Русской Церкви выделялась из возглавляемой отцом Александром кафедры общей церковной истории и потому продолжала оставаться под непосредственным попечением А. В. Горского. Вполне понятно, что он хотел видеть во главе новой кафедры хорошо знакомого ему человека, который к тому же проявил незаурядные способности в период обучения в МДА.

В первые же годы службы Голубинского в Академии обозначились его принципиальные расхождения с Горским в вопросе о границах применения критического метода в церковной истории. Основоположник научной церковно-

исторической школы в МДА Горский все же был всегда крайне осторожен в выводах и внимателен к печатному слову. Голубинский же с самого начала заявил о себе как о радикальном критике неподтвержденных источниками данных. Вот как об этом конфликте говорит сам Е. Е. Голубинский: «Как должно думать, А. В., переводя меня в Академию, рассчитывал и надеялся, что я буду работать под его руководством, обращаться к нему за советами и указаниями. Но я решительно не мог этого делать. Мы с Александром Васильевичем были два человека разных направлений: он был консерватор, девизом которого служил девиз митрополита Филарета: «Благоразумие и осторожность». Я, напротив, был либералом, который все подвергал строгой критике – принимал только то, что выдерживало критику, и отвергал то, что ее не выдерживало, без всяких рассуждений о том, благоразумно это или нет. При таком положении дела я не мог ходить к А. В. за советами и указаниями, а, напротив, всевозможным образом старался избегать собеседований с ним по ученым вопросам и таился от него, что и как о чем я думаю. Нет сомнений, что это весьма сердило и огорчало А. В., хотя он открыто и не заявлял своих чувств. Но я не мог поступать иначе»³³. Тем не менее, Е. Е. Голубинский относился к Горскому с величайшим почтением. Он даже хотел посвятить его памяти свою «Историю Русской Церкви». В 1879 году им было написано следующее посвящение к готовившемуся к печати первому тому: «Посвящается памяти Александра Васильевича Горского, покойного ректора Московской духовной академии. Настоящий том нашей истории позволяем себе посвятить памяти незабвенного человека. Быв учеником покойного Александра Васильевича в том собственном смысле, что мы учились у него в академии, мы не можем

совсем назвать себя его учеником в том несобственном смысле, чтобы были продолжателями его идей, взглядов и мнений и вообще направления. Но он был для нас учителем еще и в другом несобственном смысле: его самоотверженная преданность науке и его, без всякой риторики, а по самой истине, неусыпное трудолюбие, воодушевляли нас и вызывали нас на подражание и соревнование. 31 дек. 1879»³⁴. Это посвящение даже было набрано в типографии, но некоторые почитатели памяти Горского сочли его оскорблением памяти отца Александра, которого они вовсе не считали единомышленником Голубинского. Подчинившись их воле, Евгений Евсигнеевич не напечатал этого текста.

Заканчивая разговор о Голубинском, хотелось бы привести одно весьма характерное его высказывание. Рассуждая о своей «Истории...», он говорит: «Если бы послать Филарету³⁵ на тот свет мою Историю русской церкви, то он пришел бы в истинную ярость (а Ал. В. Горский непременно бы расплакался)»³⁶. Что значили эти слезы в понимании Голубинского? Остается только догадываться.

23 октября 1862 года протоиерей Александр Васильевич Горский был определен ректором Московской духовной академии³⁷. Эту должность он занимал вплоть до самой своей благочестивой кончины в 1875 году.

Среди новшеств, которые ввел за годы своего ректорства в Академии отец Александр, примечательным для нас является открытие Покровского академического храма. После смерти в 1867 году святителя Филарета, который был сторонником того, чтобы студенты Академии посещали монастырские богослужения в Лавре, вопрос об устройстве академического храма был поднят отцом Александром перед новым Московским митрополитом – святителем Иннокентием (Вениаминовым). Встал вопрос о ме-

сте для храма. Наиболее подходящим для этого помещением являлся один из академических залов, в котором прежде иногда совершались всенощные бдения. Однако в этом зале алтарь можно было устроить только на юг, что противоречило церковной традиции, в соответствие с которой алтари храмов направляются на восток. Чтобы разрешить возникшие недоумения, отец Ректор обратился к профессору канонического права А. Ф. - Лаврову-Платонову с просьбой подготовить специальную справку о том, что говорят церковные правила об устройстве алтаря. Лавров решительно ответил, что каноны повелевают устраивать алтарь на восток и не допускают исключений из этого правила³⁸.

И все-таки Горский решил пренебречь канонами! Он испросил у митрополита особого благословения на устройство алтаря на юг исходя из необычности сложившейся ситуации. 5 февраля 1869 года такое благословение было получено. Чем же можно объяснить такую смелость обычно осторожного ректора? Приходит на ум только одно объяснение – дело в том, что в кафедральном Успенском соборе Костромы, где, как мы помним, долгие годы служил его отец, протоиерей Василий, алтарь также был обращен не строго на восток, а к месту явления Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы. Подобный прецедент и позволил принять смелое решение.

Сегодня, когда Русская Православная Церковь переживает сложный и ответственный период своего возрождения, когда воссоздается отечественное духовное образование, развивается богословская наука, для Церкви особую важность приобретает обращение к опыту научной и педагогической деятельности нашего прославленного земляка, протоиерея Александра Васильевича Горского. Пока на Костромской земле

живы традиции православного образования и исторической науки, его имя будет окружено неизменным благоговейным почитанием.

Примечания

¹ У Троицы в Академии, 1814–1914 гг.: Юбилейный сборник исторических материалов. – М., 1914. – С. VII–VIII.

² Сообщение Правления Костромской духовной семинарии Правлению Троицкой Лаврской Семинарии о командировании студентов Дмитрия Муравьева и Василия Горского в Лаврскую семинарию от 7 сентября 1803 года // ОР РГБ, ф. 78, к. 30, ед. хр. 38.

³ Попов С. Ректор Московской духовной академии протоиерей Александр Васильевич Горский: Опыт биографического очерка. – Сергиев Посад, 1897. – С. 7.

⁴ Смирнов С. И. Александр Васильевич Горский: (Биографический очерк) // Протоиерей Александр Васильевич Горский в воспоминаниях о нем Московской духовной академии в двадцать пятую годовщину со дня его смерти. – М., 1900. – С. 19.

⁵ Воспоминания П. С. Казанского об А. В. Горском // Протоиерей Александр Васильевич Горский в воспоминаниях о нем Московской духовной академии в двадцать пятую годовщину со дня его смерти. – С. 178.

⁶ Островский П. Ф. Историческое описание Успенского Собора. – М., 1855. – С. 185–186.

⁷ Попов С. Указ. соч. – С. 7.

⁸ Смирнов С. И. Александр Васильевич Горский: (Биографический очерк). – С. 19.

⁹ Дневник А. В. Горского с примечаниями прот. С. Смирнова. – М., 1885. – С. 5.

¹⁰ Копия журнала внутреннего Академического Правления от 23 апреля 1828 года. Цит по: Попов С. Указ. соч. – С. 13.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ В Правление МДА обзоревающего Костромскую семинарию бакалавра иеромонаха Афанасия донесение с выпискою из журналов его занятий при обозрении семинарии от 25 июля 1828 года.

¹⁵ Попов С. Указ. соч. – С. 13–14.

¹⁶ Постников П., свящ. Очерки жизни и деятельности Александра Васильевича Горского // У Троицы в Академии. – С. 258.

¹⁷ Попов С. Указ. соч. – С. 14; Смирнов С. И. Александр Васильевич Горский: (Биографический очерк). – С. 22.

¹⁸ Попов С. Указ. соч. – С. 17.

¹⁹ Там же.

²⁰ Дневник А. В. Горского // Архив А. В. Горского. – С. 6.

²¹ Попов С. Указ. соч. – С. 18.

²² Корсунский И. Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский // Русский биографический словарь: Фабер – Цявловский / Издан под наблюдением председателя Императорского Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. – СПб., 1901. – С. 80.

²³ Воспоминания о покойном ректоре Московской Духовной Академии протоиерее А. В. Горском. (Речь, произнесенная профессором С. Смирновым на годичном акте МДА 1 октября 1876 года) // Православное обозрение. – 1876. – Т. 3. – С. 482.

²⁴ Попов С. Указ. соч. – С. 64.

²⁵ Попов С. Указ. соч. – С. 71–72.

²⁶ Там же. – С. 84.

²⁷ Воспоминания Е. Е. Голубинского. – Кострома, 1923. – С. 34.

²⁸ Там же. – С. 31.

²⁹ Там же. – С. 32.

³⁰ Голубинский Е. Е. Образ действия императоров греко-римских против еретиков и раскольников в IV, V и VI веках // Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе. – Ч. 18. – М., 1859. – С. 49–115.

³¹ Голубинский Е. Е. Образ действия императоров греко-римских против еретиков и раскольников в IV, V и VI веках. – Изд. 2-е, изданием Московского купца Владимира Сапелкина. – М.: Тип. Каткова и К°, 1860.

³² Воспоминания Е. Е. Голубинского. – С. 32.

³³ Там же. – С. 44.

³⁴ Там же. – С. 50.

³⁵ Имеется в виду святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский.

³⁶ Воспоминания Е. Е. Голубинского. – С. 40.

³⁷ Попов С. Указ. соч. – С. 94.

³⁸ Соколов В. А. Из академической жизни // Богословский вестник. – 1892. – Авг. – С. 283.

Протоиерей Дмитрий Сазонов

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ (ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ)

Американский психолог Вильям Джеймс, проведя ряд исследований, писал в своей книге «Разнообразие религиозного опыта», что вера – это особого рода талант, который дается очень немногим людям. Для них религия является не просто житейской привычкой, но подлинной сердечной святыней, накладывающей отпечаток на всю их жизнь и деятельность. Уже 12 лет прошло со времени трагической смерти отца, Ивана Григорьевича Сазонова. И, оглядывая прожитое без него время, понимаешь, как не хватает нам таких, как он, людей. Не тщеславие, не желание напомнить об «уважаемом человеке» руководит мной при написании этого краткого воспоминания о нем. Но искреннее желание вспомнить тех, кто своими молитвами, своим невидимым подвигом подготовил время свободного выражения религиозных взглядов.

Отец родился 20 октября 1936 г. в местечке Гольшаны на территории Западной Белоруссии, в то время находившейся в составе Польской Республики. Родители с детства привили ему любовь к Богу, земле, труду, искреннее желание всегда прийти на помощь человеку. То были трудные времена. В 1939 г. пришли «советские освободители», в 1941-м – немцы, в 1944-м – опять «освободители». Мелькал калейдоскоп событий, эпох и правлений. Было балансирование на грани жизни и смерти. Когда сейчас люди жалуются на трудную жизнь, задумываешься: а как же жили люди тогда? Тогда люди не знали, при какой власти они проснутся и заснут, кто придет и постучится в их дом: немцы, партиза-

ны, провокаторы, бандиты? Кому нужна пища, кому одежда, кому жизнь? И в это трудное время людям оставалась одна опора – вера. Вера в Бога. Вера в Творца, Заступника и Промыслителя. Эту веру отец пронес через всю свою жизнь. Только вера помогла ему вынести все испытания, выпавшие на его долю. Его отец, мой дед, Григорий Иванович Сазонов, вернувшись с фронта инвалидом (парализация правой стороны туловища после контузии), в годы, когда широким фронтом была развернута атеистическая пропаганда, когда всякое религиозное проявление встречалось насмешками, стал старостой Гольшанской Свято-Георгиевской церкви. В 1953 г. настоятелем церкви в Гольшаны назначается протоиерей Влади-

*Протоиерей Иоанн Сазонов
(1936–1994)*

мир Косьмич Конон. Благодаря влиянию о. настоятеля, в 1954 г. папа поступает в Минскую духовную семинарию. В 1955 г. году он женится на Ларисе Владимировне Конон, младшей дочери настоятеля гольшанской церкви, и призывается для прохождения службы в Вооруженные Силы СССР на 3 года 8 месяцев. Вспоминая свою службу в армии спустя много лет, он расскажет нам, как будучи командиром 159-миллимитровой гаубицы, участвовал в венгерских событиях 1956 г. После окончания военной службы он вновь приходит учиться в Минскую духовную семинарию. Его рассказы о духовной школе были полны светлыми и радостными впечатлениями, забавными воспоминаниями о «шалостях» воспитанников семинарии. «Шалости» их носили подкупающую печать искренности, ведь на долю этих уже взрослых дядей так мало выпало времени для игр в детстве. Дети войны, прошедшие службу в армии, видевшие горе и смерть, с каким-то необыкновенным трепетом, по-детски относились к своим преподавателям и к духовной школе. С целью подтрунить над отцом инспектором, архимандритом, впоследствии митрополитом Оренбургским и Бузулукским Леонтием (Бондарь, ум. 1999 г.), они прибавляли его калоши гвоздями к полу. Во избежание присутствия грозного инспектора на экзаменах они посылали ему телеграмму, якобы от родителей, с просьбой срочно явиться. Желая порадовать профессора Котова, катали его на старой американской машине (без мотора), по двору семинарии.

20 мая 1959 г., в день явления Жировицкой иконы Божией Матери, в Успенском храме Жировицкого монастыря папа был рукоположен преосвященным епископом Леонтием (Бондарь), тогдашним викарием Минской епархии, в сан дьякона, и направлен на служение в г. Рыбинск, в Вознесенско-Георгиев-

скую кладбищенскую церковь, единственную в те года действующую церковь в городе. Это было время так называемой «хрущевской оттепели», годы антирелигиозной пропаганды и гонений на верующих. В эти годы сотнями закрывались и уничтожались храмы, монастыри, семинарии. Шла дискриминация людей по признаку веры, отстаивание своих религиозных убеждений приравнивалось к преступлению. В церковные двадцатки назначались «хозяйственные руководители» прихода – «советские, проверенные люди», во всем следующие указаниям партийных органов. Бывшие «светила» и «столпы» богословия – протоиерей А. Осипов, протоиерей Н. Спасский и др. – отказывались от своих религиозных убеждений, во всеуслышание хулили имя Господне.

В связи с закрытием в 1962 г. Минской духовной семинарии, папа поступил на заочный сектор Московской духовной семинарии, а затем в Московскую духовную академию, которую закончил в 1972 г. с ученой степенью кандидата богословия за сочинение по кафедре церковной истории на тему: «История Костромской епархии от ее основания до 1990 г.», которая получила высокую оценку профессора истории РПЦ МДА И. Шабатина. В его работе был дан обзор деятельности Костромской епархии со времени ее учреждения в 1744 г. до 1900-х гг., приведены библиографии костромских архиереев, особо отмечены их труды на костромской земле. В своей работе немало места он уделил и костромской агиографии – житиям святых. Трудясь над диссертацией, папа работал с документами в архиве ГАКО, который располагался в Богоявленском храме Богоявленско-Анастасьина монастыря. В 1990 г. этот храм в удручающем состоянии после пожара 1982 г. был передан Костромской епархии. Что меня всегда поражало, так это то, что отец всегда

стремился учиться – постоянно готовился к проповедям, изучал проповедническую и богословскую литературу, Устав Церкви, который и так знал в совершенстве. Сослужителей своих он всегда призывал не к формальному, а к живому пониманию богослужения, пронеся через всю жизнь искреннюю, детскую веру. Веру и дела не «за вкус хлеба, а за Иисуса», как любил повторять он, перефразируя слова святителя Дмитрия Ростовского. Никогда ни от него, ни от мамы мы не слышали ни слова насмешки над верой или священством. Служил он истово, с полной отдачей самого себя, высоко понимая всю ответственность свою перед Богом. Примером для него являлось старшее поколение, перенесшее ссылки и гонения. В Рыбинске, как я уже писал, он служил в кладбищенском Вознесенско-Георгиевском храме. В эти годы настоятелем храма становится вернувшийся из французской эмиграции сын царского адмирала протоиерей Борис Гергиевич Старк (ум. 1996). С ним, его семейством, с семейством протоиерея Михаила Халюто, супруга которого, матушка Нина была моей крестной, семейством протоиерея Алексея Скобея (моего крестного) и многими другими сохранились самые теплые и дружеские отношения вплоть до смерти папы. Все праздники встречали вместе, посещали друг друга, в горячих диспутах разрешали самые спорные вопросы. За столом часто затрагивались богословские и литургические темы. Я до сих пор поражаюсь начитанности тех священников, их желанию быть не только эрудированными в своей области познания, но и в естествознании, точных науках. Выписывались журналы «Наука и жизнь», «Вокруг света», «Знание – сила» и т. п. Везде находились аргументы доказательства веры. Мама в те годы, несмотря на наличие в семье двух детей, ездила в Москву на сессии Всесоюзного

сельскохозяйственного института, где получала высшее образование. Каждый раз по приезде ее ждал горт «Прага» от семейства Старков. Даже тогда, когда мы находились в Костроме, на папин день Ангела (7 июля, Рождество Иоанна Крестителя), всегда приезжал кто-либо из Старков поздравлять папу лично – отец Николай или отец Михаил. Отец Борис всегда посылал праздничную телеграмму. В семейном архиве я нашел характеристику, данную в те годы папе управляющим Ярославской епархией епископом Исаией, свидетельствующую, что диакон Иоанн – человек «поведения трезвого, вежливый, скромный, обходительный в общении с народом, за короткий период времени завоевавший высокий авторитет». Таким он и был.

В 1964 г. семья переезжает в г. Орел, где папа служит в Свято-Троицкой церкви. Каких-либо ярких впечатлений они (родители), не вынесли из своего пребывания в Орле. Народ им казался «жестким», по сравнению с «открытыми и добрыми» рыбинцами. Мама рассказывала, что провожать их в Орел вышла на перрон вокзала чуть ли не тысячная толпа прихожан. В 1965 г., по приглашению Архиепископа Костромского и Галичского Кассиана (Ярославского, ум. 1990), которому был необходим в собор диакон, семья переехала в Кострому. Папа стал служить в тогда кафедральном Воскресенском соборе. В 1970 г. он стал протодиаконом. В диаконском сане он прослужил 23 года. По словам архиепископа Кассиана, удерживаем он был в диаконском сане «по своим способностям и прекрасному служению». Папа очень любил диаконскую службу и всегда соотносил ее со службой архидиаконов Древней Церкви (в Римской Церкви кардиналы вышли из архидиаконов) – ближайших помощников епископа, их личных секретарей. По распоряжению владыки, он руководил уставом службы.

Основательно зная особенности богослужения, тщательно готовясь к службе, обладая прекрасными певческими способностями, он любил красоту каждого слова, каждого жеста в богослужении. Не терпел расхлябанности и небрежности. Был строг к себе и другим. Обладая широкой эрудицией во всех областях знания, он наравне со священниками собора нес проповедническую чреду, почти всегда проповедуя за архиерейским богослужением. За годы протодиаконского служения им был составлен «Сборник проповедей на воскресные и праздничные дни». К каждой проповеди он тщательно готовился, изучал исторический и гомилетический материал, составлял несколько вариантов проповеди, выбирал понравившийся.

Приходилось часто видеть, как, проповедуя, он плакал, искренне прочувствовав истинность евангельского учения. Многие, находящиеся в храме, плакали вместе с проповедником, сопереживая его прочувственному слову. Владыка Кассиан, сам являясь неутомимым проповедником, благословил отцу предоставлять ему свои проповеди, так как находил в них образец богословской и гомилетической мысли. Необходимо отметить, что архиепископ Кассиан тщательно следил за произнесением проповедей и побуждал своими распоряжениями всех священников епархии предоставлять и направлять в канцелярию епархии приносимые ими проповеди.

Костромской владыка и сам любил проповедовать и служить. Служил он неторопливо и благоговейно. Архиерейская служба длилась по 4 и 4,5 часов. Пел архиерейский хор, которым управляли регент Н. Спасский, после смерти которого хор возглавил Н. И. Баранов. Мама пела в архиерейском хоре. Левым клиросом управляли монахини Феофо-

ния (Иванова) и Варсонофия (Голубева) – искренние труженицы, на плечах которых были и просфорня, и ризница, и уборка храма, и повседневная певческая чреда. На протяжении многих лет папа служил в паре с диаконом (впоследствии протодиакон) Леонидом Смирновым (ум. 2001), причем соборный протодиакон служил свою чреду, а в воскресный день ему приходилось служить раннюю (с 6 ч. утра) и позднюю, «архиерейскую», литургии. Когда папа ездил в академию на сессии, то он служил за «пропущенные» им дни. Но он не роптал, не тяготился своими обязанностями, а находил в этом радость служения Богу. Очень любил он исполнять соло в «Ныне отпускаеши» Н. Строкина и «Утверди, Боже» протоиерея А. Косолапова. В те годы (конец 1960 – начало 1970-х) соборными священниками были протоиерей Савва Якимчук (он же нес послушание секретаря епархии), архимандрит Серафим (Борисов), протоиерей Н. Радул, протоиерей И. Щербан, протоиерей Петр Нецветаев, позже к ним присоединился протоиерей Александр Карягин. Все они были ярко индивидуальны, все обладали жизненным опытом и образованием. Все общались семьями, ездили вместе в лес за грибами и ягодами. Все обладали какой-то неподдельной, удивительной генетической церковностью, передающейся из поколения в поколение. По папиным чертежам, благодаря его участию, была собрана ризница собора, которую мы наблюдаем и сегодня. Он на свой страх и риск вывозил с мебельного комбината нестандартную продукцию, за что мог серьезно пострадать. Сейчас – плати деньги, и тебе по любым чертежам что угодно сделают. Тогда подобная вольность была экономическим преступлением. Вместе со старостой собора Н. Ф. Савельевым, бывшим обновленческим священником, им были положены труды по восстановлению резьбы

иконостаса главного придела Воскресенского собора. Наши представления о том времени грешат прочно установившимся в нашем сознании мнением, с подачи теперешних неофитов, о тогдашнем всеобщем неверии людей. Лишь отмечу, что, несмотря на недавно перенесенные Церковью «хрущевские гонения», в людях неистребимо жила теплая, живая вера в Бога. Несмотря на запреты, люди крестили своих детей, венчались, причащались, отпевали, приглашая священников в свои жилища. Само отношение к священству было иным, нежели теперь. Более искренним, почтительным. Благодетельные прихожане стремились угостить на праздник духовенство и считали за честь их посещения. Вера не навязывалась, она неистребимо жила в человеке. И многое из наносного, внешнего и показного теряло свой смысл. Хочешь – не верь, таких большинство. Становись в их ряды. Станешь как все, будешь угоден генеральной линии. Несмотря на свои жизненные убеждения, отец никогда не заставлял нас, своих детей, верить, читать вероучительную и богословскую литературу, учить молитвы – мы ко всему приходили сами, органично живя в церковной среде. Отец мог лишь только подсказать, если спросишь – научить. Никогда он не заставлял нас ходить в церковь – для нас церковь была родным домом.

Несмотря на строгие запреты властями церковной деятельности вне стен храма, папа в частных беседах, при встречах, да и при всех возможных случаях, стремился рассказать и раскрыть людям истины веры. Учительница физики моего брата Юрия – Н. В. Шахова (школа № 37 г. Костромы), всегда вспоминает о классном часе, на который он, с разрешения дирекции, был приглашен, и, не имея возможности говорить о Боге (религиозная пропаганда в школе!), го-

ворил о хлебе. О том, как он трудно достается, как его не хватало во время войны, о том, как должны его все ценить. Бога он упомянул лишь в одной фразе: «Дай Бог, чтобы у всех всегда был хлеб!» Дальнейшие встречи со школьниками были запрещены, но многим запали в душу и запомнились его слова.

В 1982 г., видя свои немощи и сознавая, что его протодиакон, обладая прекрасными организационными способностями, мог бы принести Церкви большую пользу, владыка Кассиан, предлагает папе занять освободившееся в связи со смертью протоиерея Александра Дзичковского (ум. 1982) место настоятеля Спасо-Запрудненского храма – храма Нерукотворенного образа Спасителя, храма, построенного на месте явления в 1256 г. костромскому князю Василию Ярославичу чудотворной иконы Божией Матери Феодоровской. Рукополагал его владыка в иерея в праздник явления Феодоровской иконы Божией Матери, 29 августа, и назначил настоятелем храма.

Евангельская притча о сеятеле начинается словами: «Вышел сеятель сеять» (Мф. 13, 3). Эти строки напрямую применимы к отцу, к его жизни и пастырскому служению. Он был воистину тем добрым пастырем, который сеял семена истины и правды, питал хлебом Жизни (Ин. 6, 34–41) всех страждущих и жаждущих. Еще живы те люди, которые по его молитвам были исцелены, получили утешение в своих скорбях. По благословению владыки папа возглавляет благочиния 6-го, а затем 8-го епархиального округа. В состав 8-го округа входили все действующие церкви Кологривского, Парфеньевского, Нейского, Мантуровского, Октябрьского и Шарьинского районов Костромской области. Весь северо-восток – 8 церквей, расположенных на значительном удалении друг от друга. Несмотря на расстояния (до не-

Церковь Спаса-на-Запрудне. Фото середины 80-х годов XX века

которых добирался на самолете), он все храмы постоянно посещал. В некоторые приходы добирался пешком. Служил, умирал конфликты, наставлял отцов настоятелей. Своим примером показывал высокое понимание и исполнение пастырского долга. Как человек принципиальный, он не терпел подхалимства, лжи, заискивания, особенно, если дело касалось истин и правды церковной. Но вместе с тем был добрейшей души человеком, тонко чувствующим чужое беду и несчастье. Не раз мама советовала ему проявить «гибкость», уступить в «мелочах», отстояв главное. Но папа был непреклонен и тверд в своем искании правды. Владыка Кассиан записал в те годы в его характеристике: «протоиерей Иоанн Сазонов – высокообразованный и культурный, усердный к своим пастырским обязанностям... Отличный проповедник. Заботлив о благолепии храмов Божьих и благоповедении духовенства. Любим и уважаем прихожанами». Время его настоятель-

ства в Спасо-Запрудненской церкви было отмечено заботой об устройстве приходской жизни. Всю свою энергию он направил на то, чтобы придать этому храму подходящие ему красоту и благолепие. Каждый год делались внутренние и наружные ремонты: был проведен капитальный ремонт верхнего и нижнего храмов; устроена просфорня: было завезено пусть немного устаревшее, но вполне пригодное оборудование одной из городских пекарен. Приобретены: новый престол, обустроена ризница, пошиты и приобретены облачения, предметы церковной утвари. Восстановлена и позолочена резьба правого и левого приделов, покрыта позолотой резьба главного иконостаса. Особое внимание уделялось им уставному и антифонному пению. Никогда он не жалел денежных средств для приобретения нот и достойного вознаграждения певцов. Его ходатайством и трудами во многом удалось вернуть церкви бывший приходской дом, находившийся на

церковной территории и заселенный жильцами. На бумаге все это выглядит гладко, но кто представит те усилия, потраченные для увещевания церковного совета, состоявшего из полуграмотного «пролетариата», поставленного советской властью для хозяйственного управления приходом и возомнившего себя законной властью. Не хочется называть их фамилий. Бог им судья! Многие из них впоследствии подходили ко мне, калялись в своих неприглядных поступках, жалели «прекрасного отца настоятеля».

О высоких духовных и творческих качествах отца говорят его дела: на каких бы приходах он ни находился, за какое бы дело он ни брался, – везде всех объединял вокруг церкви. Пустовавшие храмы наполнялись людьми. Через непродолжительное время все начинало приходить в движение: ходил по домам «со славой», служил молебны. Всех поднимал на служение Богу и ближним. Куда бы Господь ни определил его – в Вознесенскую церковь д. Любовниково (1990), в костромской Иоанно-Златоустовский храм (1991–1994), везде и всюду он отдавал свою душу и сердце Богу и людям. Сохранились сотни свидетельств духовной помощи советом, участием, вниманием, практической помощью. Среди них – воспоминания Н. С. Ярославской, дочери владыки Кассиана; доцента Академии им. Жуковского А. В. Федурин; бывшего заместителя начальника Костромского ОМОНа Н. А. Зайцева, его многочисленных «духовных детей» и др. Доброту и светлый образ отца – истинного пастыря – вспоминают врачи и воспитатели костромского Дома ребенка и слушатели его лекций по изучению Священного Писания из Всероссийского общества слепых.

В последние годы жизни папа жил в постоянной скорби в связи с потерей истинного друга жизни, какой являлась для него наша мама, скончавшаяся в 1987 г. С ней делил радости и скорби 33 года. В связи с душевными переживаниями, в последние годы жизни его одолели телесные немощи – глаукома обоих глаз. Зимой 1994 г. была сделана операция по удалению глаукомы, но зрение полностью так и не восстановилось. За три дня до смерти он вместе со мной и моей супругой побывал на могиле мамы. Ни одно его посещение кладбища, где похоронена мама, не проходило без слез. Так было и на этот раз. В душевном волнении он покидал дорогое ему место упокоения супруги.

Отец попал в катастрофу 11 сентября 1994 г., в день Усекновения главы Иоанна Крестителя. Причиной дорожно-транспортного происшествия явилось слабое зрение. Врачи 1-й горбольницы боролись за его жизнь 8 часов. На следующий день, 12 сентября, он, не приходя в сознание, умер.

Со смертью таких пастырей, как отец, которых «ни скорбь, ни теснота, или гонение... не могли отлучить от любви Божией» (Рим. 8, 35–39), ушла эпоха искренних исповедников, «не языком, но делом и жизнью» показавших любовь к Богу и призывавших всех следовать этой Божественной Любви. Служивших Богу не «ради хлеба куска». Вечная ему память!

Несомненно, в них мы обрели новых молитвенников за себя на небесах.

«Верующий в Меня, если и умрет, оживет... живущий и верующий в Меня, не умрет во век», – для всего человечества сказал Господь (Ин. 11, 25–26). Мы несомненно верим этим словам!

**Проповедь в неделю Святых Отец,
произнесенная протоиереем Иоанном Газоновым 2. 01. 1977 г.
в кафедральном Воскресенском соборе г. Костромы**

Дорогие братья и сестры!

Сегодня мы с вами празднуем неделю перед Рождеством Христовым – Святых Отец. В этот день Св. Евангелие повествует о родословии Господа нашего Иисуса Христа.

В связи с этим уместно будет напомнить о неизменяемости промысла Божия. Что это значит? Это значит то, что Слово и обетования Господни неизменны и непреложны во все времена. Все не так в нашем грешном мире. Смена времен года, дня и ночи отражается не только в природных явлениях, но и во внутреннем и внешнем мире человека. Деревья теряют осенью листья, которые весной и летом украшали их. Утром мы радуемся расцветшему цветку, к вечеру он увядает. Люди изменяются телом и своими душевными расположениями. Сегодня известный человек, твой лучший друг, может завтра стать самым злейшим врагом. Сегодня люди величают и славят тебя – завтра они же будут злословить и осмеивать тебя. «Человек... краткодневен и пресыщен печалью: как цветок он выходит и опадает, – говорит праведный Иов о жизни человека, – убегают как тень, и не останавливается» (Иов. 14, 2).

Один Бог остается неизменен. Св. царь и пророк Давид восклицает: «В начале Ты, Господи, основал землю и небеса... они погибнут, а Ты пребудешь; и все они как риза обветшают, и изменятся» (Пс. 101, 26). Бог не может делаться лучше и совершеннее, как это заложено в природе человека. Он от вечности совершенен. «У Бога нет изменения и даже тени перемены», – пишет св. апостол Иаков в своем послании (Иак. 1, 17).

Сегодня, читая о родословии Христа, называя имена праведников, мы говорим о любви Бога к человеку и доверии

человека к Богу в соединении неизменяемого Бога и грешного, изменчивого человека. Об этой любви, об этом соединении Бога и человека во Христе Иисусе свидетельствует апостол Павел, говоря, что Господь «не стыдится братию нарицати их (людей)» (Евр. 2, 11). Сегодня нам зачитываются имена родных Богу людей. Через многие тысячелетия они пронесли веру в обещание Бога дать человечеству Спасителя, вернуть ему его первый, сотворенный Им образ. Через них Христос стал нам сотелесным и единокровным, так что мы стали «члены Его от плоти Его и от костей» (Еф. 5, 30). Они через тысячелетия соткали человечество Христа. Он Своей святостью оправдал их веру и надежду. Всякий, кто пробивается через изменчивый мир и идет путем падений и восстаний, идет уже путем, проторенным Богом и человечеством, путем вечности и неизменного Промысла. Путем предков Христовых. Но, в отличие от тех, кто был до Христа, идет не ощупью, не в потемках упования, но в уверенности «Пути, Истины и Жизни». «Христос есть истинная Жизнь, и наша истинная жизнь есть пребывание во Христе», – говорит Василий Великий (Творения. 1900 Т. 1. Ч. 1. С. 260).

К совершению обетований стремились они. «К наследству нетленному, чистому, неувядаемому, хранящемуся на небесах для вас, силою Божиею через веру соблюдаемых ко спасению», – пишет апостол Петр в своем послании о призвании человека (1 Петр, 1, 4). Стремиться к этому непреходящему наследству, к своему призванию зовет нас сегодня Святая Церковь, возглашая имена предков Господних.

Послушаем же ее материнского призыва. Аминь.

**Проповедь на пасху,
произнесенная протоиереем Иоанном Газоновым 15.04.1973 г.
в Воскресенском кафедральном соборе г. Костромы**

Через неделю мы с вами, братья и сестры, подобно древним евреям, радостно встретим Господа с ветвями верб (образ ветвей финиковых пальм), как царя и победителя. И «составив праздник, веселясь будем восторженно восклицать Ему песнь победную: «Благословен грядущий во имя Господне! Осанна в вышних!» Сейчас же, стоя при Кресте, видя Распятого на нем, слушая историю Его страданий и положения в гроб, печально будем повторять: «Слава долготерпению Твоему, Господи!»

Сегодня в своих песнопениях Церковь обращается к нам: «Да молчит всякая плоть человеческая и стоит со страхом и трепетом». Она, желая, чтобы мы с верой проникли в великие и страшные события и утвердились в ней, собрала нас в Дом Божий. И нельзя нам не стоять со страхом и трепетом, когда под церковными сводами совершается память той голгофской жертвы, глядя на которую в ужасе трепетала когда-то вся природа: помрачилось солнце, колебалась земля в своих основаниях, распадались камни и разорвалась церковная завеса.

Как же нам не трепетать, когда перед нашими глазами посредством богослужения предстают картины «великого позора человечества». Послушаем свидетельство евангелиста Луки: «И весь народ, шедший на сие зрелище, видя происходившее, возвращался, бия себя в грудь» (Лк. 23, 48). Потому что все тогда невольно поняли, или, по крайней мере, невольно почувствовали, что Распятый был не простой человек, но, Тот, видя гибель Которого, «содрогнулась земля».

Братья и сестры! Давайте же вспомним сейчас и о том, что вся жизнь Спасителя на земле, от яслей до гроба, была наполнена бедствиями и страданиями.

Само рождение Божественного Младенца было ознаменовано печатью Креста. Он родился не в светлых царских чертогах, но в вертепе, загоне для скота. Он родился ради нашего спасения! После рождения Его коварный Ирод, желая умертвить «соперника», убивает 40 000 младенцев. Проливается кровь невинная. В пустыне Он, «пришедший спасти мир», подвергается коварным искушениям дьявола. Господь, «одевающий небо облаками», не имеет места, «где приклонить голову», тогда как даже «лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда» (Мф. 8, 20). Мало того, Он, исцеляющий немощи человеческие, терпит поношения за то, что не в положенное время исцеляет. Его ученик, получивший наравне с другими дары чудотворений, благости, любви (Ин. 13, 17), собеседник, с которым он делил хлеб, предает своего Учителя и Господа. И, наконец, Судья живых и мертвых стоит на суде у Пилата, как агнец безгласный, и без вины осуждается на позорную (казнь разбойников), жестокую крестную смерть. Господь Славы распинается между злодеями, Источник жизни и бессмертия умирает на Кресте, терпя жестокие страдания! «Одейся светом яко ризою», – как величает Его царь и пророк Давид (Пс. 104, 2). Владыка и Создатель всей Вселенной нагим висит на древе крестном и выставляется на позор и поругание Своего творения.

Посмотрите же на образ Страждущего Спасителя! Глава у него пронзена терновым венцом, на челе запеклась кровь, руки и ноги пронзены гвоздями, ребра пробиты копьем!

В подобных тяжких и скорбных минутах страдальцу одно утешение – сочувствие близких. Но в страданиях Господа

никто не принимает участия: один из учеников продает Его за цену раба и предает Его, другие, объятые страхом, убегают. Даже самый ревностный – и тот, трижды, с клятвой отрекается от Него. Правда, при Кресте, на котором Он висит, мы видим Пречистую Богородицу и возлюбленного Его ученика. Но могли ли они утешить Его, сами безутешные? Напротив, они своими рыданиями и плачем еще больше увеличивали Его скорбь. Да так, что Он, видя все вокруг происходящее, в отчаянии восклицает: «Боже мой, Боже мой! Для чего ты Меня оставил?» (Мф. 27, 46).

Тогда, в вечер погребения Голгофского Страдальца, кроме Иосифа и Никодима, выпросивших на то разрешение у Пилата, да жен-мироносиц, «страха ради» никто не смел приблизиться ко Кресту Жизнодавца. Теперь никто не запрещает нам приходить к Нему, чтобы воздать целование и подобающие в таких случаях почести.

Подходи же, христианин, и вместо мира многоценного, которым прежде «якоже обычай бе иудеом погребати, намащати тела усопших», принеси хотя бы песнь одну Владыке. «Но, какую?» – спросите вы. Из множества церковных – песнь, состоящую из слов разбойника: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!» (Лк. 23, 42). Если эту песнь принесешь к Спасителю, преклоняясь со слезами покаяния перед Ним, то уже многое сделаешь для своего спасения. Ведь этими словами благоразумный разбойник испросил себе у Христа не только прощение грехов, но и вход в Царствие Его.

Поклонники Креста и почитатели Распятого! Взирая на Него, висящего на Кресте, дадим себе обет непрестанно следовать путем Креста, путем очистительного покаяния и нелицемерного смирения, терпеливого перенесения тягот и скорбей жизни. Путем исповедания и сораспятия со Христом. С Ним распинаемые, с Ним и воскреснем!

**Проповедь в Неделю святых жен-мироносиц,
произнесенная протодиаконом Иоанном Газоновым
в Воскресенском кафедральном соборе 14.05.1978 г.**

Христос Воскресе!

Дорогие братья и сестры! Уже много веков прошло со времени подвига святых жен-мироносиц. Не пересчитать нам сейчас тех поколений людей, которых на их жизненном пути вдохновлял к спасению души героический поступок этих женщин. Сколько же и в это воскресенье молящихся в храмах Божьих прославляют их святую память! Пройдут годы, столетия, и, подобно нашим предкам и нам самим, наши потомки будут умиленным духом преклоняться перед священным образом евангельских мироносиц.

Откроем для неосведомленных суть воспоминаемого события. Мироносицы – это те женщины, которые на рассвете, после Воскресения Христова, спешили к гробу Господню с миром (благовонным, ароматным маслом) в руках, чтобы по обычаю, принятому у евреев, умастить этими благовонными ароматами бездыханное Тело своего Божественного Учителя. Это были те женщины, которые при жизни Иисуса заботились о ночлеге и пропитании для Него и учеников. Они, говорит святой евангелист Лука, служили Господу «именем своим» (Лк. 8, 3), т. е. на средства, выручен-

ные от продажи своего имущества, они заботились о Христе и апостолах. В их числе были и девы, и вдовы, даже матери семейств, которые, услышав проповедь Господа, оставили свои семьи и дома и следовали за Божественным Учителем. После взятия Христа под стражу, когда ученики, объятые страхом, разбежались, жены-мироносицы стояли у подножия Креста Христова, проливая слезы сострадания и как могли утешали плачущую Богоматерь. Вместе с праведными Никодимом и Иосифом они участвовали в погребении Спасителя. В связи с приближением еврейской Пасхи и субботы (времени покоя), погребение совершилось поспешно, и при погребении не были соблюдены все обычаи. И вот ранним утром воскресного дня мироносицы спешно шли, чтобы помазать Тело дорогого усопшего Учителя ароматным маслом.

В ответ на эту их самоотверженную любовь (за свои действия они могли быть изгнаны из синагоги или побиты камнями) Господь первым явился им по воскресении Своим и, явившись, сказал им: «Радуйтесь!» (Мф. 28, 9). Этими словами Он возвестил им не только о радости воскресения Своего, но и о радости жизни с Господом в сердце, и о вечной радости, которая ждала их по окончании земного пути в Царстве их упования.

За этот подвиг любви Церковь почитает их святыми, и мы все в этот день приносим им свои моления, в которых просим их молитв у престола Всевышнего за нас, грешников. Просим их помочь нам совершать путь к спасению нашей души.

Примером своей жизни святые жены-мироносицы как бы говорят нам о том, какой должна быть любовь к Господу. Истинная любовь – не кратковременный порыв чувственного сердца. Она постоянна, крепка, она никогда не ума-

ляется. Она неизменна и в радости, и в благополучии, и в счастье. Она огнем горит в каждом христианине в минуты скорби, в дни испытаний, в годину болезней. Примером своей жизни жены-мироносицы как бы говорят нам, что эта любовь не должна быть подобна той, о которой сказал Спаситель в обличительной притче о людях: «и временем веруют, а во время искушений отпадают» (Лк. 8, 13). Сами они во имя любви к Богу принесли в жертву все те страхи и опасности, которые сопутствовали им во время пути к гробу Усопшего Спасителя. Любовь, как известно, не бывает без жертв. Истинная любовь всегда жертвенная. Разве мы не видим это в повседневной жизни? Мать, проводя долгие бессонные ночи у постели больного своего ребенка, разве не жертвует своим отдыхом и своим здоровьем во имя любви к нему?

Жены-мироносицы подвигом своей жизни напоминают нам о том, что наша любовь к Богу должна быть благодарной. Они были благодарны Спасителю за свое возвращение к Богу, за открывшийся для них, проповедью Христа путь спасения души. «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите», – писал о благодарной молитве нашей к Богу апостол Павел (1 Фес. 5, 18). Эта молитва благодарения совершается и сейчас в храмах, где на престоле Царя Небесного приносится Бескровная жертва за грехи живых и усопших чад Христовой Церкви. Здесь с нами, несомненно, веруем, невидимо пребывает и Преподобная Мать нашего Сладчайшего Иисуса. Здесь сопредсутствуют с нами на нашей молитве и жители Небесной Церкви: святые ангелы, угодники Божьи и, среди них, – жены-мироносицы.

Молитва – всемогущая сила, которая прорезает небеса, доходит до престола Божия и низводит благословение Небесного Отца на землю.

Мироносицы, эти святые женщины, вдохновляют нас в молитве любви, братья и сестры, как вдохновляли они и наших предков, как будут учить своим примером и после нас, наших потомков, любить Господа и друг друга любовью никогда не отпадающей, всегда пламенеющей, готовой к жертвам, преданной и благодарной.

Их поступок напоминает нам и о священном долге нашей любви к дорогим нашим усопшим. Смотрите, как им бесконечно дорого бездыханное Тело их Учителя. Как дорога им эта могила, гроб, принявший в себя Тело их любимого Божественного Друга и Наставника!

Вот наука любви, которую они нам преподают через время и расстояние. Наука для всех времен и народов. Наука исполнения заповеди: «возлюби Госпо-

да Бога твоего всем сердцем твоим и ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 37–40). Об укреплении этой любви мы сегодня просим в молитве святых жен-мироносиц, примером их назидаемся. И свято верим, что они, на небесах прославляющие вечную Пасху Христову, испросят у Господа, нам, грешным, помощь на пути к нашему духовному преобразению и воскресению.

Пусть же горит в каждом из нас, не умаяясь, не прерываясь, любовь к Небесному Отцу, да пребудет среди нас дух братолюбия, да исполнимся дел любви для живых и не перестает молитва и жертва за усопших, всегда ожидающих от нас милость любви о себе.

Святые жены-мироносицы, молитесь Бога о нас.

А. И. Сизинцева

ИЕРОМОНАХ ИОАСАФ (САЗАНОВ)

Эпизод из истории Иаково-Железноворовского монастыря

Если бы знали чекисты, что завенденные ими дела когда-нибудь будут служить сохранению памяти об их врагах... Но факт остается фактом: там, где в монастырских ведомостях значился только возраст, позволяя гадать, в каком году, 1879-м или 1880-м, родился Григорий Меркурьевич Сазанов, в монашестве Иоасаф, в схеме Серафим, – следственное дело ОГПУ дает подробнейшую анкету. Из нее мы узнаем, что родом он из крестьян деревни Касатоново (если правильно удалось прочесть неразборчивую запись) Заобнорской волости Любимского уезда Ярославской области, а прежде – губернии, а родился 17 ноября 1879 г. (по старому стилю, разумеется), грамотный, домашнего образования¹. Правда, в момент ареста, летом 1923 г., связи с родными местами

были разорваны, и мать его, вероятно уже нуждавшаяся в помощи и уходе, переселилась поближе к сыну, в д. Иваново Боровской волости².

Некоторые сведения о раннем периоде жизни этого человека дают «вещественные доказательства» – переписка и «разные заметки, ничего из себя не представляющие»³, с точки зрения представителя ОГПУ. В одном из писем того же 1923 года, адресованном некоему Ивану Митрофановичу, уклонившемуся в секту евангельских христиан, о. Иоасаф пишет: «Я припоминаю, как мы с тобою, когда были пастухами стад скота в одной деревне, и певали псалмы и песни церковные, а теперь вот я – иеромонах, а ты – сектант, какая противоположность...»⁴ Что же касается образования, то в монастырском формуляр-

Вид на Иаково-Железноборовский монастырь. Фото начала XX века

ном списке отмечено: «обучался в доме родителей»⁵.

Итак – обычное детство крестьянского паренька, церковность которого была не формальной, но отвечала внутренним потребностям души. И когда крестьянские буренки не требовали решительного вмешательства пастухов, он с другом вспоминал запавшие в память песни, за тысячи лет до них и за тысячи верст от этого места написанные другим пастушком – Давидом...

Григорию Сазанову не было еще двадцати пяти, когда в столицах началась большая смута. Однако, в отличие от своих более «прогрессивных» сверстников, он ушел не на баррикады и митинги, а поступил в Иаково-Железноборовский монастырь соседней Костромской губернии. Монастырский формуляр бесстрастно перечисляет дальнейший путь, подтвердивший серьезность первоначальных намерений: поступил в монастырь 1 апреля 1905 г., 29 июля 1910 г. причислен к братии, в монашество пострижен 30 декабря 1911 г., с 9 мая 1912 г. – иеродиакон⁶. Игумен Мелхиси-

дек характеризовал его тогда стандартной фразой: «Качеств хороших. К послушанию способен»⁷.

К сожалению, в пламени пожара костромского архива 1982 г. сгорело дело о рукоположении иеродиакона Иоасафа во иеромонаха, но сам заголовок его в архивной описи позволяет датировать это событие: 19–26 мая 1917 г.⁸ Зато в другом деле, «О назначении иеромонаха Железноборовского монастыря Иоасафа благочинным этого монастыря», заведенном буквально через несколько дней, 1 июня того же года, сохранился рапорт игумена Никодима. Он гласит: «...в поддерживании внутреннего распорядка монастыря, и особенно при исполнении церковных богослужений, необходимо нужен благочинный-надзиратель. По благоговеинству, ревностному служению Святой церкви и доброму поведению, нахожу для сего удобным иеромонаха Иоасафа, как человека, вполне заслуживающего доверие»⁹. С момента утверждения этого рапорта владыкой Евгением, с 30 июня 1917 г., о. Иоасаф становится духовником обители.

Каким образом сказались на этом назначении политические перемены, произошедшие в стране после Февральской революции, сегодня сказать трудно. Но впереди, в самом недалеком будущем, церковную жизнь ожидали крутые повороты. Смута политическая сопровождалась и смутой церковной. Множились секты, распространялось официально поддержанное властью большевиков обновленчество. Возникало огромное количество вопросов, на которые надо было искать ответы каждому церковному человеку: как относиться к новому календарю, причащаться ли у обновленцев...

Как и принято было, о. Иоасаф исповедовал не только братию своей обители, но и паломников, число которых стало умножаться день ото дня. Прослышав о его благочестивой жизни, пытаюсь найти опору в вихрях церковной смуты, потянулись к нему жители ближних и дальних селений. Это не могло долго оставаться незамеченным, и осенью 1921 г. последовал первый арест.

«Дело по обвинению иеромонаха Железнодорожского монастыря Иосифа Сазонова в развращении народных масс и склонении к православию» было заведено Буйским уездным политическим бюро Костромской губернской чрезвычайной комиссии Рождественским постом, 27 ноября 1921 г. Непривычное для мирского уха имя и не совсем обычную фамилию переврали потому, что ни с какими письменными документами свериться не удосужились.

Из дела следовало, что к обвиняемому собираются паломники и паломницы, «которые ходят с ним по лесам, поют священные псалмы»¹⁰. В ответ было заявлено: «...что касается организации, я около себя никакой не имею, и я по лесам никогда не ходил и не пел никаких псалмов», а мужчины и женщины действительно приходят, живут в монастырской гостинице, а у себя в келии «не

больше двух часов» «делаю наставление после исповеди, недосказанное мною на исповеди»¹¹.

К радости чекистов, настоятель обители о. Гавриил написал письмо, сохранившееся в деле (л. 71–72). Его использовали позже, при следующем аресте, летом 1923 г. В сопроводительном письме к старому делу написано: «характерно отметить письмо игумена Гавриила... где он указывает, что было очень хорошо, что его арестовали, предполагая, что арест его исправит... из чего можно заключить, что игумен был недоволен, что Иоасаф занимается одурачиванием народных масс»¹².

Чем именно руководствовался настоятель, сегодня трудно судить. То ли это было реальное раздражение «неуместной» с его точки зрения в тех условиях активностью, то ли это было вынужденной мерой, казавшейся необходимой для сохранения монастыря... Но в 1923 г. материалы старого дела должны были подтвердить, что «Иоасаф занимается давно преподаванием религиозных вероучений и также обманных действий с целью возбуждения суеверия на религиозной почве в темных массах»¹³.

А обвиняемый и не отрицал ни давности, ни самого факта «преподавания религиозных вероучений», только преступлением этого, разумеется, не считал. Признавался: деятельность по окормлению духовных чад началась «лет двадцать тому назад», то есть как раз в начале 1910-х гг., «еще при покойном иеромонахе Паисии, от него я принял их человек двадцать, а в течение последних лет число их все растет и растет»¹⁴; «Учение свое извлекаю из Евангелия и проч. Священных книг, примером для меня служат покойные старцы Оптинской Введенской пустыни иеросхимонахи Амвросий, Макарий, Леонид»¹⁵.

Трудно было понять о. Иоасафу, что такая естественная практика духовной

жизни может быть поставлена ему в вину. Терпеливо объяснял он такие простые, казалось бы, вещи: «Сии все приходящие в монастырь на Богомолие есть мои Духовные Дети, я Духовник, мне поручено от настоятеля монастыря исповедать желающих причаститься Св. Таин, да и вся братия монастыря у меня исповедаются»¹⁶.

В надежде получить поддержку у настоятеля, воспользоваться его лояльностью, продемонстрированную за два года до того, представители власти обратились и к тому же игумену Гавриилу¹⁷. 8 августа 1923 г. тот показал следующее: «Иеромонах Иоасаф Сазанов состоит в монастыре духовником и ризничным и синодичным. К нему, как к духовнику, стекается на исповедь громадное число народу. Исповедует иногда не в отдельности каждого, а вообще всю массу, пришедшую в храм. Какие он дает наставления и советы, для меня это является секретом. Ходят к иеромонаху Иоасафу отдельные лица для записи поминовения, а, быть может, и за советами, но особенного наплыва в келье не бывает. Какие беседы ведет он в келье, я не знаю. Вообще иеромонах Иоасаф среди местного населения пользуется какой-то особой популярностью»¹⁸.

Настоятель тоже пытался втолковать представителям власти, что практика духовничества – не преступление, а норма монастырской жизни: «Группа духовных при Железно-Боровском монастыре существовала еще к моменту моего приезда в монастырь, но в то время она была гораздо меньше. Группа духовных это не что иное, как группа истинно верующих, старающихся проводить воздержную христианскую жизнь, таковая почти существует при каждом монастыре. Особых целей в виде безбрачия она не преследует»¹⁹.

Протоколы, составлявшиеся со слов обвиняемых и свидетелей, представля-

ли собой причудливую смесь их собственных слов с советским «новоязом», который призван был «разоблачить реакционную сущность» сказанного. Вот образчики такой интерпретации: «Иоасаф... вербует молодое поколение, главным образом девушек, и является активным руководителем в этой области»²⁰. Или – из показаний о. Иоасафа 7 августа 1923 г.: «Признаю себя виновным в том, что из среды приходящих ко мне на исповедь мужчин, женщин и девиц от 15 до 50 лет, причем из большего количества последних, организовал группу под названием «духовных». Всего в той группе состоит не менее 200 человек... не только из Буйского, но и из Солигаличского, Любимского, Галичского, Костромского уездов. Цель этой группы именно духовная жизнь, избежание мирских соблазнов, борьба со страстями и похотями и проявление большей религиозности. Этой группой я управлял, т. е. от меня, как от искры, исходит свет ученья. Преподаю я свое учение во время исповеди в церкви, причем некоторым лицам преподаю учение у себя в келье»²¹.

Здесь отчетливо слышится контраст между подлинными словами опытного в монашеской жизни человека («избегание мирских соблазнов, борьба со страстями и похотями») и «комментариями» его мучителя («этой группой я управлял», «преподаю я свое учение»), для которого не только лексика, но и сам образ мыслей непостижим, а потому заведомо преступен.

Сам о. Иоасаф это чувствовал, и потому добился разрешения писать собственноручно, пытаясь известными ему канцеляризмами заменить «новояз». «Допросы, которые были приняты от меня 7 августа сего месяца, в них могут быть некоторые недоразумения. Я поэтому довожу до вашего сведения следующее. Я пастырь своих овец, не счи-

таю себя виновным в том, что люди религиозного культа приходят ко мне и имеют особое уважение и любовь, дабы чрез меня как через посредника прийти им ко Христу ближе. <...> Слово «организовал» совсем ко мне не подходит, ибо каждый сам себя организует в стадо Христово, руководствуясь Евангелием, и старается особую любовь иметь ко Христу и соблюдать его заповеди. <...> Девство супружеству предпочитается во все времена отцами Церкви Христовой, и сам Бог это возлюбил и принимает как дар, но никого не обязует. И я Девство люблю и чту, и супружество уважаю и хвалю. Близость конца мира я только полагаю, смотря по обстоятельствам, что творится в мире, а угадывать и пророчествовать не умею»²².

Одной из духовных чад о. Иоасафа была матушка Вера (Меркулова), к тому времени уже неоднократно претерпевшая заключение. Одновременно с батюшкой была арестована в Солигаличе и другая его духовная дочь – монахиня Ангелина (Борисова)²³. В следственном деле в качестве «вещественного доказательства» хранилась записочка, написанная ей карандашом: «Ваше преподобие, сестра о Господе и мати А. Любезнейшее чадо мое, узница Христова. Друг мой, не унывай в части сей, но пленися Христовою Любовию, за Христа бо сия терпиши, который за нас, грешных, претерпел лютейшие страдания, распятие на кресте, смерть. <...> Таковое поношение претерпе. Мы же земля и прах, не постыдимся его ради претерпеть малое поношение, тогда в будущей жизни с ним прославимся во веки и благих насладимся. Еще повторяю: не стыдися пребыти в части сей, но паче радуйся. Я, убогий, лобызаю честную и умную головку твою. Прошу тебя не унывать, но распорядись, чтобы твои духовные из остатков твоего хлеба напекли хлеба и дали нищим, и просили бы их молить за

тебя Бога, ибо нищие наши господа и самые надежные наши заступники»²⁴.

Сам батюшка духом оставался бодр, но испытаний не выдержала телесная оболочка. Его пришлось отправить в Буйскую уездную больницу, откуда он 20 августа написал прошение о том, чтобы его отпустили на поруки. Видимо, угроза для жизни была серьезной, а времена еще не самые немилосердные, потому что прошение удовлетворили, и 13 сентября 1923 г. иеромонах Иоасаф Сазанов был освобожден из-под стражи²⁵. Однако дело не было прекращено, на следующий день, 14 сентября, оно просто было объединено с делом «по обвинению монахини Ангелины – Александры Владимировны Борисовой по 120 ст. того же кодекса»²⁶.

Позже были и закрытие обители с «показательным» судом²⁷, и еще аресты, и еще лагеря. Здесь рассмотрены лишь первые шаги крестного пути костромских исповедников.

Примечания

¹ Центр документации новейшей истории Костромской области (ЦДНИКО), ф. 3656, оп. 2, д. 2398-С, л. 76.

² Там же, л. 6.

³ Там же, л. 8.

⁴ Там же, л. 50.

⁵ Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. 130, оп. 13, д. 252, л. 380.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же, оп. 10, д. 122.

⁹ Там же, д. 136.

¹⁰ ЦДНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 2398 с., л. 64.

¹¹ Там же, л. 65–65 об.

¹² Там же, л. 58.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 81 об.

¹⁵ Там же, л. 82 об.

¹⁶ Там же, л. 83.

¹⁷ Игумен Гавриил (Ильин) был несколько старше обвиняемого, ему уже 58 лет, но в Железноборовском монастыре он только с 1917 г., а до того был иеромонахом Галичского Паисиева монастыря.

¹⁸ ЦДНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 2398 с., л. 88.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, л. 27.

²¹ Там же, л. 81.

²² Там же, л. 94–95.

²³ О них подробнее см.: Сизинцева Л. И. Голоса // Губернский дом. – 1994. – № 3. – С. 51–54; За Христа пострадавшие. – М.: Изд-во Богословского ин-та свт. Тихона, 1998; Пустынница Ангелина, о. Иоасаф и

блаженная схимница Вера // Русский паломник / Валаамское общество Америки. – 1998. – № 18. – С. 152–157.

²⁴ ЦДНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 2398 с., л. 11.

²⁵ Там же, л. 105, 103.

²⁶ Там же, л. 1.

²⁷ Всеволод Т. Суд над руководителями Железно-Боровского монастыря // Боро-на. – 1929. – № 68. – 26 июня. – С. 2–3; 17 июля.

И. Х. Тлиф

К ИСТОРИИ РОДА СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИОАННА КАСТОРСКОГО*

Архивное исследование показало, что о. Иоанн принадлежал старинному духовному роду, истари укорененному на солигаличской земле. В документах переписи сохранилась следующая запись о его прадеде Филиппе: «...из духовных Успенской церкви села Нижний Березовец Усольского [Солигаличского] духовного правления».

Березовцов в Солигаличском уезде было два – Верхний и Нижний. Оба располагались по течению реки Костромы, оба известны издревле и входили в старую Березовецкую волость. Селения длительное время принадлежали монастырям: Верхний Березовец – Троице-Сергиеву (туда не раз жаловал залесские земли царь Иоанн Грозный), Нижний Березовец – московскому Симонову монастырю (туда на помин души отписывал солигаличские деревни великий князь Дмитрий Донской). Оба села разорялись татарами, о чем имеются летописные свидетельства (1536): «приходили татарове и черемисы на Унжу, да на Чухлому, да к Галичу, оттуда пошли на Залесье, да на два Березовца...» Бывали здесь и поляки с литовца-

ми. У Нижнего Березовца по сей день сохранились остатки земляного вала, которые, по предположениям историков, были частью древнего укрепления. Согласно документам переписи 1627 года, Нижний Березовец был погостом: «Погост Успенский, а на погосте храм Успения Пресвятой Богородицы, да другой храм великомученицы Параскевы».

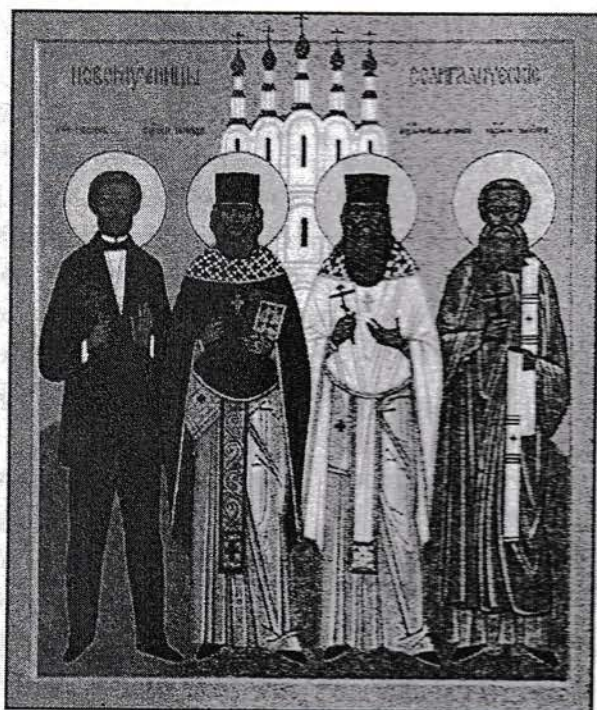
Храмы в то время были деревянными.

Документы не донесли до нас ни должности, в которой служил Филипп, ни его отчества, известно лишь, что родился он около 1759 года, был женат на Ирине Ивановне, в браке родил Андрея и Дарью и оставил бранный мир до 1811 года. Прах его упокоился возле церкви в Нижнем Березовце.

Первый каменный храм построили в 1823 году, во время службы в селе Андрея Филипповича [Касторского] (ок. 1780 – до 1837) – деда свмч. Иоанна. Андрей Филиппович в документах писался без фамилии, церковную службу начинал дьячком, кончину же встретил диаконом, прожив немногим более полувека. Вероятно, и он принимал участие в возведении храма (строили всем приходом, не исклю-

* Благодарю Г. В. Брезгину, П. П. Резепина за помощь в выявлении источников по Касторским. – И.Т.

*Священномученики Солигаличские.
Икона 2000 года. Крайний справа – священномученик диакон
Иоанн Алексеевич Касторский (1848–1918)*

чая и причт) и, возможно, присутствовал при его освящении (ум. до 1837). Новую церковь поставили на высоком берегу реки Костромы, доминантой прибрежного ландшафта стала белая каменная колокольня, возведенная в едином ансамбле с храмом. В архитектурном отношении весь комплекс был выдержан в стиле классицизма. Храм, как и встарь, назывался Успенским, а в память о деревянной Параскевиной церкви был устроен придел.

Из детей Андрея Филипповича (жена Дарья Дмитриевна, р. 1779, ум. после 1815) известны Дмитрий, Тимофей, Алексей, Ульяна и Анна. С Андреевых сыновей начинается в этом роду фамилия «Касторский». Дмитрий Андреевич умер в отрочестве, Тимофей и Алексей окончили Солигаличское духовное училище (при поступлении в которое получили фамилию «Касторский»), после чего Алексей был определен в Нижний Березовец, а Тимофея в 1840 году встре-

чаем в селе Гусеве Солигаличского уезда, где он служил священником в Преображенской церкви. К тому времени он женился, родил трех сыновей-наследников, которые были воспитанниками епархиальных училищ (1840).

Алексей Андреевич прожил всю жизнь в Березовце, дослужился до диакона; в 1871 году он все еще числился служащим при храме, и возле него, вероятно, и похоронен по старой церковной традиции. Он был женат, но имя супруги, как и точная дата его кончины, не установлены. Известно, что в этой семье было не менее двух сыновей (о других детях точной информации нет). Младший, Петр, родился около 1833 года, окончил духовное училище в Солигаличе и поступил в духовную семинарию. Неизвестно, насколько хороши были его успехи, однако семинарии он не кончил и в самом начале учебы – «из нисшаго отделения» – вышел, опре-

делившись пономарем в Ильинскую церковь в селе Тутки. Затем служил дьячком в селе Верховье (и Тутки и Верховье относились к Солигаличскому уезду), а в 1864 году был рукоположен в сан диакона. Последнее место службы Петра Алексеевича – Крестовоздвиженская церковь в г. Солигаличе. Он был женат на Любви Васильевне, от брака с которой имел сына Геннадия и дочерей Александру и Анастасию.

Из послужного списка Геннадия Петровича ясно, что диаконами Касторские были назначаемы не случайно. Хороший диакон – украшение церковной службы. При слабых голосе и слухе в приличный храм диакону вход заказан – вся «музыкальная часть» службы держится на дьяконах. О способностях Геннадия Петровича говорит то, что карьера его началась с должности учителя пения в Солигаличском духовном училище. Рукоположенный во священника Солигаличского Рождественского собора, он был весьма замечен и на ниве народного просвещения. Наблюдатель церковно-приходских школ Солигаличского уезда, секретарь Солигаличского отделения епархиального училищного совета, законоучитель Солигаличских 2-классного женского и приходского училищ – вот должности, которые он совмещал с церковной службой. Добавим, что все его дети – Сергей, Борис, Наталья и Нина – родились в г. Солигаличе в конце 1890 – начале 1900-х годов, их мать, жену Геннадия Петровича, звали Варвара Ивановна (ок. 1868 – не ран. 1902).

Дальнейшая судьба этой семьи по документам не прослеживалась.

Старший сын Алексея Андреевича – Иван – родился в селе Нижний Березовец около 1848 года. Выпускник Солигаличского духовного училища, 20 ноября 1864 года он был «определен на сторожевское место к Солигаличскому Успенскому собору», 25 августа 1867 года получил дол-

жность причетника, 29 сентября 1868 года посвящен в стихарь. Через 12 лет (14.12.1880 г.) его перевели в диаконы на псаломщической вакансии в церковь Богородицко-Феодоровского женского монастыря, где он и служил до конца жизни. Ни в какое время «собственного имения» у него «не было», зато при «отлично-хорошем поведении» он «очень хорошо» владел «пением, чтением и катехизисом». Служба его была отмечена серебряной медалью в память царствования императора Александра III и юбилейными крестом и медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых.

О его жене, Александре Лазаревне (ок. 1848 – до 1902), информации на сегодняшний день немного. Исходя из указанного в ведомостях возраста родилась она около 1848 года, была обучена азам грамоты («читать умеет»), в клире березовецкого храма родственников не имела. В супружестве родила четверых детей (о других детях точных сведений нет): Александра (ок. 1870 – после 1926), Павла (15.01.1876 – не ран. 1912), Евдокию (ок. 1878 - ?) и Веру (15.08.1878 – после 1916). В документах 1901/02 года Иван Алексеевич Касторский значится уже вдовым. На руках у него остались Павел – учащийся выпускного класса духовной семинарии (впоследствии чиновник Костромской казенной палаты, старший бухгалтер Солигаличского уездного казначейства), незамужняя дочь Евдокия и младшая, тринадцатилетняя Вера. Старший сын – Александр Иванович – в 1881 году (после Солигаличского духовного училища) был принят псаломщиком, затем пономарем Николаевской церкви в селе Верховье. Усердие его во время всеобщей народной переписи 1897 года было отмечено темнобронзовой медалью, в дальнейшем он был награжден светлобронзовой медалью в честь 300-летия царствования Дома Романовых. В нача-

ле 1900-х годов Александр Иванович получил свидетельство на право преподавания в церковно-приходских школах, в 1917 году он – священник верховской церкви св. Николая Чудотворца.

Отец их, Иван Алексеевич Касторский, по-прежнему служил диаконом Николаевской церкви в Богородицко-Феодоровском монастыре. В отличие от родного храма – Успенья в Нижнем Березовце – последнее место службы не имело столь долгой истории. Монастырь был молодой. Основанный в 1860 году помещицей Нащекиной (в 2 км от Солигалича) он буквально кипел энергией. В год основания община (официальный статус получен в 1872 году) располагала единственным деревянным домом, где к 1869 году устроили домовую церковь в честь всероссийской святыни Феодоровской иконы Богоматери. Далее все годы, вплоть до 1918-го, прошли под знаком украшения и строительства обители. В 1878 году возводят каменную холодную Троицкую церковь с приделами Введения и Игнатия Ростовского; в 1889 году перестраивают кладбищенскую деревянную часовню в Успенскую церковь: в 1889–1892 годы – поднимают новую каменную колокольню; в 1893–1900 годы – в единой композиции с колокольней встает каменная теплая церковь Феодоровской Божьей матери с приделами: Богоявления, Архангелов и Федора Студита.

Что дальше?

Неутомимые сестры во главе с настоятельницей (в 1891 г. община преобразована в общежительный монастырь) устраивают двухэтажные сестринский корпус, дом причта (где жил и диакон Иоанн Касторский), богадельню; одноэтажные – настоятельский корпус, трапезную для сестер, баню с прачечной, хлебопекарню; разрастаются хозяйственные постройки: конюшня, скотный двор, сараи. За оградой обители строится кирпичное здание – гостиница.

Что дальше?

Это преобразующее, одухотворенное кипенье происходит на глазах о. Иоанна Касторского, который, по причине соучастия, вполне мог считать расцветающий монастырь и своим детищем.

Что дальше?

То, что новый монастырь успели полюбить и в городе, и в ближайших окрестностях, сомнений не вызывало. Может, потому и выбрала его первым объектом разорения власть, пришедшая в октябре 1917 года. 26 февраля 1918 года – день, назначенный местными Советами для реквизиции «хлебных излишков» в Богородице-Феодоровском монастыре. Все понимали: власть привлекает монастырское имущество и обители грозит полное разорение.

Эта трагическая страница костромской истории подробно описана в документах архивов (ГАКО, ГАНИКО), в статье Н. А. Зонтикова «Пальнем-ка пулей в Святую Русь», я же почти цитирую книгу архиепископа Костромского и Галичского Александра «Священномученик протоиерей Иосиф Смирнов (1864–1918)» (Кострома, 2003).

События развивались стремительно. 26-го в монастырь собралось более 600 человек из города и деревень, давших подъехавшим реквизиторам серьезный отпор. После стихийного собрания в трапезной защитники обители с иконами и хоругвями двинулись в Солигалич с требованием отменить реквизицию монастырского имущества. В многолюдном, разраставшемся на ходу шествии участвовало и местное духовенство, среди них настоятель Богородице-Рождественского собора Иосиф Сергеевич Смирнов; заштатный священник, служивший в селе Солда Солигаличского уезда, Владимир Иванович Ильинский, а также не имеющий духовного сана выпускник Санкт-Петербургской духовной акаде-

мии и смотритель Солигаличского духовного училища статский советник Иван Павлович Перебаскин. Не мог не участвовать в защите монастыря и его старый диакон Иоанн Алексеевич Касторский.

... Две жертвы – с той и другой стороны – предрешили трагическую развязку мирной манифестации.

22 февраля / 7 марта карательный отряд, прибывший из Вологды (Вятки?), привел в исполнение приговор Солигаличского трибунала относительно солигаличских «мятежников». Глубо-

кой ночью на территории Никольского тюремного храма были расстреляны «виновники восстания», всего 21 человек. Утром 8 марта расстрелянных похоронили в братской могиле на городском кладбище у стен Петропавловской церкви. Старшим из убиенных был восьмидесятипятилетний о. Владимир Ильинский; о. Иоанн Касторский на момент мученической кончины «от роду имел семьдесят лет».

... Страна вступала в эру кровавых репрессий и террора, последствия которых непредсказуемы до сих пор.

**ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО
И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II МНОЮ С БЛАГОСЛОВЕНИЕМ И ЛЮБОВЬЮ
ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ:**

1. Протоиерея Иосифа Смирнова, иерея Владимира Ильинского, диакона Иоанна Касторского и мирянина Иоанна Перебаскина, принявших мученическую кончину за Имя Христово 22 февраля / 7 марта 1918 года в городе Солигаличе, ПРИЧИСЛИТЬ К ЛИКУ МЕСТНОЧТИМЫХ СВЯТЫХ Костромской епархии.

2. Честные останки святых угодников Божиих, захороненные на городском кладбище Солигалича и почивающие близ храма во имя святых первоверных апостолов Петра и Павла, именовать отныне святыми мощами, под спудом пребывающими.

3. Составить сим новомученикам особую службу для местного употребления, а до составления таковой отправлять общую по чину мученическому.

4. Имена новопрославленных святых включить в Собор Костромских святых (день празднования 23 января / 5 февраля, а память им праздновать в день их мученической кончины 22 февраля / 7 марта).

5. Писать новопрославленным мученикам честные иконы для поклоне-

ния согласно определению VII Вселенского Собора.

6. Напечатать жития мучеников для назидания чад Православной Церкви в стоянии за веру Христову.

7. О сей благой и благодатной радости прославления новомучеников возвестить духовенству и мирянам Костромской епархии.

Предстательством и молитвами Солигаличских новомучеников: священномучеников протоиерея Иосифа, иерея Владимира, диакона Иоанна и мученика Иоанна да укрепит Господь православную веру среди чад Церкви на богохранимой Костромской земле.

АМИНЬ.

Божией милостью смиренный

АЛЕКСАНДР,

*Архиепископ Костромской и Галицкий
14/17 марта 2000 года, град Кострома*

В августе 2000 года местночтимый святой о. Иоанн и все солигаличские новомученики вошли в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Поколенная роспись рода Касторских

I

1. **Филипп** (ок. 1759 – до 1811) – из духовных Успенской церкви с. Нижний Березовец Усольского (Солигаличского) духовного правления.

Жена: Ирина Ивановна (ок. 1759 – после 1815). (ГАКО, ф. 200, б/ш, д. 22, л. 739 об. – 740).

II

2–1. **Андрей Филиппович** (ок. 1780 – до 1837). В – 1815 г. дьячок Успенской церкви с. Нижний Березовец Усольского духовного правления. В 1837 г. – *«умерший диакон Успенской церкви села Нижний Березовец»* (1-й Солигаличский благочиннический округ).

Жена: Дарья Дмитриевна (ок. 1879 – после 1814). (ГАКО, ф. 200, б/ш, д. 22, л. 739 – 740; ф. 432, оп. 1, д. 705, л. 22 об – 23).

3–1. Дарья Филипповна (ок. 1786 – после 1815). (ГАКО, ф. 200, б/ш, д. 22, л. 740).

III

4–2. Дмитрий Андреевич (1801–1813) (ГАКО, ф. 200, б/ш, д. 22, л. 739 об.).

5–2. Тимофей Андреевич Касторский (ок. 1807–1888). В (?) – 1915 г.: *«обучается в Солигаличском уездном училище»*. В 1840 г. – свящ. Преображенской церкви с. Гусево Солигаличского уезда (3-й округ). (ГАКО, ф. 200, б/ш, д. 22, л. 739–740; ф. 432, оп. 1, д. 2342, б/н; ф. 130, оп. 1, д. 194).

6–2. **Алексей Андреевич Касторский** (ок. 1810 – ?) – в 1815 г.: дома при отце. В 1848 г.: диакон Успенской церкви с. Нижний Березовец Солигаличского уезда Костромской губернии (ГАКО, ф. 200, б/ш, д. 22, л. 739 об – 740; ф. 432, оп. 1, д. 705, л. 22 об. – 23; ф. 130, оп. 9, д. 2323, л. 84 об.; Алфавитный список священников и диаконов Костромской епархии с указанием церквей, при которых каждый из них состоит на службе. – Кострома: типогр. Андроникова, 1871).

7–2. Анна Андреевна (ок. 1803 – ?) (ГАКО, ф. 200, б/ш, д. 22, л. 739 об. – 740).

8–2. Ульяна Андреевна (ок. 1805 – ?) (ГАКО, ф. 200, б/ш, д. 22, л. 740).

IV

9–5. Касторский Павел Тимофеевич (ок. 1829 – ?) В 1840 г. – учащийся низшего отд. Солигаличского духовного училища (ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 902, л. 46 об.).

10–5. Касторский Владимир Тимофеевич (? – ?) 1855 г. – учащийся Солигаличского духовного училища (подпись в присяжном листе на верность имп. Александру Николаевичу) (ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 1777, б/н).

11–5. Касторский Алексей Тимофеевич (ок. 1834 – не ран. 1900). В 1864–1871 г.: диакон Преображенского собора г. Галича. В 1879–1900 гг. – свящ. Богородицкой церкви с. Богородского (справоч. КЕВ) (ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 2342, б/н; ф. 130, оп. 1, д. 194, б/н).

12–6. **Иоанн Алексеевич Касторский** (ок. 1848–1918) – нвмч., 14.03.2000 г. – месточтимый святой. В августе 2000 г. причислен к Собору новомучеников и исповедников Российских.

Родился в с. Нижний Березовец Солигаличского уезда. В 1864 г. окончил Солигаличское духовное училище. В 1864 г., 20 ноября – *«определен на сторожевское место к Солигаличскому Успенскому собору»*. В 1867 г., 25 августа – причетник собора. В 1868 г., 29 сентября – посвящен в стихарь. В 1880, 14 декабря – перемещен в диакона на вакансии псаломщика к Богородицко-Феодоровской женской общине Солигаличского уезда (при д. Ратьково). В 1902–1916 гг.: собств. имение – *«не имеет»*; чтение, пение, катехизис – знает *«хорошо очень»*; поведение – *«оч. хорошаго»*; *«судим и штрафован не был»*.

Награды: серебряная медаль в память царствования имп. Александра III. Юбилейные знаки: крест и медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых.

Жена: Александра Лазарева [вна] (ок. 1848 – до 1901) – «читать умеет».

22 февраля / 7 марта 1918 г. расстрелян за участие в «солигаличском восстании» против реквизиции местными Советами имущества Богородицко-Феодоровского женского монастыря.

Похоронен в братской могиле 8.03.1918 г. у стен Петропавловского храма.

Канонизирован в 2000 г.

День памяти празднуется 7 марта (в день мученической кончины о. Ионна).

(ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 2323, л. 84 об. – 85; д. 2325, л. 84 об. – 85; д. 2379, л. 115 об. – 117; оп. 10, д. 544, л. 1; ГУ ГАНИКО, ф. Р-3656, оп. 3, д. 2; Александр, Архиепископ Костромской и Галичский. Священномученик протоиерей Иосиф Смирнов (1864–1918). – Кострома, 2003. – С. 48–50, 63–67).

13–6. Петр Алексеевич Касторский (ок. 1833 – от 1889 до 1905). Родился в с. Нижний Березовец.

КДС: вышел из низшего отделения. В 1851 г., 15 декабря – пономарь Ильинской церкви с. Тутки Солигаличского уезда в 1853 г., 22 марта – посвящен в стихарь. В 1854 г., 21 января – дьячок Николаевской церкви с. Верховья. В 1864 г., 22 марта – диакон, там же. В 1884 г., 10 декабря – диакон Крестовоздвиженской церкви г. Солигалича.

Жена: Любовь Васильевна (ок. 1837 – не ран. 1905) – «образование домашнее; читать и писать умеет».

(ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 2262, л. 23 об. – 24; д. 2321, л. 7 об.; д. 2340, л. 44).

V

14–11. Иван Алексеевич Касторский (ок. 1854 – ?). С 04.09.1864 г. – учащийся низшего отделения Галичского духовного училища (9 лет): поведения «очень хорошаго»; «способен к продолжению учения»; учится «на собственном содержании» (ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 2342, б/н.; ф. 130, оп. 1, д. 194).

15–12. Александр Иванович Касторский (ок. 1870 – после 1926). 06.06.1886 г.: окончил Солигаличское духовное училище.

В 1881 г., 2 декабря: сверхштатный псаломщик Николаевской церкви с. Верховья Солигаличского уезда: «местные священники, в силу предоставленного им права, изъявили свое согласие на принятие Касторского сверхштатным псаломщиком, с тем, чтобы он за исполнение псаломщических обязанностей при обоих священниках пользовался существующими в приходе поручными сборами хлебом и деньгами, но нисколько бы не касался денежных доходов из братской кружки, предоставляя ему право пользования пономарскою частью земли, как пахатной, так и сенокосной».

В 1891 г., 17 февраля – посвящен в стихарь. С 1896 г., 16 ноября – пономарь Николаевской церкви с. Верховья. Имел свидетельство на звание учителя церковно-приходских школ.

Награды: темнобронзовая медаль за труды по всеобщей народной переписи 1897 г.; светлобронзовая медаль в честь 300-летия царствования Дома Романовых.

С 1917 г. – лишен избирательных прав, как служитель культа. В 1928 г. – священник с. Верховье.

Жена: Мария Александровна (15.12.1868 – после 1926). С 1926 г. лишена избир. прав, «как жена служителя культа».

(ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 2262, л. 97 об. – 98; д. 2263, л. 5 об. – 6; д. 2323, л. 84 об. – 85; д. 2377, л. 23 об. – 24; р. 6, оп. 3, д. 74, л. 56 об.; оп. 5, д. 18, л. 97 об.).

16–12. Павел Иванович Касторский (15.01.1876 – ?). Родился в г. Солигаличе.

Выпускник Солигаличского духовного училища: в 1889 г.: «обучается в 4 классе Солигаличского духовного училища». В 1901 г. – окончил Костромскую духовную семинарию; 14.07.1901 г. – «по окончании курса в Костромской духовной семинарии служит в Костромской Казенной палате»; 13.09.1902 г. – помощник столоначальника; 01.07.1904 г. – старший помощник бухгалтера палаты; 09.09.1906 – 1913 гг. – старший бухгалтер Солигаличского уездного казначейства.

Чины: коллежский регистратор (1907), губернский секретарь (1909), коллежский

секретарь (1911–1913). (ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 2262, л. 97 об. – 98; д. 2323, л. 84 об. – 85; ф. 200, оп. 7, д. 426, б/н; Справочные книжки и календари Костромской губернии. – Кострома, 1907. – С. 127; 1909. – С. 230; 1911. – С. 268; 1912. – С. 268; 1913. – С. 212).

17–12. Евдокия Ивановна Касторская (ок. 1878 – после 1916). В 1889 г.: «обучается в 2-классном женском училище г. Солигалича». До 1915 г.: «замужем за псаломщиком» (ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 2262, л. 97 об; д. 2379, л. 117).

18–12. Вера Ивановна Касторская (15.08 1887 – после 1916). В 1902–1906 гг. «обучается в Костромском епархиальном женском училище»: В 1907 г. – учительница церковно-приходской школы в с. Верховье. В 1915 г.: «девица; состоит учительницей Бурдуковского начального училища Солигаличского уезда». В. 1916 г. – «учительница; в замужестве за учителем». (ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 2323, л. 84 об. – 85; д. 2325 л. 84 об. – 85; д. 2347, л. 101 об. – 102; д. 2379, л. 117; д. 2381, л. 128).

19–13. Касторский Геннадий Петрович (ок. 1870 – ?). Родился в с. Верховье в 1890 г.: КДС (2 разр.).

В 1890 г., 9 августа – учитель пения Солигаличского духовного училища. В 1893 г., 8 мая – 1905 г.: свящ. Богородице-Рождественского собора г. Солигалича. В 1896 г., 12 августа – наблюдатель церковно-приходских школ Солигаличского уезда. В 1897 г., 5 февраля – секретарь Солигаличского отделения Костромского епархиального училищного совета. В 1898 г., 10 сентября – законоучитель Солигаличского городского 2-классного женского училища. В 1901 г., 1 июня – законоучитель «Александровского женского преобразованного в приходское училища в г. Солигаличе со дня его образования 1 июня 1901 г.» Участвует в эмеритуре Костромского духовенства по 5-му разряду.

Награды: в 1898 г., 2 января – набедренник; в 1900 г., 18 декабря – скуфья; в 1897 г., 28 июня – темнобронзовая высочайше утвержденная медаль на ленте из государственных цветов (свидетельство

МВД за № 072559) – «за труды по Первой Всеобщей переписи населения 1897 г.»; серебряная медаль – «за службу в царствование императора Александра III».

Жена: Варвара Ивановна (ок. 1868 – не ран. 1902).

(ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 2321, л. 8 об. – 9).

20–13. Александра Петровна Касторская (ок. 1855 – не ран. 1889). В 1889 г.: «в замужестве за солигаличским мещанином Вороновым» (ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 2262, л. 24 об. – 25).

21–13. Анастасия Петровна Касторская (ок. 1871 – после 1889). В 1889 г.: «образования домашнего; читать и писать умеет» (ГАКО, ф. 1340, оп. 9, д. 2262, л. 24 об. – 25).

VI

22–14. Александра Ивановна Касторская (ок. 1891 – после 1907) (ГАКО, ф. 130, оп. 1, д. 194, б/н).

23–15. Ростислав Александрович Касторский (12.12.1899 – ?). В 1915 г.: 1-й класс КДС. В 1928 г., 31 декабря: в Солигаличской уездной избирательной комиссии «СЛУШАЛИ: Жалобу гр-на Касторского Р. А. /с. Верховье/ на неправильное лишение его избирательных прав, т.к. он, хотя и проживает с отцом своим, являющимся служителем культа, но в материальной зависимости от него не находится. Предложить сельхозкомиссии Кожуховского с/сов. установить, находится ли гр-н Р. Касторский в материальной зависимости от отца, или же действительно самостоятельный заработок гр-на Касторского от занятия его общественно-полезным трудом, соответствует уровню жизни данной семьи, имея в виду, что лишь при последнем условии эти лица могут быть признаны материально независимыми» (р. 678, оп. 5, д. 19, л. 181 об.).

(ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 2377, л. 93 об. – 94).

24–15. Ольга Александровна Касторская (13.05.1892 – ?). В 1915 г.: «учительница Великовского земского училища Солигаличского уезда» (ГАКО, ф. 13) оп. 9, д. 2377, л. 94).

25–12. Глафира Александровна (1.06.1907 – ?). В 1915 г.: «обучается в начальном училище». После 1917 г. лишена избирательных прав, как «дочь служителя культа» (ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 2377, л. 94; р. 6, оп. 3, д. 74, л. 56 об.; р. 6, оп. 5, д. 18, л. 97 об.).

26–19. Сергей Геннадьевич Касторский (ок. 1894 – ?). Родился в г. Солигаличе (ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 2321, л. 8 об. – 9).

27–19. Борис Геннадьевич Касторский (ок. 1902 – ?). Родился в г. Солигаличе (ГАКО, там же).

28–19. Наталья Геннадьевна Касторская (ок. 1895 – ?). Родилась в г. Солигаличе (ГАКО, там же).

29–19. Нина Геннадьевна Касторская (ок. 1898 – ?). Родилась в г. Солигаличе (ГАКО, там же).

II. П. Резепин

КОСТРОМСКИЕ КРАЕВЕДЫ-МОНАХИ

АДРИАН

(Александр Андреевич Демидович)
(1871–?)

Гын священника Херсонской епархии. Выпускник Елисаветградского духовного училища (1886), Одесской духовной семинарии (1892) и Киевской духовной академии (1896). Постриженник Киево-Печерской лавры (19.04.1896). Учитель гомиетики Полтавской духовной семинарии (с 26.10.1896) и смотритель Богуславского духовного училища Киевской епархии (с 13.02.1898). Игумен (с 05.03.1902) и архимандрит (с 22.07.1902) арзамасского Спасского монастыря Нижегородской епархии. Настоятель домового храма российской дипломатической миссии в г. Тегеране (с 01.06.1904) и Николаевского Бабаевского монастыря Костромской епархии (28.03.1906–22.08.1907). Автор некролога ректору Костромской и Пензенской духовных семинарий Николаю (Орлову Никанору Викторовичу) (1874–1907), уроженцу Новгородской епархии.

Соч.: Памяти убитого ректора архимандрита Николая // Новгородские епархиальные ведомости. – 1907. – № 33, часть неофиц. – С. 1047–1051.

Арх.: ГАКО, ф. 131, оп. 1, д. 264, л. 5 об.–6.

АНТОНИЙ

(конец XVI – 1-я половина XVII в.)

Игумен Благовещенского Монзенского (ок.1615), Николаевского Кажировского (ок.1617) и Солигаличского Воскресенского (1618–1649) монастырей. Автор жития Ферапонта Монзенского (1610-е), утраченного во время пожара в Солигаличе (27.06.1649).

Лит.: Вкладная книга Троице-Сергиевой лавры. – М., 1987. – С. 232; Словарь книжников и книжности Древней Руси. – СПб., 1992. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 328; Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1871. – С. 330; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб., 1877. – Стб. 881; Титов А. А. Упраздненные монастыри Костромской епархии. – М., 1909. – С. 2, 29, 37.

АНТОНИЙ

(конец XVI – 1-я половина XVII в.)

Инок Благовещенского Монзенского и игумен вологодского Спасо-Прилуцкого (1632–1644) монастырей. Духовник (1610-е) и автор жития (1620-е) Адриана Монзенского, утраченного им при переправе через Северную Двину.

Лит.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. – СПб., 1992. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 328; *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1871. – С. 329; *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб. 1877. Стб. 738; *Суворов Н. И.* Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. – СПб., 1884. – С. 34.

АНТОНИЙ
(XVII в.)

Постриженник (1626), строитель (1630-е) и игумен (1640?–1660) Благовещенского Монзенского монастыря. Автор жития Ферапонта Монзенского (не ранее 1649).

Соч.: Сказание о жизни и чудесах Преподобного и Богоносного отца нашего Ферапонта Монзенского чудотворца / сост. священником Геннадием Котельским. – Кострома, 1874; То же. – 2-е изд. – Ярославль, 1896.

Лит.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. – СПб., 1992. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 328; *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1871. – С. 329; *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб., 1877. – Стб. 881; *Титов А. А.* Упраздненные монастыри Костромской епархии. – М., 1909. – С. 29.

АНТОНИЙ МОСКВИТЯНИН
(1-я половина XVIII в.)

Иеродиакон. Составитель книги вкладов костромского Ипатьевского монастыря (1728).

Лит.: *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. – СПб., 1900. – Т. 1. – С. 87; *Он же.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней). – 2-е изд., совершенно перераб., илл. Предварительный список русских

писателей и ученых и первые о них справки. – Пг., 1915. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 26; *Островский П. Ф.* Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. – Кострома, 1870. – С. 34; *Титов А. А.* Материалы для биобиблиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии (по рукописи костромского ученого протоиерея М. Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда»). – М., 1892. – С. 8.

АФАНАСИЙ

(1-я половина XVII в.)

Монах и автор синодика (1633–1638) Макариева Унженского монастыря.

Лит.: *Херсонский И. К.* Летопись Макариева Унженского монастыря Костромской епархии. – Кострома, 1888. – Вып. 1. – С. IV–V.

АФАНАСИЙ

(Дроздов Александр Васильевич)
(1800–07.12.1876)

Уроженец с. Умриненки Белевского у. Тульской г. Сын священника Василия Аврамова. Выпускник Тульской духовной семинарии (1820) и Московской духовной академии (1824). Магистр богословия (20.10.1824). Постриженник Троице-Сергиевой лавры (16.12.1823). Бакалавр по классу чтения Св. Писания (21.11.1824) и преподаватель английского языка (с 1827) Московской духовной академии. Ректор Пензенской духовной семинарии и архимандрит Слободского Крестовоздвиженского монастыря (с 23.08.1828), ректор Костромской духовной семинарии и архимандрит Костромского Богоявленского монастыря (с 17.07.1829), ректор Рязанской духовной семинарии и архимандрит Рязанского Спасского монастыря

(с 01.12.1837), ректор Херсонской духовной семинарии и архимандрит Одесского Успенского монастыря (с 04.04.1840), ректор Санкт-Петербургской духовной академии и архимандрит Ярославского Толгского (с 14.04.1841) и Ростовского Богоявленского (с 24.04.1841) монастырей. Епископ Винницкий, викарий Подольский (с 15.08.1842). Епископ Саратовский и Царицынский (с 13.01.1847). Епископ (с 15.04.1856) и архиепископ (с 23.03.1858) Астраханский и Енотаевский. Кавалер орденов Св. Анны I–II степени и Св. Владимира III степени. Член-корреспондент статистического отделения совета Министерства внутренних дел (с 01.12.1832) и действительный член Императорского Одесского общества истории и древностей (с 24.10.1839). Был уволен на покой в Болдинский Покровский монастырь Астраханской епархии (06.04.1870). Погребен в Астраханском Успенском кафедральном соборе. Свою нумизматическую коллекцию пожертвовал Московской духовной академии, а библиотеку, гербарий и минералогический кабинет завещал Казанской духовной академии и Астраханской духовной семинарии.

Соч.: Исторические известия о Костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX век. – СПб., 1837; То же. – 2-е изд. – М., 1887.

Лит.: Православная богословская энциклопедия. – СПб., 1903. – Т. 2. – Стб. 108; Православная энциклопедия. – М., 2001. – Т. 3. – С. 712–713; Русский биографический словарь. – СПб., 1900. – Т. 2. – С. 170; Энциклопедический словарь. – СПб., 1905. – Т. 1 доп. – С. 188; Списки архиереев иерархии Всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895). – СПб., 1896. – С. 36; Списки студентов, окончивших полный курс Императорской

Московской духовной академии за первое столетие ее существования, 1814–1914. – Сергиев Посад, 1914. – С. 10; *Баженов И. В.* Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь: ист. очерк. – Кострома, 1895. – С. 44; *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. – СПб., 1900. – Т. 1. – С. 131; *Он же.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). – СПб., 1899. – Т. 1. – С. 853–854; *Он же.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней). – 2-е изд., совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. – Пг., 1915. – С. 36; *Он же.* Русские книги. – СПб., 1897. – Вып. 10. – С. 468; *Головщиков К. Д.* Деятели Ярославского края. – Ярославль, 1899. – Вып. 2. – С. 234–235; *Макарий, архим.* Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии. – М., 1863. – С. 237–238; *Родосский А. С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов Санкт-Петербургской духовной академии, 1814–1869. – СПб., 1907. – С. XVI; *Смирнов С. К.* История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). – М., 1879. – С. 31–32, 71, 81, 237, 308, 386, 408, 420–421, 534; *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб. 1877. – Стб. 312, 341, 420, 491, 550, 855, 1023; *Сырцов И. Я.* 150-летие Костромской духовной семинарии. – Кострома, 1897. – С. 45; *Титов А. А.* Материалы для био-библиографического словаря: Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии (по рукописи костромского ученого протоиерея М.Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда»). – М., 1892. – С. 9–10; *Толстой Ю.* Список архиереев и архиерейских кафедр иерар-

хии Всероссийской со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1871). – СПб., 1872. – С. 39; *Чистович И.* История Санкт-Петербургской духовной академии. – СПб., 1857. – С. 335, 343; Некролог // Астраханские епархиальные ведомости. – 1876. – № 51–52.

Арх.: ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 417, л. 22–25.

ВИССАРИОН

(Ильинский Всеволод Васильевич)
(1850–?)

Сын псаломщика Костромской епархии. Выпускник Костромской духовной семинарии (1872). Священник Никольской церкви села Ногатино Галичского уезда и Богородицкой церкви при доме призрения бедных г. Кинешмы (с 23.02.1873). Законоучитель Богородицкого (с 13.01.1873) и Кинешемского женского двухклассного (с 13.12.1875) училищ. Священник Введенской церкви с. Колшево Кинешемского (с 23.02.1877) и Христорождественской церкви с. Рождественское Ветлужского (с 23.05.1879) уездов. Наблюдатель церковно-приходских школ 5-го Ветлужского округа (27.08.1885–24.07.1896) и Ветлужского уезда (24.07.1896–11.1903). Законоучитель Рождественской церковно-приходской школы (01.01.1886–02.10.1895) и Рождественского народного училища (02.10.1892–01.06.1910). Член (с 04.02.1901) и председатель (с 10.03.1908) Ветлужского уездного епархиального училищного совета. Священник Спасо-Подвязной церкви Костромы (с 01.06.1910). Член Костромской духовной консистории (14.07.1910–11.11.1910). Послушник (18.11.1911), постриженник (23.11.1911), настоятель (с 17.12.1911) и архимандрит (с 24.12.1911) Николаевского Бабаевского монастыря Костромской епархии. Заведующий Николаевской церковно-

приходской школой (с 06.01.1912). Игумен (с 1913) и архимандрит (с 1915) Макариева Унженского монастыря Костромской епархии. Кавалер орденов Св. Анны II–III степени, Св. Владимира IV степени и др. Удостаивался также благодарностей попечителя Московского учебного округа. Действительный член Костромского Феодоровско-Сергиевского братства. Корреспондент газеты «Костромские епархиальные ведомости». Автор некролога игумену и архимандриту Макариева Унженского монастыря Иову (Харламову Ивану Семеновичу) (1837–1915). Собранные им материалы были также использованы в книге В. А. Андроникова «Свадебные причитанья Костромского края со стороны содержания и формы» (Кострома, 1904).

Соч.: Избрание епископов в древней церкви // Костромские епархиальные ведомости. – 1891. – № 11; Священно-архимандрит Иов // Костромские епархиальные ведомости. – 1915. – № 8. – С. 148–150.

Лит.: Алфавитный список церквей Костромской епархии с показанием имен, отчеств и фамилий священников и диаконов, состоящих при оных на лицо. – Кострома, 1879. – С. 85; Утвержденные Святейшим Правительствующим Синодом штаты приходских церквей Костромской епархии, с указанием положенного при них состава причтов и приложением руководственных правил по введению сих штатов в действие. – Кострома, 1890. – С. 251; Андроников В. А. Свадебные причитанья Костромского края со стороны содержания и формы. – Кострома, 1904. – С. 3, 8, 12, 16, 20; Сырцов И. Я. 150-летие Костромской духовной семинарии. – Кострома, 1897. – С. 77.

Арх.: ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 3776, л. 1 об. – 6; д. 3840, л. 1–5.

(Продолжение следует)

И. А. Едошина

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В СКАЗКЕ Е. В. ЧЕСТНЯКОВА «ЧУДЕСНОЕ ЯБЛОКО»

Как личность Ефим Васильевич Честняков (1874–1961) сформировался до перевернувших Россию событий октябрьского большевистского переворота. Одаренный от природы тяготением к художеству, он был явно чужд крестьянской жизни, потому стремился, получив образование, с ней расстаться. Пребывание и обучение в Петербурге, знакомство с художниками, посещение выставок и просто большой, а тогда еще и столичный город навсегда остались в памяти Честнякова как другой, самобытный и прекрасный мир, с которым судьба дала возможность соприкоснуться.

Отсутствие средств заставило его вернуться в родные места, где он так и не стал крестьянином, а занялся совершенно немислимым для деревенских жителей занятием: художеством. Потому большинство земляков видели в нем местного дурачка. Да и за пределами земель кологривских – тоже. Когда в начале 1950-х годов Честняков попытался стать членом Костромского союза художников, он получил высокомерный отказ. Так он и оказался ни в тех ни в сех. Свое «между-пребывание» художник, скорее всего неосознанно, запечатлел в им самим построенной двухэтажной «шалашке»: внизу помещение для летних спектаклей, потом по приставной лестнице вверх – к себе, куда дозволялось войти (точнее, втиснуться) только тем, в ком находила отклик его страдальческая душа.

Среди чуждой ему жизни только природа и деревенские дети скрашивали существование Честнякова. Он искренне верил, что если детей с малых лет приобщить к искусству, из них вырастут другие люди, которым будет дано построить

город Благоденствия. Потому Честняков писал тексты чудесных историй для детей. Потом героев этих историй он изображал в «глинянках» – глиняных раскрашенных игрушках, писал декорации, погружал все в тележку, именуемую «ондрец», и ходил по деревням, показывая спектакли детям. Для них все и затевалось. Здесь важен самый факт – обращение к специфическому роду театрального действия, восходящему к вертепу, а следовательно, к библейским событиям. Потому образ яблока в подобном контексте выглядит вполне органично.

Хотя традиционно этот образ отсылает, например, и к известным эпизодам из древнегреческой мифологии: яблоко, подаренное Дионисом Афродите, яблоко раздора, яблоки Гесперид, яблоко Геи по случаю бракосочетания Геры с Зевсом и т. д. Или – к молодильным яблокам русских сказок. Или – к яблоку из «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина. А поскольку предметом исследования является сказка, то, казалось бы, именно в этот семантический ряд следует вписывать «Чудесное яблоко» Честнякова. Конечно, исключать определенное влияние на сказку Честнякова всех названных сюжетов вряд ли следует. Однако есть и еще один источник, который, может быть, не лежит прямо на поверхности, но отсылает и к тексту Библии, где во второй главе Бытия рассказывается о сотворении человека, вслед за которым Бог создает рай:

И насадил господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла (Быт. II, 8–9).

Далее Бог направляет из Едема в рай реку, разделившуюся на четыре потока, и поселяет человека «в саду Едемском», «чтобы возделывать его и хранить его»:

И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него смертью умрешь (Быт. II, 16–17).

Затем, дабы человек не чувствовал себя одиноким, рай населяется созданными, как и человек, из праха животными. Более того, Бог предоставляет человеку возможность со-участия в творении райского сада через называние «всех животных полевых и всех птиц небесных»: все, что получает имя, обретает бытийствование как отражение судьбы (в параллель напомним, «Энума элиш», один из древнейших текстов, открывается рассказом о недифференцированном состоянии мира, когда «ничто не названо, судьбой не отмечено»). Завершается творение райского сада созданием женщины из ребра мужчины как его части: «и будут (два) одна плоть» (Быт. II, 24). При этом человек имеет имя – Адам, а жена получит его только после грехопадения. Именно ее именем (Ева – жизнь) будет отмечено дальнейшее существование человечества.

Вся третья глава посвящена грехопадению – срыванию и вкушению плода с дерева познания добра и зла. По наущению змея жена срывает запретный плод, ест сама (изменяет свой внутренний состав) и дает мужу, который не отказывается, ибо – одна плоть, а следовательно, его состав тоже изменяется. Затем следует разоблачение, гнев Бога изливается на грешников. Для дальнейших рассуждений важным является финал третьей главы Бытия:

И сказал господь Бог: вот, Адам стал один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от

дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранить путь к дереву жизни (Быт. III, 22–24).

Как видим, в тексте Библии о яблоке нет ни слова, первые люди съедают некий плод. Но, повторю еще раз, традиционно под плодом понимается именно яблоко¹, как правило, символизирующее обольщение, некий соблазн.

Правда, сущностная семантика яблока-плода корректируется деревом, на котором оно произрастает. Среди всяких деревьев, приятных на вид, имеющих вкусные плоды, в Едемском саду Богом были посажены два *специальных*, особых дерева: дерево жизни (в центре) и, словно в противовес (Бог изначально дает человеку право выбора), другое – добра и зла. Плод с дерева жизни олицетворяет некое гармоническое мироустройство, внешним проявлением которого и была длительность, воплощенная в вечной жизни или в любой бесконечности, но без оттенка «дурной», порожденного уже человеческим сознанием, втиснутого в пределы *начала* и *конца* бытия. Собственно, эту *предельность* человек получает, сорвав плод (яблоко) с дерева познания добра и зла.

В «Чудесном яблоке»² Честнякова плод тоже поглощается, но удивительным образом не уменьшается, а сохраняет самоё себя, потому и соотносится с чудом. Созданию атмосферы чудесного способствуют говорящие птицы – сова и тетерев. Сова часто встречается на страницах Священного Писания, олицетворяя уединение и в то же время, по Моисееву закону, почитается нечистою³. Тетерев – особая птица в сказочном мире самого Честнякова – обладает особыми знаниями. Потому сова способна только звуками выражать свои мысли и чувства, а тетерев – законченными предложениями.

В свое время В. А. Сапогов отметил главную особенность работ художника: «По существу, все его картины... <...> ...изображают действия»⁴. Добавлю, что и вербальные тексты тоже основаны на действии, поскольку репрезентативность изначально замышлялась автором.

Уже в первой строке сказки «Чудесное яблоко» перед нами возникает мир, обильно заселенный людьми разных поколений, состоящими друг с другом в родстве и живущими под одной крышей. Типично сказочная формула «жили-были» отсылает к стародавним временам, чьи традиции гармоничного мироустройства устойчиво сохраняются в текущем потоке жизни.

Первая строка сказки – своеобразная ремарка: «Жили-были дедушко да бабушка, мужик да баба, и у них много ребят – парнеков и девонек»⁵. Отсутствие обозначения места действия, имен его участников придает событиям некий общий характер.

Пошел дедушко в лес дрова рубить и видит: стоит старая-старая яблоня, а на ней большее яблоко.

Если бы старик оказался в обычном лесу, то «старая-старая яблоня» уже ничего не могла бы родить. Но лес – особый, чудесный, потому «старая-старая яблоня» оказывается своеобразной персонификацией райского дерева жизни. Рожденный ею плод огромен, почти необъятен, как самая жизнь. Один человек не в силах ею овладеть, нужны усилия всего мира-дома. Так завязывается конфликт: дедушко не верит, что он не сможет сам привезти яблоко домой, хотя об этом ему твердят сова и тетерев. Птицы же подсказывают, что нужно сделать, чтобы увезти яблоко из леса: «Впрягайтесь сами все, до-выгреба, сколь вас найдется в избе». Но герой их словно не слышит, потому отправляется домой и возвращается с лошадью.

Приехал и подъезжает близко под яблоню, чтобы яблоко упало прямо в ондрец. Привязал лошадь, взял ядреную дубину отшибать яблоко и ходит, любитесь, со всех сторон рассматривает: уж больно румяно да красиво, жаль потревожить... И захотелось дедушку потрогать его рукой. И только прикоснулся лишь пальцем, – яблоко упало прямо в ондрец.

Красота плода не позволяет герою ударить по дереву, приковывает внимание, вызывает восхищение. И вот, казалось бы, драматическая коллизия разрешается: дедушко дотрагивается до яблока, и оно падает в его тележку-ондрец. Но как ни стараются старик с лошадью, ондрец не двигается с места. Герой вынужден отправиться домой, но все еще не верит, что нужны все домашние, потому зовет только старуху, сына и его жену. Однако их усилия напрасны: ондрец намертво стоит на месте. Тогда за детьми отправляется баба. Вновь пытаются сдвинуть тележку – напрасно. Наконец, зовут няньку с маленьким ребенком. Она приходит:

Сама наваливается на ондрец и свободной рукой помогает везти, и маленький ручонками прикасается. Все подсобляют – и поехал ондрец...

Так приоткрывается смысл конфликта, сотворенного самим человеком, попытавшимся присвоить себе символ жизни, воплощенный в яблоке.

Привезли домой яблоко, и вся деревня сбежалась, глядит:

- Кто вам дал? – спрашивают.
- Бог дал, – отвечает дедушко.

В этом ответе конфликт разрешается полностью: яблоко как символ дерева жизни дается всему миру Творцом.

В финале сказки образ яблока воплощает благодать, данную Богом людям: удивительный плод ели всем миром «всю осень и зиму до самого Христова дня», то есть вечно.

Эта драматическая история имеет и визуальное решение. В четырех рисунках художник помещает ее узловые события. В первом рисунке на переднем плане старик обтесывает срубленное дерево, в глубине – висит огромное яблоко, а за ним – сова в дупле и тетерев на ветке. Во втором рисунке яблоко приближено к зрителю, за ним уже увеличенная сова и тетерев, под ним – ондрец, впряженный в понуро стоящую лошадь, а за тележкой в недоумении стоит старик. В третьем рисунке все везут ондрец с яблоком, птицы благосклонно провожают людей. Старик помещен в глубь рисунка, словно растворившись среди других героев. Этот рисунок художник переведет в живопись, сделав главным героем чудесное яблоко, занимающее основную часть холста. Наконец, четвертый рисунок повествует о радостном приветствии жителями деревни привезенного яблока и тех, кто доставил плод. Визуальный событийный ряд подчеркивает притчевый характер действия⁶.

Не сохранившийся кукольный вариант представления сказки был рассчитан на непосредственность восприятия действия детьми, о чем наглядно свидетельствуют спектакли детской студии в г. Кологриве (рук. Т. Ю. Большакова). Ребята лепят и раскрашивают игрушки в традиции Честнякова, а затем с помощью «глинянок» разыгрывают по его текстам спектакли, зрелищность которых обеспечивается открытой детской эмоцией в сочетании с действенным словом автора.

Таким образом, в сказке Честнякова семантика образа яблока сохраняет свои библейские очертания, а драматическая коллизия почти напрямую отсылает к дереву жизни из Едемского сада, утверждая гармоничные основания бытия.

Примечания

¹ См. справочные издания: Бидерманн Г. Энциклопедия символов: пер. с нем. / общ. ред. и предисл. И. С. Свенцицкой. – М.: Республ. изд-во, 1996. – С. 306; Библейская энциклопедия. – Репр. воспр. текста изд. 1891 г. – М.: Свято-Троице-Сергиева лавра, 1990. – С. 814; Энциклопедия символов, знаков, эмблем / сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. М.: Локид-Миф, 2000. – С. 549–551; Керлот Х. Э. Словарь символов: пер. с исп. / отв. ред. С. В. Пролев. – М.: REFL-book, 1994. – С. 596; Грановская Л. М. Словарь имен и крылатых выражений из Библии. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – С. 178–179 и др.

² К сожалению, до сих пор известны только даты поступления работ Честнякова (картины, графика, глиняные игрушки, записные книжки) в фонд Костромского художественного музея и его филиала в г. Кологриве Костромской области (личные вещи, картины, рукописи), но все эти даты относятся к тому времени, когда художника уже давно не было в живых. См.: Костромской областной музей изобразительных искусств. Русское дореволюционное искусство: живопись, графика, скульптура: каталог / вступ. ст. В. Н. Лебедевой; сост. В. Н. Лебедевой, Н. Л. Померанцевой и др. – Л.: Художник РСФСР, 1980. – С. 118–122; 184–185.

³ Библейская энциклопедия. – С. 664.

⁴ Сапогов В. А. «Окруженный хором муз...» // Игнатъев В. Я., Трофимов Е. П. Мир Ефима Честнякова. – М.: Мол. гвардия, 1988. – С. 216.

⁵ Честняков Е. В. Чудесное яблоко // Игнатъев В. Я., Трофимов Е. П. Мир Ефима Честнякова. – С. 200–201, 204. Все цитаты даны по этому изданию.

⁶ С театрального сезона 1990/91 гг. в Костромском театре кукол с большим успехом идет спектакль «Чудесное яблоко» (режиссер – засл. артист РФ В. А. Бредис, художник – засл. художник РФ И. В. Мельникова). Драматургический вариант сказки был написан В. С. - Елмановым. В нашей частной беседе он рассказал, что эта работа заняла у него около восьми лет (такая вот «простая» сказка!), пришлось многое дописывать, учитывая, конечно, образно-стилистические особенности текстов Честнякова, и не только сказок. Но, по признанию В. С. Елманова, работать было легко, потому что в основе сказки Честнякова лежит сугубо драматургическое действие.

МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ И СЕКТАНТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Е ГГ.

Быстрое распространение и рост степени влияния сект и деструктивных религиозных организаций – одна из острейших проблем, стоящих в последние годы перед российским обществом. Открытость границ, ставшая следствием падения «железного занавеса», действительные, а не декларируемые свобода слова и свобода совести, обусловили не только появление, но и обильное цветение разного рода религиозных организаций. Среди них и те, которые в соответствии с законодательством относят к числу сект тоталитарных. Опасность их деятельности осознается сегодня и государственными органами, и Православной церковью, и обществом. Однако в не столь далекое время, решая дилемму, на кого делать ставку: на традиционные конфессии или сектантские организации, советская власть, партийные лидеры, нисколько не сомневаясь, отдавали предпочтение сектам. И вопрос «почему?» имел довольно банальный ответ – «идеологическая близость».

Взаимоотношения с сектантскими организациями составляли одно из главных направлений политики советского государства в религиозном вопросе. Но если в отношении традиционных конфессий и в особенности православия главным тезисом была борьба до полного уничтожения религии, то в выстраивании отношений с сектам идейные установки были иными. Объяснений этому несколько. Во-первых, традиционной сферой деятельности сектантов была крестьянская среда, в тяжелые переломные годы именно крестьяне

пополняли ряды новообращенных. А поддержка крестьян была жизненно необходима советской власти в первые годы ее существования. К тому же рост численности сектантов означал сокращение числа православных верующих. Во-вторых, сектанты с их проповедью всеобщего равенства, любви и гармонии с большой радостью восприняли первые мероприятия новой власти. Один из руководителей антирелигиозной политики П. А. Красиков писал: «Экспроприация помещиков, церковных имуществ и капиталистов... по существу принята трудовыми сектантскими элементами весьма искренне с нескрываемым удовлетворением»¹. В-третьих, импонировали большевикам и трудолюбие сектантов, их коллективизм и взаимопомощь. В-четвертых, по своей структуре сектантские организации напоминали идеализируемые большевиками коммуны, объединенные общими интересами и общим имуществом, поэтому они считали, что «...экономическая и практическая программа советской власти, всемерная поддержка сельскохозяйственных коллективов и коопераций с представлением земель, ссуд, инвентаря делает реально осуществимым «духовный» идеал жизни трудовых сектантов»².

На территории Костромской губернии широкое распространение имело старообрядчество – поповцы, беспоповцы, австрийцы, поморцы, федосеевцы, бегуны, а также секты христиан-евангелистов, толстовцев, трезвенников и др. Идеология сект имела значительные расхождения, хотя и базировалась на Евангелии. Больше, чем другие, старо-

обрядцы вели культовую деятельность в многочисленных моленных, в том числе открытых, на средства богатых и влиятельных купцов-старообрядцев. Нельзя сказать, что приход к власти большевиков был однозначно принят старообрядческо-сектантским лагерем. С одной стороны, им импонировали равенство, национализация земли, провозглашенная советской властью свобода совести, означавшая прекращение преследований тех групп, которые представляли опасность для Православной церкви. С другой стороны, резко отрицательно сектантами была встречена экономическая политика, в особенности принудительная разверстка хлеба. Сопротивление вызвала и мобилизация в армию, так как религиозные принципы сектантов запрещали им брать в руки оружие (христианам-евангелистам, например). Все это давало основания заведующему Костромским губагентством «Центропечать» Новлянскому в докладе губернскому комитету РКП (б) 23 ноября 1919 г. подчеркнуть, что «...особенности жизни губернии, культурное развитие крестьянства, дававшего до сих пор огромный процент дезертиров, зараженного сектантством, достигающего до непримиримого фанатизма, преступность и враждебное отношение к советской власти, благодаря непомерному невежеству, – все это в настоящее время требует упорной систематической работы – борьбы в области распространения произведений печати среди широких масс населения»³. Некоторые уголки губернии, например Уренской край, представлялись Новлянскому наиболее губительными. Влияние сектантства здесь было огромно, а старшее поколение населения представляло непреодолимое препятствие распространению книг и газет.

Уклонение граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям

расценивалось местными властями крайне негативно. С принятием Советом народных комиссаров (СНК) 5 января 1919 г. декрета об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям случаи отказа приобрели массовый характер. Отдельные представители власти считали, что некоторые граждане – «шкурники» – использовали декрет как удобный формальный способ уклониться от военной службы под религиозным флагом. В отношении «шкурников» меры принимались в условиях военного времени крайние – расстрел. В 1918–1919 гг. в СНК поступали многочисленные ходатайства и жалобы на вынесенные сектантам смертные приговоры. В марте 1921 г. особой сессией Костромского губернского суда в составе председателя Машталера и заседателей Бологова и Иванова рассматривалось ходатайство об освобождении от военной службы граждан М. А. Рожкова, уроженца Татаровской волости Гороховецкого уезда Владимирской губернии, и К. С. Зайцева, уроженца деревни Никитинской Тургайской области. М. А. Рожков и К. С. Зайцев причисляли себя к евангелическим христианам и отказались ехать на фронт, сославшись на религиозные убеждения, запрещающие брать в руки оружие. Против них было возбуждено дело и в ходе следствия было установлено, что в годы Первой мировой войны Рожков служил в «старой» армии, а из его собственного признания выходило, что он вел агитацию среди красноармейцев, призывая не брать в руки оружия. Суд задал обвиняемому ряд вопросов, касающихся их евангельских убеждений. Ответы, которые показывали бы, что они действительно являются убежденными верующими, обвиняемые дать не смогли. Поэтому суд вынес решение действия М. А. Рожкова квалифицировать как шкурничество, «ибо как последователь

Христа он мог оказывать на фронте помощь больным и раненым», и в ходатайстве отказал⁴. Причиной столь «мягкого» решения суда стало то, что к началу 1921 г. интенсивные боевые действия на полях Гражданской войны завершились.

Распространение учения евангельских христиан в Костромской губернии связано с деятельностью П. Л. Кобылинского, увлеченного идеями организованного в Германии братом Русселем «Интернационального общества исследователей Библии». Длительное пребывание Кобылинского в Германии, а также активная пропаганда учения стали причиной его ареста как немецкого шпиона и высылки в г. Кологрив. К усиленному распространению взглядов общества и чтению лекций о евангельском учении он вновь приступил после Октябрьской революции. В 1918 г. в ряды сочувствующих влились отец и сын Бароны, а результатом работы стало право распоряжения немецкой кирхой. В 1920 г. Кобылинским и его сторонниками была предпринята попытка организовать сельскохозяйственную коммуну евангельских христиан. Начинания увенчались успехом, и коммуна на 5 последующих лет обосновалась в ранее пустовавшей усадьбе Поликарпово. Причиной развала коммуны стало крайне бедственное материальное положение и внутренние раздоры. По высказыванию самого Кобылинского, «одно дело слушать проповеди сложа ручки, другое дело поделиться куском хлеба с братом своим»⁵.

И все же серьезных разногласий с сектантами власти не обнаруживали. Вследствие этого директивой ЦК РКП (б) «Советским и партийным органам по вопросу об отношении к сектам и политики в отношении религиозных групп вообще» рекомендовалось «...особенно внимательно относиться к таким сектантским группировкам, как духо-

борцы, новоизраильская секта и др. подобные, среди которых особенно в настоящее время замечается усиленное стремление создать коллективные формы ведения общественного хозяйства. Там, где деятельность таких групп не носит враждебного советской власти характера, всячески воздержаться от какого бы то ни было стеснения их хозяйственной деятельности в рамках существующего законодательства»⁶. 15 августа 1921 г. Народный комиссариат юстиции (НКЮ), наркомат внутренних дел, наркомат земледелия и рабочекрестьянской инспекции выпустили циркуляр по вопросам освобождения от воинской повинности по религиозным убеждениям, о трудовой повинности служащих культа, религиозных группах, съездах и т. п. Циркуляр вновь подтверждал статьи декрета 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и давал разъяснения по вопросам, оставшимся за рамками декрета. Было подчеркнуто, что мандаты и удостоверения, выдаваемые религиозными организациями и группами, не имеют юридической силы в отношении хозяйства, промышленности и транспорта, использование религиозными объединениями собственных печатей и бланков ограничивается только религиозными делами, граждане свободно могут участвовать в религиозных собраниях и съездах, не претендуя при этом на представительство трудящихся, промышленных организаций, советских учреждений, трудовых ячеек. И если в отношении традиционных исповеданий циркуляром накладывались только ограничения, то к сектам местным властям предписывалось относиться совершенно иначе. Особо отмечалось: «Опыт показывает, что крестьянские коммунистические образования... имели общественный труд и распределение как духоборы, молокане, новый Израиль и др.,

совершенно безболезненно усваивают общегражданские советские законы и уставы, органически вливаясь, как сельскохозяйственные, промышленные ячейки в советское строительство, несмотря на то что их коммунистические стремления и облекались в силу исторических условий в религиозную форму». Поэтому задача советских органов по отношению к подобным организациям состояла в том, чтобы «эти коммунистические организации как промышленные коллективы, развивали и укрепляли свои уже практически усвоенные навыки и способы коммунистической организации труда... и, переходя к высшей форме, служили практическим примером осуществимости и всесторонней выгоды коммунизма для трудящихся»⁷.

18 ноября 1921 г. VIII Ликвидационный (отделение церкви от государства) отдел НКЮ направил губернским отделам юстиции циркуляр, которым обязывал предоставить сведения о сектах, распространенных в губернии, времени их возникновения, о преобладании в городской или сельской местности, количестве последователей, их социальной принадлежности, о числе молелен, проведении собраний, закрытых для публики. Особенно важными были вопросы, касающиеся содержания учений и отношения к советской власти: «Какие секты отрицают частную собственность и проповедуют общинный труд; какие из них тяготеют к частной индивидуальной собственности, занимаются торговлей, спекуляцией, словом, вполне буржуазны; какие из сект определенно враждебно относятся к советской власти и коммунизму; отношение религиозных сект к воинской повинности; какие из них энергично занимаются пропагандой и агитацией своих учений, какие пассивны; участие сект в кооперативных и иных организациях вместе

с прочими гражданами или отдельно»⁸. Костромской губюст разослал копию циркуляра уездным бюро юстиции, надеясь на знание ими специфики уезда. Надежды не оправдались, а сведения, полученные с мест, страдали путаницей, краткостью и скудностью информации. Причем представители местных властей были откровенно безграмотны. Так, во-первых, возможно по инерции и в духе борьбы с расколо-сектанством XIX – начала XX в., к сектам были отнесены и течения в старообрядчестве, а также старообрядческие и иудейские общины; во-вторых, формулировки страдали неточностями. Телеграммы из Ветлужского, Галичского и Макарьевского уездов свидетельствовали, что сект в уездах нет, явно исключая из числа сектантов старообрядческое население. Солигаличское уездное бюро юстиции отмечало распространенность в уезде именно старообрядческих разных толков, молоканской и еврейской сект, не имеющих собственных молельных зданий. Большинство из 30 выявленных властями членов сект происходило из крестьянской среды, поэтому и распространенность их в сельской местности была выше, чем в городе. На вопрос о содержании учения ответ был получен следующий: «Неопределенное, так как существует несколько течений в их учении. Отношение к советской власти пассивное». Но смысл ответов на вопросы об отношении к частной собственности и определенно враждебном отношении к советской власти («к указанным явлениям относятся все члены, принадлежащие к указанным сектам»), скорее наводит на мысль о негативном отношении к власти⁹.

В ответ на запрос председатель Буйского бюро юстиции писал: «Никакого материала по исследованию религиозных сект уезда в Бую я не нашел, очень возможно, что такой материал находит-

ся в Костроме, так как работы, насколько мне известно, в этом направлении производились. Мне за короткое время... удалось добыть следующие сведения: в уезде существуют лишь секты христианского учения, в городе есть несколько человек баптистов, о существовании у них организованной общины не слыхать, не слыхать и о правильных собраниях. Все остальные секты существуют в южной части уезда – в селе Молвитине... и известны под общим названием – раскольников»¹⁰. Время появления их на территории уезда автор соотносил с возникновением раскола. Численность наиболее крупной общины «официальных единоверцев» составляла около 200 человек, старообрядцев-поповцев 100 человек. Численность других групп, за исключением молвитинского кружка из 10–15 толстовцев, определить было практически невозможно, поскольку некоторые граждане или в силу привычки, или опасаясь преследования усиленно скрывали свои убеждения. Большинство членов сект составляли местные жители – крестьяне и ремесленники. Исключение составляли поповцы, «почти все богатеи, бывшие кулаки, подрядчики... принадлежат к зажиточному, эксплуатирующему слою населения». Это обстоятельство определяло их снисходительно-терпеливое отношение к советской власти, в то время как все иные сектанты относились к власти сочувственно. Никакой активной пропаганды со стороны сектантов замечено не было. Моления они отправляли публично в зарегистрированных в уездном исполкоме трех постоянных храмах, одной моленной и нескольких мелких, «частных» моленных в деревнях. Уклонения от воинской повинности также не имели места, что объяснялось, по мнению председателя уюбюста, отсутствием подобных проповедей у сект Буйского уезда.

В Варнавинском уезде действовала единоверческая австрийская секта, проживало до 25 тысяч беглопоповцев и поморов, имеющих 26 молельных дома¹¹. Изучением сект в Нерехтском уезде занимались не органы юстиции, а политбюро, которое представило губюбюсту сведения об истинно православных христианах, подпольщиках в количестве двух семей, христианах-евангелистах численностью до 40 человек и старообрядческих общинах сел Рябинино, Кувакино, Лепилово и деревни Игумниха. Основной состав сектантов – крестьяне-середняки. Христиане-евангелисты и истинно православные христиане прожили на территории уезда не менее 10 лет. В основе их учения было положено Евангелие, моления христиане-евангелисты проводили открытые. Отношение к советской власти с их стороны расценивалось партийными органами как безразличное. Не было отмечено и негативного отношения к воинской повинности, даже наоборот: «...истинные последователи этих сект служат в Красной армии, но не в строевых частях, где занимаются активной пропагандой своих учений»¹². Безразличное отношение к власти было свойственно и старообрядцам. Причем из разговоров с ними следовал вывод о том, что «им теперь [свободнее] верить, так как раньше они перебивались, а теперь с отделением церкви от государства к ним никто не заглядывает, а потому чувствуют себя св[ободными]»¹³. Советская власть дала старообрядчеству и сектантству некоторые послабления, рассматривая их в качестве временного союзника в борьбе с РПЦ. Председатель губернской ЧК Огибалов отмечал: переход к новой экономической политике «...дал возможность массам встряхнуться от военного периода и перейти на более спокойную жизнь. В массах начали

подниматься мелкобуржуазные инстинкты, большинство бросилось к удовлетворению своих личных интересов и нужд. За последнее время усилилась борьба между христианством и сектантами, которая может быть на пользу нам. Сектанство разрушает глубоко укоренившуюся церковь, но если сектанты ее разрушат, борьба с сектантами будет легче»¹⁴. Месяцем позднее глава губернской организации РКСМ П. Невский указывал на попытку евангелистов, используя возросший интерес к учению, организовать молодежь Костромы¹⁵.

Ставку на молодежь делали и трезвенники. Основателем секты трезвенников был братец Иоанн Чуриков. В возрасте 12 лет он покинул родительский дом и, разжившись у богатых родственников несколькими сотнями рублей, начал торгово-предпринимательскую деятельность и вскоре стал крупным торговцем рыбой и хлебом. После смерти жены Чуриков открыл в себе новые таланты и стал именоваться братцем Иоанном Самарским, чудотворцем – вырицким пророком, владельцем усадьбы на р. Средеце ст. Вырица. Главное содержание проповеди братца Иоанна составляла заповедь «не пей, не кури, не развратничай». Денежные средства поступали в его казну в виде щедрых пожертвований, поток которых не смогла перекрыть и Октябрьская революция. В Костроме от имени и по поручению братца Иоанна действовали «благовестник Гавриил» – В. А. Гуляев и «Крепыш» – Н. Н. Думин. Кратковременная отлучка Гуляева привела к распаду общины трезвенников, но по его возвращении община была не только восстановлена, но и прошла процедуру регистрации в исполкоме г. Костромы. Правда, моральный облик «благовестника» оставлял желать лучшего, он жил с 12 женщинами – «апостолицами», откровенно обирал членов общины и т.д.

Все это не могло не сказаться на авторитете трезвенников.

К концу 1920-х гг. в местной прессе началась кампания критики учения Чурикова и деятельности секты. Да и отношение к сектам вообще стало более избирательно. Уездным партийным комитетам (укомам), фактически сосредоточившим в своих руках контроль за обществом и общественными настроениями, рекомендовалось усилить внимание к сектантам. Костромской губком РКП (б) особенно настаивал на недопущении единообразной оценки сектантства и на учете идеологического содержания, их отношения к Советскому государству и его политике. Укомам предлагалось взять под особый контроль антирелигиозную пропаганду, проводимую в тех районах, где распространено сектантство. Указывалось на необходимость собирать информацию о составе сект, руководителях, отношениях с церковью, пропаганде, вести учет настроений сектантов, изменений форм сектантского движения. Но наблюдение должно было вестись без широкой огласки¹⁶. На последнем условии настаивали, вероятно, из опасения усилить напряженность и грубостью, некомпетентностью отдельных партийных работников спровоцировать конфликтную ситуацию.

Основными сектами в г. Костроме продолжали оставаться евангелисты и трезвенники, их отделения имелись в Костромском и Нерехтском уездах. В северных уездах – Кологривском, Чухломском, Солигаличском – отдельные сектантские проповедники особого успеха не добились. Журналист газеты «Северная правда» считал, что в губернии общая численность сектантов евангелистов, трезвенников-чуриковцев, баптистов, толстовцев, лядов и водвольников-бегунов составляла к концу 1927 г. 1 200 человек¹⁷. Эта цифра свидетельство-

вала о значительном сокращении численности сектантов, с одной стороны, за счет изменения границ губернии, а с другой стороны, активизации наступления на сектантство. Принятие главой РПЦ Местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Сергием (Страгородским) «Декларации» по сути своей означало то, что в государственно-церковных отношениях чаша весов склонилась на сторону государства. Теперь в борьбе с сектантами использовались самые разные средства от административных, до «идейных». В отношении последних привлекались и бывшие идеологические противники. Так, 10 июня 1928 г. в Костромской губсовет Союза безбожников поступило заявление бывшего сектанта П. Л. Кобылинского, в котором он отрекся от своих прежних религиозных убеждений и просил принять его в организацию союза. П. Л. Кобылинский писал: «Скорблю о прошлом, проведенном в религиозном дурмане и, чтобы загладить вину свою перед пролетариатом, я хочу отдать все силы делу революции, с удвоенной энергией буду работать на фронте борьбы с религиозным рабством, из которого мне наконец удалось освободиться»¹⁸.

В целом для сектантов период 1917–1927 гг. можно назвать «золотым десятилетием». Старообрядцы и сектанты освободились от жесткого прессинга, которому подвергались со стороны Православной церкви, государственная же власть относилась к ним не только лояльно, но и благосклонно. При организации сельскохозяйственных коммун и разного рода товариществ они пользовались значительным покровительством местных властей, которые намеренно прикрывали глаза на религиозную со-

ставляющую деятельности подобных организаций. Местные власти сдерживали и активность средств массовой информации в плане необоснованной и чрезмерной критики сект. К концу 1920-х гг. наступило отрезвление и не только пресса, но и партийно-государственные органы изменили направление политики в отношении сектантов. Более избирательный подход к сектам сочетался с критикой отдельных положений их учения, нарастанием административных методов и активизацией антирелигиозной борьбы, в том числе и против сектантских организаций.

Примечания

¹ Красиков П. Трудовое сектантство // Революция и церковь. — 1922. — № 1–3. — С. 26.

² Там же. — С. 27.

³ Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО), ф. 1, оп. 1, д. 62, л. 89.

⁴ Красный мир. — 1921. — 15 марта.

⁵ Кобылинский П. Л. Начало конца (заявление бывшего сектанта). — Кострома, 1929. — С. 16.

⁶ Коммунистическая партия и Советское правительство о религии и церкви. — М., 1959. — С. 68.

⁷ Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. Р-1108, оп. 1, д. 68, л. 4.

⁸ Там же, л. 1.

⁹ Там же, л. 3–3а.

¹⁰ Там же, л. 8.

¹¹ Там же, л. 16.

¹² Там же, л. 13.

¹³ Там же, л. 12а.

¹⁴ Там же, л. 27.

¹⁵ Там же, л. 149.

¹⁶ Там же, л. 16.

¹⁷ Северная правда. — 1927. — 14 дек.

¹⁸ Кобылинский П. Л. Указ. соч. — С. 8.

Игумен Ферапонт (Кашин)

О ДВУХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ, КАСАЮЩИХСЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЛИКА ИАКОВО-ЖЕЛЕЗНОБОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Церковно-археологические изыскания по истории Иаково-Железноборовского монастыря, проводимые в 2006–2007 гг., преследуют две основные цели. Первая, собственно историческая, предполагает наиболее полное восстановление исторического облика обители. Вторая цель – на основании полученных исторических данных определить архитектурные и художественные формы для реставрации сооружений и интерьера монастыря.

С проблемой восстановления храмового интерьера сталкиваются сегодня сотни разоренных и ныне восстанавливаемых церквей и монастырей по всей России. В этом деле наметились две тенденции: историческая реконструкция и современный новодел, согласно вкусу и платежеспособности заказчика. Считаю необходимым признать правомочность обоих подходов. С одной стороны, рес-

таврируемые храмы и монастыри являются не просто памятниками, но памятниками «живыми», используемыми по прямому назначению. Изменение быта монастырей, способов освещения и отопления храмов, появление новых и утеря старых материалов и технологий и другие подобные явления делают вполне обоснованными определенные изменения в конструкциях исторических зданий, в том числе храмов и монастырских строений. С другой стороны, сохранение первоначальных форм храмов и их интерьеров вполне обоснованно не только в историческом, но и в церковном смысле. В подтверждение этого тезиса можно привести следующие замечания. Архитектура и интерьеры храмов, в особенности иконостасы и живопись, оказывают значительное воздействие на духовное состояние молящихся или просто посещающих эти храмы людей. Не зря Церковь всегда уделяла большое значение храмовой живописи и убранству. Поэтому

Сень над местом погребения преподобного Иакова Железноборского в храме Рождества Пресвятой Богородицы. Фото 1980 года

сохранение древней архитектуры и интерьеров определенным образом связывает нас, в том числе духовно, с предыдущими поколениями, с древними создателями наших храмов и обителей, позволяет нам, насколько возможно, мыслить и чувствовать так, как они.

Исходя из сказанного можно считать обоснованным и наиболее оправданным разумное сочетание обозначенных тенденций историчности и практичности. С целью восстановления исторического облика Иаково-Железнодорожного монастыря была проведена и проводится в настоящее время работа по поиску архивных материалов, некоторые результаты которой приведены в данной статье.

История Предтеченского Иаково-Железнодорожного монастыря начинается в 1390 г., с момента основания его преподобным Иаковом – учеником святого Сергия игумена Радонежского. Значение монастыря для истории России нельзя назвать судьбоносным, однако в пределах Костромской епархии сия обитель занимала почетное место.

После 1927 г. монастырь был упразднен, постройки разрушались или использовались для других целей, поэтому всего несколько лет назад он представлял собой удручающее зрелище. Рождественский и Предтеченский храмы практически полностью утратили изначальный интерьер: значительная площадь стенописи сбиты, отсутствуют иконостасы, на территории монастыря не сохранилось ни одной «родной» храмовой иконы.

В 2004 г. Иаково-Железнодорожный монастырь был возрожден решением Священного синода. При проведении реставрационных работ перед нами встала проблема грамотной реконструкции храмового интерьера. Информацию о прежнем убранстве церкви можно получить из нескольких источников: опубликованные материалы, фотографии, архивные документы. В первой группе источников

стоит выделить монографии П. Румянцова, А. Воскресенского, Д. Прилуцкого. Фонд фотографии церковных древностей Железнодорожного монастыря, насколько мы знаем, крайне невелик. Наиболее известен фотоснимок раки преп. Иакова и фрагмент иконостаса за ней (опубликован в брошюре «Свято-Предтеченский Иаково-Железнодорожный монастырь». Кострома, 2005). Более богатый материал дают нам письменные источники, находящиеся сейчас в Государственном архиве Костромской области (ГАКО). При работе с фондами 130, 131, 132, 360 нами были выявлены интересные сведения по церковной археологии. В этой статье мы приведем два документа, имеющих, на наш взгляд, большое значение для знакомства с прошлым монастыря, его реликвиями и памятниками.

В фонде № 130 «Костромская духовная консистория» обнаружена «Опись имущества Железнодорожного монастыря» (ф. 130, оп. 6 (доп.), д. 212), датируемая архивистами концом XVII–XVIII в. Документ рукописный, из 6 листов, написан скорописью. По почеркам четко делится на 3 разновременные части, приблизительно датировать которые предлагаем как л. 1, 1 об., 2, 2 об. – конец XVII – начало XVIII в.; л. 3, 3 об., 4, 4 об., 5, 5 об. – 2-я половина XVIII в.; л. 6, 6 об. – 2-я половина XVIII в. В первой части перечисляются монастырские иконы и предметы шитья, во второй – внутреннее убранство теплой церкви в честь Рождества Пресвятой Богородицы, хозяйственное имущество обители и предметы, появившиеся «сверх описи», т. е. новые, не зафиксированные в прежнем документе. У второй части нет начала, о чем есть надпись карандашом в верхнем левом углу. В третьей части перечисляются богослужебные книги и одеяния, находящиеся в ризнице, начало в данной части отсутствует.

В том же фонде находится крайне интересный документ 1904 г. «Рапорты благочинных с приложением сведений об имеющихся в монастырях предметах церковно-археологического характера» (ф. 130, оп. 11, д. 1969), где на л. 19–20 об. подшит рапорт игумена Предтеченского Железнодорожного монастыря Паисия, полностью публикуемый в данной статье. Составление подобного рапорта было обусловлено двумя указами Костромской духовной консистории от 1904 г., собиравшей сведения для доклада Совету Музея императора Александра III. Этот музей (нынешний Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве) был создан на основе Кабинета изящных искусств и древностей Московского университета. Здание на ул. Волхонка было торжественно заложено в 1898 г., а возведено к 1904 г. По инициативе дирекции московского музея сведения о реликвиях и различных достопримечательностях собирались по всей России, а монастыри, как широко известно, были важнейшими хранителями и собирателями древностей, прежде всего церковных. Благодаря рапорту игумена Паисия мы узнаем интереснейшие факты: оказывается, в 1700 г. наместник монастыря Зоровавель по благословлению архимандрита Антония Одиновича вложил в Железнодорожную обитель икону преподобного Иакова с чудесами, тщательно сохранявшуюся в деревянной часовне близ монастыря вплоть до начала XX в. О. Антоний (Одинович?) с 1689 г. являлся настоятелем Московского Донского монастыря в сане архимандрита, в 1705 г. был хиротонисан в архиепископа Коломенского. С 1697 г. Железнодорожный монастырь был приписан к Донскому, поэтому вклад иконы в вотчинный монастырь является закономерным. К сожалению, сведений о сохранности и местонахождении данной иконы в настоящее время нет.

**Опись имущества
Железнодорожного монастыря.
Конец XVI–XVIII в.
(ф. 130, оп. 6 (доп.), д. 212)**

Л. 1

В старой описи писано о иконах в одном месте написано дватцать один образ, а какия именно неизяснено а из онох образов осталось в наличестве щетом шеснатцать а именно

1. Образ преподобнаго Якова Железнодорожнаго оклад басенной¹ ветхи, два венчика все серебряныя

2. образ Димитрия Царевича, оклад серебряной басенной, ветх, венец серебряной чеканной, надпись серебряная же

3. образ Пресвятыя Богородицы на престоле седящая с предвечным Младенцем, оклад басенной ветх и венчик на Богородице серебряныя

4. образ Пресвятыя Богородицы, оклад и венец серебряныя басенныя ветхи

5. образ Пресвятыя Троицы в темном облаке в молении преподобный Сергий оклад и венчики басенныя серебряныя

6. образ преподобнаго Варлаама Хутынского оклад и два венчика басенныя серебряныя.

7. образ Святаго мученика Христофора оклад и венец басенныя серебряныя.

8. Образ Пресвятыя Богородицы, два венчика серебряныя резныя

9. образ Пресвятыя Богородицы седящая на престоле с Предвечным Младенцем оклад и венец *десять* (?) весьма ветхи серебряныя басенныя

Л. 1 об.

10. Казанския Пресвятыя Богородицы образ оклад оклад венцы цаты² серебряныя басенныя ветх, лик осыпается

11. Образ Николая Чудотворца оклад и два венца басенныя серебряныя

12. Образ Воскресения Христова оклад басенной ветх, венец с цатой резной, да малинкой венчик серебряныя

13. образ Николая Чудотворца венеч и оклад серебряной басенной

14. образ Николая Чудотворца три венца и оклад серебряныя басенныя

15. образ Знамени Пресвятыя Богородицы да четы стых предстоящих Авраами Иаков Николай Макарий³ оклад басенной и два маленьких венчика ветхи серебряныя да с онаго же образа венчик с цатой да особливо цата хранатся в ризнице

16. Образ Николая Чудотворца ветхой оклад и цата медныя и серебряныя.

Л. 4 (надпись в верхнем левом углу «нет начала»)

«При той Рождественской церкви два предела с именем первой Иакова Железнодорожского Чудотворца. В том пределе царские двери в иконостас столярной (?)...вызолочен. В том иконостасе местные образа по правую сторону царских дверей образ Спасителей на нем венеч и поля сребряны и на тех (?) ангелах два венчика сребреные и вызолоченые. Еще внизу в молении предстоящих четыре. Образ Якова Чудотворца Железнодорожского оклад чеканой венеч и цата тринадцать камешков разных цветов... По левую сторону от сих царских врат образ Печерския Пресвятыя Богородицы с молящими Антонием Феодосием Печерским и прочими святыми. За оными образ северные двери на них писан образ на красках⁴ Благоразумного разбойника. За теми дверями образ великомученика Димитрия. Пред теми образами две железныя лампы. В Деисусе образ Господа Вседержителя по обеим сторонам образы святых апостолов и прочих святых

И расписался Григорев

Л. 4 об.

Во олтаре святой престол на оном одеяние выбойчатое⁵ бумажное цветное. Евангелие... на алеандриненной

бумаге печатано в 1717 году обложено бархатом красным а на верхней цке⁶ в среднике образ Воскресения Христова... Евангели[е] серебряныя защелчки медныя. Крест благословляющий дрянные обложен серебром вызолочен на нем в гнездах три камешка простыя. На престоле пелена выбойчатая обложена кушаком⁷ полуцветным ветхая. Сосуды потир дискос два блюдца звезда лжица серебряная копие железное. Завеса церковная крашенинное⁸ ветхае. За престолом крест писан на красках образ Знамени Пресвятыя Богородицы штилистовой⁹ на нем венеч и цата и поля обложены окладом серебряны и позолоченной ветхий.

2 предел Николая Чудотворца тепловой. В этом пределе царские двери...стой Богородиц... писан красками на золоте. По правую сторону царские двери образ Спасителей писан красками вновь. Образ Николая Чудотворца на нем венеч серебряной басенной позолоченной. Образ Иоанна Предтечи на нем венеч медной¹⁰.

*Рапорт игумена Предтеченского
Железнодорожского монастыря*

*Паисия о предметах
церковно-археологического
характера, находящихся
в монастыре*

(ф. 130, оп. 11, д. 1969, л. 19–20 об.)

Л. 19

В Костромскую Духовную Консисторию

Предтеченскаго Железнодорожскаго монастыря настоятеля игумена Паисия
Рапорт

Во исполнение указа Костромской Духовной Консистории от 16-го января 1904 года за № 810-м и от 21 июня сего года за № 8141-м имею честь благопокорнейше представить (при сем) в Духовную Консисторию, на обороте сего,

сведения о предметах церковно-археологического характера, имеющихся при вверенном моему управлению монастыре, для доклада Совету Музея Императора Александра III-го. Июля 3 дня 1904 года.

Предтеченского Железно-Боровского монастыря настоятель игумен Паисий (подпись)

Л. 20

Сведения

О предметах церковно-археологического характера, имеющихся при Предтеченском Железнодорожном монастыре, Костромской епархии, Буйского уезда, составленные на основании указа Костромской Духовной Консистории от 16 января 1904 года за № 810.

1) Каменный теплый храм, в честь Рождества Пресвятыя Богородицы, с приделом в честь преподобного Иакова Железно-Боровского Чудотворца, – построенный в 1757 году; Здесь под спудом покоятся Св. мощи преп. Иакова, основателя Железно-Боровского монастыря, который был современник и ученик Преп. Сергия Радонежского Чудотворца. При раке Пр. Иакова имеются: а) каменный, обложенный медью крест, б) железные вериги в которых подвизался Пр. Иаков и, в) стальная кольчуга, дарованная Пр. Иакову великим князем Василием Васильевичем, внуком Дмитрия Донского, – в 1433 году.

Основание Железно-Боровского монастыря относится к 1390 году.

Кончина Преподобного Иакова последовала 11-го апреля 1442 года. Открытие Св. мощей Преподобного Иакова происходило 5-го мая 1613 года.

2) Каменный холодный храм, в честь рождества Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, с приделом в честь Пр. Сергия Радонежского Чудотворца, построенный в 1761 году.

3) В деревянном храме в честь Введения Пресвятыя Богородицы, в Брылее-

вой пустыни, принадлежащей Железно-Боровскому монастырю, св. антиминос священнодействован при державе Благоверныя Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, Епископом Павлом Костромским и Галичским в 1793 году. Здесь, по преданию, под спудом покоятся Св. мощи Преп. Иакова же, современника и сотрудника Пр. Иакову Железно-Боровскому, имеется в сем храме и древний образ сего Святого, письменных же сведений о нем не сохранилось.

4) В монастырской библиотеке, имеется рукописное Евангелие в четверть листа – 1570 года.

5) Дары Благодетельнейшего Царя Михаила Феодоровича: а) два Евангелия, напечатанные при первом Всероссийском патриархе Иове; б) Серебряный напрестольный крест; в) икона Всемилоствиваго Спаса, обложенная позолоченным басебным серебром, которая в настоящее время находится на правой стороне Предтеченского алтаря.

6) В Предтеченской церкви за левым клиросом, находится икона Преподобного Иакова, написанная по преданию при жизни Царя Михаила Феодоровича, древняго греческаго письма, обложена позолоченным басебным серебром, на ней имеется следующая надпись:

Л. 20 об.

«Лета...(1632) украшен сий чудотворный образ многогрешным князем Алексеем Голицыным.»

7) В деревянной часовне, близ монастыря, находится образ Преподобного Иакова, с жизнеописанием и чудесами Его, где, между прочим, имеется следующая надпись: «По благословению Всечестнейшаго Господина отца Архимандрита Антония Одиновича, в вотчинном Железнодорожном монастыре наместник иеромонах Зоровавель от келейнаго своего имени построил сий образ... (1700)».

Сверх сего, имелись в монастыре два древния Синодика, которые, в 1898 году, по востребованию Епархиального Начальства, отосланы в Канцелярию Его Преосвященства, Преосвященнейшего Виссариона Епископа Костромского и Галичского.

Все вышеозначенные вещи находят-ся налицо и тщательно хранятся.

Предтеченского Железно-Боровского монастыря:

Настоятель Игумен Паисий
Казначей иеромонах Никодим

Июля 3 дня
1904 года

Примечания

¹ Басенной, басменный, басебный, басмянный – название металлической пластинки, служившей окладом на икону с тисненым узором, иногда употребляется для обозначения кожи с тисненым узором.

² Цата – украшение в форме полумесяца, подвешиваемое к венцу в виде ожерелья.

³ Наиболее вероятно предположить, что речь идет о преподобных Авраамии Городецком, Иакове Железноборовском, Макарии Унженском и архиепископе Николае Мирликийском Чудотворце.

⁴ Термин «икона на красках» или «образ на красках» употреблялся вплоть до середины XX в., означал как темперную так и масляную живопись.

⁵ Выбойка – холщовая или бумажная ткань с выбитым отпечатком рисунка в одну краску.

⁶ Цка – доска.

⁷ Кушак – в данном случае, сорт ткани, чаще всего полосатой, затканной шелком или шитой волоченным золотом или серебром.

⁸ Крашенина – грубый крашеный холст.

⁹ Штилистовой – обозначение размера иконной доски, равного 6 вершкам (27 см).

¹⁰ Далее, на л. 5–5 об., следует перечисление предметов шитья: эпитрахили, поручи и т. д., на л. 6–6 об. перечисляются книги.

СОДЕРЖАНИЕ

Протоиерей Дмитрий Сазонов ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
РАЗДЕЛ I. ВОЗРОЖДЕНИЕ КОСТРОМСКОГО ЦЕРКОВНО- ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	5
РАЗДЕЛ II. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	17
Архиепископ Костромской и Галичский Александр КОСТРОМСКОЕ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В XX ВЕКЕ (по материалам епархиальной печати).....	17
Священник Валерий Бурдин КОММЕНТАРИИ К ЕВАНГЕЛИЮ	40
Заливалова Л. Н. К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПОКРОВСКОГО В РУССКОЙ ВИЗАНТОЛОГИИ	46
Архимандрит Геннадий (Тоголев) КОСТРОМА И КОСТРОМИЧИ В ЖИЗНИ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ГОРСКОГО	53
Протоиерей Дмитрий Сазонов НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ (воспоминания об отце)	62
Сизинцева Л. И. ИЕРОМОНАХ ИОАСАФ (САЗАНОВ). Эпизод из истории Иаково-Железоборовского монастыря	73
Тлиф И. X. К ИСТОРИИ РОДА СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИОАННА КАСТОРСКОГО	78
Резепин П. П. КОСТРОМСКИЕ КРАЕВЕДЫ-МОНАХИ	86
Едошина И. А. РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В СКАЗКЕ Е. В. ЧЕСТНЯКОВА «ЧУДЕСНОЕ ЯБЛОКО»	90
Майорова Н. С. МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ И СЕКТАНТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-е гг.	94
Игумен Ферапонт (Кашин) О ДВУХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ, КАСАЮЩИХСЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЛИКА ИАКОВО-ЖЕЛЕЗНОБОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ	101

СРЕТОЧЬ

АЛЬМАНАХ

Главный редактор
протоиерей Дмитрий Сазонов

Редактор и корректор   Н. А. Русанова

Компьютерная верстка   И. М. Каравановой

Подписано в печать 10.05.2007

Формат 60x90/8

Уч. изд. л. 9,8

Тираж 100 экз.

Изд. № 11

Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова
156961, Кострома, ул. 1 Мая, 14

Чудотворная Феодоровская икона Божией Матери

2007